

Моника
Варненска

Моят на реке Бенхай

Моника
Варненска

Моисей на реке Вонхай

(Путевой
дневник)

Издательство
„Наука“

Главная
редакция
восточной
литературы

Москва
1967

Авторизованный перевод
с польского
Я. О. НЕМЧИНСКОГО

Ответственный редактор
Д. В. ДЕОПИК

Предисловіе

В конце 1965 года по приглашению редакции «Литературной газеты» в Москве гостила известная польская писательница и публицист Моника Варненска. Она провела несколько пресс-конференций — в Центральном доме журналиста, в «Литературной газете» и пресс-бюро издательства «Красная звезда», — вызвавших большой интерес многочисленных работников советской печати. М. Варненска находилась в Демократической Республике Вьетнам и Южном Вьетнаме около шести месяцев, из них более семи недель — непосредственно в джунглях, среди патриотов Юга.

Ежечасно рискуя жизнью, отважная женщина совершила пеший поход по нескольким провинциям сражающегося Юга и в качестве военного корреспондента польской газеты «Трибуна люду» побывала в частях и подразделениях Армии Освобождения и в партизанских отрядах. Нельзя не согласиться с мнением одного из присутствовавших на пресс-конференции (и бурно аплодировавших ее репортерскому подвигу) журналистов, что «ходить под обстрелом и бомбежкой американских самолетов, почевать в глухих джунглях и совершать по ним переходы в несколько десятков километров каждый день — совсем не женское дело. Для этого надо иметь бесстрашную душу, мужскую выносливость и возвышенную цель». И не удивительно поэтому, что Центральный Комитет Союза социалистической молодежи Польши наградил М. Варненскую за этот подвиг «Золотой медалью Я. Крашицкого», а партийная печать ПНР дала репортажам писательницы самую высокую оценку.

Предлагаемая читателям книга Моника Варненской «Мост на реке Бенхай» отражает два периода в жизни Вьетнама. Первая часть представляет собой сокращенный перевод одноименного литературного труда писательницы, который является творческим отчетом о ее поездке в ДРВ четыре года назад. То были мирные дни — ничто тогда, казалось, не угрожало стране и народу, занятому восстановлением и созидательным трудом после восьмилетней «грязной войны» 1946—1954 годов. Но зоркий глаз этой маленькой женщины сумел разглядеть первые признаки надвигающейся грозы — за мостом на реке Бенхай уже шла подготовка к агрессии против Севера. Американские империалисты, грубо попирая Женевские соглашения, все более открыто и нагло ввозили на Юг оружие, создавали многочисленную армию продажного сайгонского режима и, более того, буквально наводняли Юг бесчисленными «советниками», посылая им «подмогу» в виде целых дивизий армии США. Но уже вставали на бой тысячи и тысячи патриотов, разгоралась и ширилась борьба за

воссоединение страны. Лозунг: «Север и Юг — наш общий дом!», а равно и требование о выводе с Юга всех чужеземных войск стали кровным делом всего народа. Его борьбу поддержали и поддерживают все прогрессивные силы мира.

Польское издание книги «Мост на реке Бенхай», вышедшее в 1964 году, получило высокую оценку читателей и критиков. Фрагмент из нее был опубликован в «Литературной газете» еще до выхода книги в Варшаве и также встретил благожелательные отклики советских людей. Успеху книги способствовали страстность публициста, призывавшего мировое общественное мнение: «Встаньте стеной на защиту вьетнамского народа!», а также объективное, без прикрас, без преувеличений, отображение вьетнамской действительности. Автор сумел точно передать своеобразность быта, традиций и культуры вьетнамского народа, специфику его многовековой истории и борьбы с многочисленными захватчиками, издавна посягавшими на богатства этой древней и прекрасной земли.

Вторая часть данной книги — это свидетельство очевидца, побывавшего в Демократической Республике Вьетнам в дни войны, необъявленной войны американских агрессоров против ни в чем не повинного, никогда и ничем не угрожавшего Соединенным Штатам вьетнамского народа. М. Варненска провела в ДРВ весну и часть лета 1965 года, много ездила по местам варварских бомбежек, беседовала с крестьянами, рабочими, солдатами и офицерами Народной армии ДРВ, учителями, школьниками, политическими и общественными деятелями. Гневом и болью насыщены ее слова, когда она пишет о воздушном терроре американских пиратов, о гибели детей, женщин, стариков, больных... Эта часть книги — репортаж, написанный по горячим следам событий, а потому она несколько отличается по литературному стилю от первой части. Материалы предоставлены нашему издательству Моникой Варненской до опубликования новой книги в Польше: сейчас писательница только закончила ее.

Третья часть — отчет военного корреспондента о поездке на Юг, в джунгли по ту сторону 17-й параллели, также публикуемый впервые. Кроме того, автором передано издательству несколько фотоснимков, сделанных во время поездки. Фотоматериалы Варненской — огромной силы обличительный материал, неопровержимое обвинение против зверств и варварства, творимых американскими империалистами, ничем в своих преступлениях не уступающих гитлеровцам.

Таким образом, книга «Мост на реке Бенхай» в значительной степени отличается от польского оригинала. По существу требовалось изменить название книги, ибо она обрела иной характер: две ее части посвящены «грязной войне», развязанной Соединенными Штатами уже после выхода в свет польского издания. Но мост на реке Бенхай как раз и есть незаживающая рана на теле страны.

Искусственная, несправедливая граница по 17-й параллели явилась причиной бед и несчастий, обрушившихся на каждую вьетнамскую семью. Мост Хиенлуонг и река Бенхай — это символ борьбы народа за объединение. И этот символ священ. Поэтому издательство считает своим долгом сохранить первоначальное название книги.

«Мост на реке Бенхай» — обличительный документ. Его нельзя читать без волнения, гнева и возмущения бесчисленными преступлениями Пентагона и американской реакции, породившей это чудовище разбоя. Советское правительство, весь советский народ не только открыто осудили и заклеили позором агрессию Соединенных Штатов во Вьетнаме, но оказывали и будут оказывать самую действенную помощь нашим вьетнамским братьям в их самоотверженной борьбе против заокеанских захватчиков.

Каждый новый день приносит нам подтверждение того, что в мировом общественном мнении, подобно всесокрушающей «цунами», нарастает гигантская волна гневного протеста. Люди всех национальностей проводят бурные демонстрации перед зданиями американских посольств и консульств, бойкотируют — а нередко и просто громят — филиалы пресловутой ЮСИА (Информационное агентство Соединенных Штатов), ставшие рассадниками клеветы и дезинформации, собирают денежные средства на закупку медикаментов и продовольствия для борющегося Вьетнама. Ширится протест и в самой Америке: многие юноши публично сжигают повестки о призыве в армию, солдаты отказываются ехать за океан, чтобы помогать клике Ки «усмирять» пылающий Юг. Эти смелые и честные американские парни называют вещи своими именами: они заявляют, что данная «необъявленная война» противоречит конституции США и является преступлением. И к каким бы драконовским мерам ни прибегали реакционные круги США, в какие бы каторжные тюрьмы ни сажали они этих смелых ребят, подавить возмущение, остановить процесс прозрения так называемого среднего американца им не удастся. «Грязная война» во Вьетнаме стала — и это признает даже печать США — самым непопулярным явлением в жизни Америки.

Не удивительно поэтому, что выступление делегата США на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, постоянного представителя Соединенных Штатов в этой организации, Артура Голдберга было расценено всей мировой прессой как неуклюжий, фарисейский, никого не убедивший маневр. А. Голдберг силился доказать недоказуемое: что в этой войне ответственность несут не США, а... Демократическая Республика Вьетнам! Ярким противопоставлением высказываниям А. Голдберга прозвучала на весь мир декларация позиции Советского Союза, оглашенная с трибуны ООН министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. Ясность, четкость, логика и бесспорность изложенных фактов сразу же привлекли всеобщее внимание к советским предложениям о путях решения вьетнамского вопроса. Они включают и те пункты, которые были опубликованы правительст-

вом ДРВ и ЦК Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама: прежде всего вывод всех интервенционистских войск с Юга, прекращение бомбардировок ДРВ, а затем и переговоры с представителями Ханоя и НФОЮВ как единственными представителями вьетнамского народа.

Человечество больше не потерпит международного пиратства американской военщины, голос его звучит все грознее и решительнее, и недалек тот день, когда ордам новых «завоевателей» придется уйти с вьетнамской земли. История не простит им совершенных злодеяний. Они никогда не смогут оправдаться перед нею: кровь детей, женщин, стариков, больных — на руках американских солдат. Этого позора, этой крови военщина Соединенных Штатов не смоеет вовеки!

Я. Немчинский

Товарищу Нгуен Конг Хоану —
с благодарностью и в знак дружбы

Часть I

Вьетнам в дни мира

Высокие и крутые горы
не могут нам быть преградой:
когда мы достигнем вершины,
то будем выше любых гор!

*Народная вьетнамская
песня, возникшая в го-
ды первой «грязной
войны» (1946—1954)*

«ТЮК МЫНГ НАМ МОЙ!»

— *Тюк мынг нам мой!*

Я повторяю эти слова всю дорогу от Варшавы до Пекина — даже в ТУ-104, летящем над просторами Сибири и чудесным Байкалом. На недавно выстроенном пекинском аэродроме я пытаюсь заинтересовать этой фразой четырех советских инженеров, вместе с которыми мне предстоит лететь в Ханой. Еще только шесть часов утра. По местному времени уже начинается день. На чистом, словно выметенном небе ярко сияет узенький серп месяца.

— Эх, опять забыл! Как это выговаривается? *Тюк мынг...* *тюк...* А дальше? — озабоченно спрашивает Степан Петрович, рослый блондин из Воронежа.

— Трудновато? Скверное дело — зубрежка! — насмешливо говорит его товарищ Алексей Максимович.

Он наполняет рюмки ароматным грузинским коньяком. Я с удовольствием пью: такая порция «горячительного» очень кстати — в самолете пока довольно холодно. Моторы еще не работают, и стюардесса-китаянка раздает пассажирам теплые одеяла. Склонившись над картой Вьетнама, мы вдвоем измеряем путь, проделанный нами вчера ночью за один рейс. Я мысленно прокладываю тот, который мне еще предстоит совершить. Успею ли?..

Первая остановка: Ухань. Внизу простирается желтовато-серая, плоская земля, изрезанная голубыми нитями реки и ее притоков. Это — Янцзы, как бы перепоясанная широким мостом. Приземляемся. Остановка короткая, погода летная, и нас отправляют быстро. Кажется, я все-таки успею.

— Скажите, пожалуйста, а как дальше? — Степан Петрович вновь повторяет ускользящие из памяти слова.

На границе, в Наньнине, царит какой-то серо-зеленоватый цвет. Вскоре желтизна последних китайских полей уступит место буйной зелени. Зима осталась далеко позади. Теперь уже не нужно ни одеял, ни коньяка. Ставится все теплее и теплее.

— Значит, скоро в Ханое праздник? — допытываются мои советские товарищи.

— Да, большой праздник! — отвечаю я. — Местный Новый год. Только несколько иной, чем у нас, — лунный.

— Ну что ж, значит, будем праздновать еще раз! — весело басит молодой москвич Борис. — Эх, елки зеленые, опять забыл! Как надо говорить при встрече?

...На дорожке ханойского аэродрома — группа встречающих. Кто-то издали машет мне рукой. Спешу навстречу давним и новым друзьям и кричу по-вьетнамски:

— *Тюк мынг нам мой!*

Это значит: «Счастливого, удачного Нового года!»

✽

Все-таки я успела!

Сейчас очень интересное время: дни подготовки к Новому году — празднику Тет. Тороплюсь на улицу: жаль даже минуты, проведенной в стенах гостиницы. Вместе с моим старым другом, Нгуен Конг Хоаном, направляемся в центр.

Тропический вечер. Быстро, почти мгновенно наступающая темнота резко отделяет день от ночи. На улицах оживленно. Повсюду — в магазинах, на домах, на широких транспарантах — новогодние приветы и пожелания. В книжном магазине на ближайшем углу нам предлагают множество праздничных открыток. Изумительно красочная, повторяющая мотивы сказок о животных и зверях, а равно песен и присказок, прелестная народная графика. Здесь и облик лунного Нового года: он изображен в виде маленького ребенка.

Позади уже остался прежний французский район с его многочисленными желтоватыми виллами, окруженными пышной растительностью. В старом городе скрещиваются и переплетаются узкие извилистые улочки. Шума здесь не меньше, чем в центре, — жители, от мала до велика, выходят на тротуары и мостовую, лишь бы подальше от темных клетушек, от низеньких лавчонок, которые служат владельцам одновременно и квартирой. Женщины в длинных черных юбках и свободных блузках, в круглых и плоских тюрбанах несут — казалось бы, без всякого усилия — тяжелые корзины с апельсинами, бананами и овощами. Возле стен приткнулись уличные торговки, разложившие на маленьких столиках свой немудреный товар: нитки, иголки, пуговицы, дешевую галантерею... Горки конфет соседствуют с местными пирожными и фисташками.

Останавливаюсь перед красным транспарантом с надписью: «*Vui miен бак нё миен нам*». Спрашиваю:

— Что это означает?

— То, что сейчас для нас важнее всего! — отвечает Хоан и переводит надпись: — «Счастливо живя на Севере, мы помним о Юге».

Глубокая почь. Я засыпаю под «москитерией»*, распростертой надо мной подобно балдахину. В глазах у меня все еще мелькает пестрая толпа и разноцветные огни на предпраздничных улицах Ханоя. Мой первый сон прерывает далекий, но звучный треск взорвавшейся петарды. Вьетнамский Новый год на пороге...

*

На следующий день подготовка к празднику в Ханое достигает апогея. В огромном зале Донг Сюан ** толчея и шум, как в растревоженном улье. Перед дверями мясного магазина—длинная очередь. В ожидании его открытия женщины не теряют времени: торопливо вяжут что-то на длинных спицах. Но вот начинается торговля. Продащицы, сверкая черными зубами, ласково улыбаются, и проворно обслуживают покупателей. Громоздятся горы овощей. Некоторые знакомы мне: морковь, кольраби***, помидоры, крупный лук. Другие я вижу впервые: серо-коричневые корни маниоки, лиловые стебли сахарного тростника. Рядом лежат длинные желтоватые плоды папайи, волосатые кокосовые орехи и круглые, гладкие, зеленые орехи арековой пальмы. Ну, а там, где эти плоды, несомненно есть и бетель****. Зеленые мясистые листья аккуратно сложены в плоские корзины. Щепоть извести, четверть арекового ореха и зеленый лист бетеля сворачиваются в трубочку, затем ее медленно жуют, слюна приобретает цвет крови и смешивается с соком бетеля, который дурманит человека подобно наркотику.

— А это что такое? — спрашиваю я, показывая на квадратные, обернутые в листья пакетики.

— *Бань хунг!* — объясняет Хоан. — Род рисового теста. Ты попробуешь его завтра. Трудно представить себе Тет без этого блюда.

* Сетка для защиты от москитов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

** Большой базар в Ханое.

*** Сорт капусты.

**** ~~Перечное~~ растение.

Морем красок поражает нас рынок цветов. Красные и розовые гладиолусы, желтые хризантемы соседствуют с ветками даи — персикового дерева, — покрытыми массой розовых цветов. Длинные ряды цветочных горшков с карликовыми мандариновыми деревцами — на них золотятся миниатюрные плоды.

— Много, очень много цветов, но к вечеру все они исчезнут с рынка! — говорит Хоан. — Люди расхватывают их. В Новый год ни один дом не может остаться без цветов...

Обгоняя прохожих и отчаянно звоня, мчатся велосипедисты. Говорят, что только в Ханое их насчитывается свыше 25 тысяч! Почему же, несмотря на постоянную толчею и весьма оживленное движение, при столь тесных улицах и узкой мостовой, где играют дети, — происшествия и столкновения весьма и весьма редки? Не знаю! Видимо, это уже секрет ловких вьетнамских велосипедистов.

Нередко я вижу велосипеды, на которых кроме взрослого сидят двое-трое детей. И еще: за рулем — молодой вьетнамец, а его жена или сестра, примостившись боком на багажнике, преспокойно вяжет что-то, ловко орудуя длинными спицами...

Девушки здесь носят преимущественно темные юбки, цветные блузы (свободные и длинные, как туники) и конусообразные соломенные шляпы. Волосы их спадают волной или связаны свободным узлом. Нередко замечаю любопытствующий взгляд, брошенный из-под широких полей шляпы. То тут, то там мелькают круглые шлемы солдат и их выгоревшие на солнце куртки. Встречаются и пожилые мужчины в традиционной одежде: длинной до колен блузе и круглой темной шапочке.

От весьма оживленной площади разбегаются улочки с причудливыми названиями: Шелка, Сахара, Игральных карт, Риса, Шляп, Барабанов, Корзин. Это старинная торговая часть города. Однако теперь чувствуется по всему, что древние названия, которые отражали профессию старых обитателей района, уже отмирают. Так, например, улица Гробов ныне радует глаз переливом красок спелых бананов и апельсинов.

Полдень. Движение в городе замирает. Все погружается в дрему. Дневной отдых необходим при здешнем климате, а сегодня жители Ханоя нуждаются в нем больше, чем в иные дни. Ведь в эту ночь почти все — даже старики и дети — не сомкнут глаз: будут встречать лунный Новый год.

Празднуемый во многих странах Азии, на вьетнамской земле он отмечается особенно торжественно. Периодичный, как и наша пасха, он всегда бывает в начале весны между последней декадой января и второй декадой февраля. В 1962 году, по традиционному вьетнамскому календарю, праздник Тет пришелся на 4 февраля. Работа прервана на три дня. Во всех домах — много цветов: нарциссы, хризантемы, гладиолусы, но прежде всего ветки зацветающего персика, означающие наступление весны. По древним верованиям, розовые цветки персика изгоняют из дома всех злых духов.

За неделю до праздника, как рассказал нам Хоан, в каждой семье устраивается прощание с «опекающим духом», который, по старинному поверью, улетал на небо, чтобы дать небесным силам отчет о жизни и поступках членов семьи, среди которой он находился (разумеется, невидимо). Ему приносят жертвы — пищу, ритуальные бумажные деньги, специально подготовленные для этого случая, одежду из бумаги и такую же рыбу, на которой «опекающий дух» должен совершить путешествие в потусторонний мир.

В новогодние дни под родной кров собираются те, кто весь год находился далеко от дома. Во время Тета прекращаются всякие споры, недомолвки и ссоры между родными: Новый год — это день единения, ласки и улыбок. Три дня длятся развлечения и забавы, танцы и игры под открытым небом, под звуки взрывающихся петард, при ярком свете фонарей.

День Нового лунного года и новой весны, вместе с тем и день поминок тех, кого уже нет в живых. Культ умерших — неперенная часть местных древнейших религиозных поверий. *Не жуок онг ба* — так называется церемония воздания почестей умершим перед семейным «алтарем предков».

...Небо потемнело. Сумерки. Гирлянды огней россыпью отражаются в Малом озере — одном из водоемов Ханоя. Может быть, тень короля Ле Лоя — легендарного героя Вьетнама — явится с «того света», чтобы незримо участвовать в празднествах?..

Группа подростков возится у длиннющего, сделанного из папье-маше и ярко раскрашенного чудовища. Через несколько минут по улице в танцевальном шествии с этим сказочным драконом двинется колонна юных горожан.

На перекрестках улиц и на площади играют оркестры. Здесь танцуют — главным образом молодежь, окру-

женная тесным кольцом зрителей. С каждой минутой становится все больше и больше не только любопытных, но и самих танцоров.

— Взгляни! — говорит мне Хоан, показывая на двух красивых девушек.

На одной из них, невысокой и не столь хрупкой, как вьетнамки, поблескивают колышущиеся в такт мелодии ножные и ручные украшения—ожерелья и браслеты. Это девушка народности мео, живущей в горных районах Вьетнама.

Ее подруга, худощавая, с движениями полными своеобразной прелести, одета в темную блузу и длинную, до самых щиколоток юбку, перевязанную в талии широким цветным шарфом. Я сразу угадываю в ней представительницу народности таи.

Танцующие быстро передвигаются по кругу в такт мерному ритму, который подчеркивается оркестром: раз-два-три, раз-два-три и снова раз-два-три, раз-два-три... Затем круг делится на пары. Все дальше и дальше уходят от нас девушки в длинных платьях, ярких, как наряд бабочки. Раз-два-три, раз-два-три... Это танец «Встреча весны».

Уже пробило одиннадцать, когда мы приехали к товарищу Нгуен Кхоань Тоану, который пригласил нас на *Жяо тхы* — встречу Нового года. Атмосфера здесь такая же, как и у нас в канун Нового года. Я даже забываю о том, что уже один раз — месяц назад, в Варшаве — встречала европейский Новый год! Беседа наша идет на трех языках — вьетнамском, русском и французском: в этом гостеприимном доме собрались вьетнамцы, русские и поляки.

Потягивая из фарфоровых чашечек зеленый ароматный чай, мы то и дело посматриваем на часы. Стрелки приближаются к двенадцати. Из радиоприемника льется приглушенная мелодия. Трое мальчишек — дети нашего хозяина — притаились у раскрытой двери на улицу, держа наготове свои петарды-хлопушки. Молодая женщина — жена Тоана — в последний раз проверяет, все ли готово для новогоднего ужина, который начнется ровно в полночь...

— Посмотри, это, пожалуй, немного напоминает вашу елку, не правда ли? — спрашивает Хоан (под Новый 1961-й год он был в Польше).

Высокий и прямой ствол бамбука увенчан веером зеленых листьев. На них висят маленькие глиняные рыбки и звоночки. Это традиционное *кай неу* — новогоднее

деревцо — украшает вьетнамские дома вплоть до седьмого дня после праздника Тет.

В некоторых сельских местностях на подобные «елки», поставленные перед хижинкой, вешают масляный светильник и корзиночку с каким-то веществом, которое воскуривают в эти дни, чтобы указать дорогу предкам, спускающимся к родному порогу, а заодно и отогнать злых духов.

Часы бьют двенадцать. По радио звучит вьетнамский национальный гимн. Затем раздается низкий, спокойный голос: президент Хо Ши Мин поздравляет вьетнамский народ, шлет ему добрые новогодние пожелания. Я не понимаю многих слов, но легко угадываю содержание: это слова о мире, о единстве и объединении разделенной страны.

С разных концов города доносятся взрывы петард. Сыновья Тоана наконец-то дорвались до забавы! Как и все мальчишки мира, они любят пошуметь в праздничный день. От грохота их петард в ушах гудит!

Наступил восьмой мирный Новый год. Особенно памятным было, как говорит хозяин, празднование Тета на пороге 1955 года. В те дни «отец Хо» вместе со всем правительством как раз вернулся из временной резиденции во Вьетбаке (в недоступных джунглях Северного Вьетнама) в столицу.

С того времени каждую новогоднюю ночь Хо Ши Мин посещает дома нескольких рядовых жителей Ханоя. Мы еще не знаем, в чей дом он войдет ночью 3 февраля 1962 года — года, который по азиатскому календарю называется «Годом Тигра».

Близок рассвет. Светлеет небо, наступает короткий отдых перед завтрашним праздничным днем. Мы долго бродим по улицам Ханоя, смешавшись с толпой гуляющих горожан. С треском взрываются петарды, играют оркестры, танцует молодежь. Вон там, неподалеку, приплясывает однорогий дракон, в такт барабанному бою размахивая длинным хвостом и широко разевая пасть к немалому удовольствию детей и взрослых.

Наконец Хоан прощается со своими гостями. Звучат то русские, то французские слова. С ним можно говорить также по-английски и по-китайски — он свободно владеет и этими языками. Я вдруг вспоминаю, что этот улыбающийся человек закончил Сорбонну и получил диплом доктора за диссертацию по критике бергсонизма*.

* Анри Бергсон (1859—1941) — французский философ, апологет так называемой теории интуиции.

Ну, а какие еще у него были работы? Оказывается, Хоан вернулся на родину в самый тяжелый период первой «грязной войны» и руководил ликвидацией неграмотности в лесных деревнях освобожденной зоны.

Утром я узнала, что «отец Хо» посетил дом рабочего каучукового завода, а затем какого-то старика, которому скоро исполнится девяносто лет. После этого он наведлся к заместителю ректора медицинской Академии и к работнику одного из министерств, выходцу из Южного Вьетнама...

Таковы были новогодние визиты президента — без предупреждения, без помпы, без церемоний. Визиты эти сопровождалась осмотром квартиры, дружеской беседой о повседневных заботах и хлопотах простых людей, а также искренними пожеланиями *Бак Хо*, как называют его вьетнамцы.

Первый день праздника Тет — семейные торжества. Поскольку, как подчеркнул Конг Хоан, он подружился с моей семьей еще в Варшаве, меня тут считают старшей сестрой. Поэтому я и приглашена на обед: он такой же торжественный, как в Европе новогодний ужин.

Мы едем в предместье Ханоя. Низенькие дома с крышами из пальмовых листьев. Возле домиков сады, много пальм, раскрывших веера своих листьев прямо над головой. Маленькие пруды, густо затянутые зеленью. Издалека доносится торжествующий крик детворы: ее первый наблюдательный пункт передает сигнал следующему посту. А там уже извещают взрослых. Разумеется, тотчас же пошли в дело петарды — они оглушительно рвутся у самых ворот дома. На сей раз это салют в честь гостей из далекой страны Ба-лян*.

Домочадцы Хоана, которые знают мою семью только по фотоснимкам и его рассказам, встречают меня очень радушно. Жена хозяина, Ву Тхи Иен, сверкая черными зубами, приглашает меня к столу и сажает рядом с собой. Она и две другие женщины, помоложе, одеты в темно-коричневые вьетнамские национальные наряды. А сын Хоана, Тай, как и отец, носит европейский костюм.

За праздничным столом, по традиции, собрались почти все близкие родственники Хоана и Иен. Вьетнамцы, которые проводят этот день вдали от близких, очень болезненно переносят разлуку.

— А как было во время войны? — спрашиваю я.

— Да как сказать... — отвечает Хоан, наполняя ви-

* Так вьетнамцы называют Польшу.

ном рюмки с изображением герба Варшавы — меченой Сирены* — Мы и тогда отмечали лет. Только вместо семьи — в кругу боевых товарищей.

Биография хозяина дома, известного вьетнамского прозаика и сатирика, многими фактами напоминает «Мои университеты» Максима Горького. Детство в доме отца, ооцищавшего чиновника, в атмосфере традиций, консерватизма и предубеждений этой касты. Затем учеба в только что открытой школе для «туземных» детей, где преподавание велось на французском языке и где Хоану было очень плохо и грустно. Школьные годы — поровну разделенные между интернатом, квартирой родственников в Ханое и отцовским кровом в родной провинции Бакнинь. Подрастающий мальчик отнюдь не считался преуспевающим учеником. Он сам говорит о себе: «был я большим лентяем». Он любил наблюдать за жизнью родного селения и его людьми, постигал их обычаи и подолгу беседовал об этом с отцом. И терпеть не мог корпеть над книгами в нелюбимой школе. Разумеется, тогда ему и в голову не приходило, что эти дни прогулок по сельским дорогам и беседы с отцом впоследствии приведут его в литературу. В то время ему предстояло решить: что делать, в чем искать призвание, какую изорать профессию?

Впрочем, выоор этот был ограничен. В те времена в Тонкине — провинции французского Индокитая — местный житель мог рассчитывать лишь на должность низшего чиновника. Хоан любил детей и решил стать учителем. Закончив предназначенное только для вьетнамцев среднее педагогическое училище, Хоан получил должность в деревне. К двадцати годам он начал печатать в газетах сатирические произведения.

Спустя несколько лет Хоан стал писателем, хорошо известным не только читателям, но также... полиции и колониальным властям. Одновременно Хоан продолжал работать в школе. Короткую мирную передышку в 1945—1946 годах он использовал для участия в организации культурной жизни только что освободившегося Вьетнама. В декабре 1946 года — снова война и уход в джунгли. Затем восемь лет работы в организациях Движения Сопротивления. Длительные, полные опасностей и приключений, переезды из освобожденных зон на оккупированную французами территорию. Автор сорока

* По преданию, Сирена вышла из волн Вислы с мечом в руках, чтобы защитить Варшаву от врага.

книг новелл и повестей становится партийным работником. В те дни его встретил и описал в известной книге «Дом без стен» мой соотечественник Войцех Жукровский. Хоан жил тогда среди крестьян и солдат. Он ново постигал правду о своем народе, хотя и полагал, что хорошо знает его жизнь.

Но для разговора о вьетнамской литературе, о книгах Хоана и для военных воспоминаний у нас еще будет время впереди. А теперь пора провозгласить тост за здоровье хозяина и за Новый год, чтобы он был самым успешным. Нужно успокоить Иен, которая тревожится — по вкусу ли польской гостье вьетнамские блюда?

Стол ломится от обилия яств. Мы орудуем палочками в фарфоровых чашках, попеременно дегустируя то *бань хунг* — рисовое тесто, то *миен* — прозрачные, как желе, макароны из соевой муки. Мы обмакиваем кусочки мяса и рыбы в рыбные соусы *ныок мам* и *ма том*. Затем пробуем *нем* — салат из зеленых овощей, *жио* — маленькие паштетики и, наконец, горячие фисташки — самое вкусное блюдо. Разумеется, они тоже подаются с рисом — разварным, дымящимся, аппетитным. Попеременно наполняем рюмки то польской «зубровкой», то местной водкой *жыой* — более слабой, чем наша, и по вкусу напоминающей ликер. Во Вьетнаме, как, впрочем, и в других азиатских странах, нет разграничения блюд на «первые» и «вторые»: все кушанья подаются на стол одновременно. Мы понемножку пробуем все, не соблюдая никакой очередности. Но вот наконец и десерт. Мне трудно решить, что лучше: *хат сен* — сухое варенье из зерен лотоса, *дуа* — сладкая кокосовая стружка или *мут сен* — маленькие, обжаренные в сахаре мандарины. Не могу также определить, какой чай вкуснее — с ароматом лотоса или жасмина? Чай здесь пьют, разумеется, без сахара, чтобы он не портил вкуса.

Через открытые настежь двери видны молодые деревья. Большой сад окружает этот гостеприимный дом. Бананы тут соседствуют с кокосовыми пальмами, а папайи с бамбуком. Высоко в небо вонзилась стройная и прямая, как струна, арековая пальма. По буйно заросшей зелени входной арке ползут листья вьюнка «сусу», закрывая продолговатые грушеобразные плоды с шероховатой кожурой. С невольным изумлением замечаю я на грядках небольшого огорода, под тенью неизвестных мне деревьев... капусту!

Город взлетающего дракона

В основном мой план пребывания в ДРВ, поездок по стране и журналистской работы согласован. Вьетнамские товарищи приняли его целиком, хотя и не без возражений. При встречах мне высказывают их все трое — Хоан, Динь и Нинь. На первую неделю намечены встречи в Ханое и поездки по ближайшим окрестностям. Затем отправимся по дальнему маршруту.

Динь, который сопровождал меня в праздничный день по буддийским и конфуцианским пагодам, — человек сдержанный, малоразговорчивый, с грустной улыбкой. У него двое детей. В местном Комитете культурной связи с заграницей он руководит отделом, который ведает контактами с Польшей. О его подчиненном, молодом До Зуй Нине, никак не скажешь, что он — отец шестнадцатилетнего сына. Несколько сдвинутая набекрень шляпа, цветастый шарф на шее в холодные дни, немножко задорная, немножко вызывающая улыбка — таков Нинь, который каждое утро ровно в семь тридцать появляется в отеле, чтобы сопровождать меня в прогулках по городу. Он отвечает также за всю «техническую» часть задуманного нами путешествия: за средства передвижения, ночлег, питание и даже за встречи с нужными людьми... Порой, когда беготня и хлопоты отнимают у Ниня слишком много времени, его выручает один из переводчиков Комитета — рослый, спокойно-невозмутимый, всегда вежливо улыбающийся Кхоань, великолепно владеющий французским.

О первом этапе намеченной поездки — бывшей французской крепости Дьенбьенфу — мы все еще спорим. Я досаждаю не только Диню, но и Хоану (как председателю иностранной комиссии Союза писателей) просьбой дать мне автомашину вместо запланированного самолета. Доказываю обоим: я же ничего не увижу с воздуха!

Динь и Нинь единодушно возражают против машины: «Путь автомашиной до Дьенбьенфу очень труден и мучителен. Непривычный к нему человек может поплатиться здоровьем. Очень немногие европейцы ездили туда на машине, но среди них не было ни одной женщины!..»

Я не очень-то верю Ниню и Диню, хотя они повторяют мне, что европейки, побывавшие здесь после войны,

ездили на машине только в ближние к Ханюю районы Дельты. Он имеет в виду советскую журналистку, польскую художницу и румынскую артистку.

А мне хочется пойти по иному маршруту: дальше, глубже в джунгли, хотя бы это и было стократ тяжелее. Не для того я приехала во Вьетнам, чтобы ограничиться давным-давно изъезженными трассами! Трехдневная поездка на машине в Дьенбьенфу — это как раз путешествие через горы в джунгли, через бурные потоки, по автономной зоне народностей таи и мео... Нет, от этого я ни за что на свете не откажусь!

Выражение лиц моих вьетнамских друзей свидетельствует, что они не доверяют моим силам. Я вижу это по их улыбкам — скептическим, но неизменно вежливым. Черт возьми! Как доказать им, что кроме выдержки и здоровья у меня уже накопился определенный опыт путешественника? Я дважды была в Корее, где бродила по знаменитым Алмазным горам, долго находилась в горах Кавказа, немало поездила по Центральной Азии...

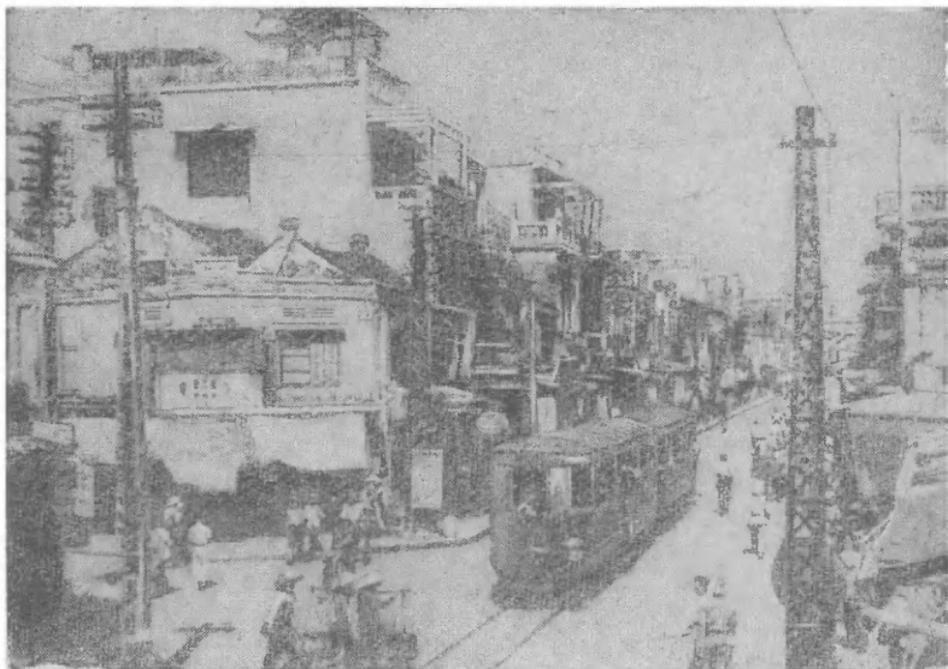
«Но все же стоит твердыней Гренада...» Просто счастье, что у меня теперь надежный союзник — Хоан. Правда, вчера он тоже пытался отговорить меня от поездки в Лаокай и Чапа — местности в джунглях, вблизи китайской границы. Но потом мне как-то удалось его переубедить. Он отложит работу над начатой еще в прошлом году большой повестью и поедет со мной, как обещал еще в Варшаве. Он гарантирует Диню, что я, говоря языком моих детей, «не надломлюсь».

А пока я знакомлюсь с повседневной жизнью Ханюя.

*

После осмотра парков и аллей, буддийских пагод и берега Малого озера, после долгих прогулок по оживленным улочкам старой, торговой части города европеец невольно оглядывается вокруг. Ему чего-то явно не хватает в пейзаже вьетнамской столицы. Но я лично уже знаю: здесь не видно почти никаких промышленных предприятий, обычно составляющих неотъемлемую часть таких крупных столиц, как Москва и Париж, Берлин и Будапешт, Прага и Варшава!

В Ханюе никогда не было промышленности. Мирослав Жулавский, первым из поляков приехавший во Вьетнам, очень метко охарактеризовал Ханюю как бывшую столицу колониального режима, центр французской администрации, город торговли и... воинских гарнизо-

В канун праздника Тет на улицах Ханоя

нов. «Единственным, надлежаще развитым промыслом здесь является сфера обслуживания, — пишет автор книги «Красная река» в своем путевом дневнике, озаглавленном «Бамбуковые щепки». — Дело обслуживания развернуто чрезмерно. На рынке не видно никаких товаров местного производства... И вся экономическая структура города отражала лишь структуру колонизаторского режима. Обитатели «чудесных кварталов» получали огромное жалованье, немалые колониальные надбавки, а также занимались крупным компрадорским бизнесом. Жители же так называемых туземных районов жили на гроши, получаемые за работы по обслуживанию, или мелкой торговлей. Единственными крупными промышленными объектами в Ханое были электростанция, железнодорожные мастерские, пивной завод и завод по производству сельтерской воды...»

Меня взволновала история Ханойской электростанции. Однажды вечером ее рассказали мне товарищи, некогда работавшие там. Ныне они вошли в состав руководящего актива.

— Предприятие наше было собственностью французской акционерной компании «Société Indochinoise d'Elec

tricité». Мы не будем излагать вам ее историю. Ведь вас интересует прежде всего 1954 год, да? Здесь тогда работало около четырехсот человек... Среди коллектива дирекция электростанции густо насадила агентуру «Сюртэ» — французской тайной полиции. Но шпиикам не удалось раскрыть подпольных групп Сопротивления: каждая из них действовала обособленно. В случае провала одной вторая могла продолжать свою деятельность.. Не было ни радио, ни газет. Мы устно передавали друг другу вести о победах нашей армии, и прежде всего об успехах кампании под Дьенбьенфу. Если же нам удавалось раздобыть что-либо из подпольной прессы, особенно газету «Кьу Куок» (некоторое время ее редактировал сам Хо Ши Мин), то каждый ее номер, каждая ее страница прочитывались многими нашими людьми.. Долго, но тщетно боролись мы с дирекцией за возможность умыться после работы или за устройство на предприятии хотя бы сносных уборных. Добивались мы и того, чтобы обыск женщин-работниц после смены поручался женщинам-вахтерам. Наши работодатели стали более податливыми лишь после того, как с фронта начали поступать неблагоприятные для них сводки. Мы сумели тогда отстоять нашего товарища, рабочего по имени Ба. И люди тут увидели, что с нами вынуждена считаться даже всемогущая дирекция..

— А что было с этим рабочим?

— Под каким-то пустяковым предлогом приспешники дирекции зверски избили его и выгнали с работы. Нам удалось собрать множество подписей под петицией протеста. Ба вновь был принят на работу. Это может показаться мелочью, но в то время такой факт означал для нас многое.

— Весной 1954 года, после нашей победы под Дьенбьенфу, — говорит Ту Данг Льеу, — мы поняли, что война близится к концу. Действительно: скоро началось Женевское совещание. Но правительство и армия смогли вернуться в Ханой лишь спустя восемьдесят дней после заключения мира. А за это время могло случиться всякое, и мы как зеницу ока должны были беречь станцию: ее машины, оборудование, постройки, здания... К счастью, Ханой уцелел.

— Незадолго до заключения перемирия, — продолжает Ту Данг, — в нашем коллективе несколько активизировались члены «желтых», раскольнических профсоюзов. Хотя их было и немного, все же они могли причинить нам вред. Эти люди призывали рабочих не при-

нимать участия в политической деятельности, а добиваться лишь повышения заработной платы и улучшения условий труда. Наивность и лицемерие! Ведь даже те малые уступки, на которые пошла дирекция, вызваны только неблагоприятным для нее оборотом событий, особенно на фронте. Однако раскольники твердили, что теперь наступил удобный момент начать забастовку и требовать повышения заработной платы. А мы понимали, что забастовка несвоевременна: ведь если мы бросим работу, дирекция немедленно воспользуется нашим уходом с предприятия, чтобы вывезти машины. Этого мы не имели права допустить!.. И еще одно: наши запасы угля были на исходе, но дирекция не спешила пополнить их. Почему? Было известно, что по Женевским соглашениям «имущество, имеющее полезный общественный характер», должно остаться во Вьетнаме. А бездействующие машины и оборудование значительно легче демонтировать и вывезти... Подпольная организация подсчитала, сколько топлива необходимо станции на самый трудный, переходный период. Уголь предстояло завезти из Хонгая. Но колонизаторы хозяйничали и там: все, что только возможно было взять с хонгайских шахт, они грузили на корабли, стоявшие в Хайфоне. А время торопило нас: запасы угля таяли с каждым днем!.. Делегация наших рабочих отправилась в Хонгай. Дирекция шахт попыталась взять их измором: сначала чиновники ответили: «Посмотрим!». Потом один из директоров, чтобы «отвязаться» от нас, приказал выдать немного угля. А как с транспортом? Оказалось, что дирекция может выделить... «целых» два грузовика!.. Тем временем во Вьетнам прибыли первые группы Международной комиссии по наблюдению и контролю. Хозяева угольного треста начали терять уверенность. Торг шел упорный — за каждую тонну, но в конце концов хонгайский уголь пошел в столицу. Наши рабочие охраняли его в пути как зеницу ока.

— Но, — помолчав, рассказывает Ту Данг, — дирекция электростанции не сдавалась. Однажды к парторгу пришел столяр по имени Нгуен. Он сообщил, что директор Люмонтен поручил ему сделать деревянные ящики по строго определенным образцам и размерам для самых ценных машин. «Делай свое дело, брат! — сказали ему партийные товарищи. — Но так, чтобы готовые ящики нельзя было использовать...»

Намерение дирекции демонтировать оборудование станции встретило решительное сопротивление рабочих.

знавших содержание Женевских соглашений. Директор Люмонтен клятвенно заверил нас: оборудования станции никто не тронет. Но на следующее утро рабочие увидели, что во двор въезжают тяжелые грузовики: была сделана попытка увезти цистерны со смазочными материалами и запасами горючего. Партийные агитаторы паясали шоферам и грузчикам суть этой авантюры. После недолгого колебания они прекратили погрузку. Примчался директор. В бешенстве он закричал, что речь шла только о машинах, а все остальное он имеет право забрать. «Человек не может жить без пищи, — ответили ему рабочие, окружившие грузовики. — Машины тоже не могут обойтись без топлива...».

Тогда дирекция попыталась воспользоваться хотя бы деньгами. Она потребовала, чтобы все потребители электроэнергии оплатили счета по октябрь включительно. «Если мы не соберем этих денег, то не сможем расплатиться с вами», — лицемерно заявили чиновники рабочим станции. Но нам стало известно, что дирекция просто стремится вывезти огромные суммы.

Противодействовать этому оказалось довольно трудно. Пришлось рабочим ходить по домам и убеждать жителей не подчиняться распоряжениям дирекции и никаких денег не вносить. В значительной мере это удалось: две трети потребителей не внесли в кассу ни одного пиастра.

Последняя попытка была предпринята дирекцией 6 октября. На сей раз во двор станции грузовики прибыли с конвоем. Солдаты его были из Иностранного легиона. Но рабочие днем и ночью не покидали станции. Некоторые знали французский язык и выпустили несколько листовок: «Мы боремся за орудия труда, за горсть риса для нас и наших детей. Неужели вы хотите помешать нам в этом?». Эти листовки раздали солдатам. Многим из них затянувшаяся «грязная война» опостылела. Солдаты сопровождали Люмонтена и его чиновников, выезжающих из Ханоя, но машин не тронули.

Станция была спасена!

— Наша воинская часть находилась тогда всего в двадцати километрах от Ханоя!— вмешивается переводчик Кхоань. — Однако мы не имели права прийти на помощь товарищам, охранявшим эти машины, хотя всем сердцем рвались в город. Огни Ханоя сигнализировали нам, что электростанция работает, что оккупантам не удалось вывезти машины! Мысленно солдаты просили рабочих: «Продержитесь еще немного! Мы уже близко!».

Однако в эти октябрьские дни 1954 года колонизаторам удалось похитить немало почтового и телеграфного оборудования, медикаментов, инструментов и приборов ветеринарной и топографической служб. Городу, лишенному промышленности после ухода прежней власти, угрожала безработица. «В мисочках жителей Ханоя сейчас меньше риса, чем энтузиазма в их глазах, — писал Мирослав Жулавский в своем дневнике. — Нужна огромная революционная отвага, нужны закалка и энтузиазм руководства и самого общества, чтобы одолеть ситуацию, которую нельзя изменить в несколько дней...».

Да, за несколько дней обстановка измениться не могла. С осени 1954 года до июля 1955 года в столице почти в два раза возросло число производственных предприятий. А в последующие годы были введены в эксплуатацию станкостроительный завод, текстильные фабрики, завод по производству покрышек и большая типография. Все больше и больше людей получало работу и средства к жизни.

«В 1954 и 1955 годах у нас совсем не было технических кадров, — рассказывали мне вьетнамские товарищи. — Да и теперь их еще маловато. Тогда даже техников и мастеров-вьетнамцев можно было пересчитать на пальцах! Рабочие днем и ночью охраняли фабрики, машины, оборудование и приборы; в них был залог лучшего будущего».

Средний житель Ханоя живет пока на уровне, который нельзя считать достаточным. Основные продукты питания здесь распределяются по карточкам. Нормы выдачи сахара и мяса — скромные. Люди вынуждены отказывать себе во многом, ту же затягивать пояса. Но основного продукта — риса — хватает на всех. Идет упорная борьба за гигиену, расширяется санитарная и медицинская помощь, устанавливается опека над матерью и ребенком. Перед множеством простых людей открылась возможность учиться.

О нуждах Ханоя мне рассказывает Чан Зуй Хонг, выполняющий в городе функции, которые соответствуют у нас посту председателя столичного Народного Совета. Вот хотя бы взять быстрый рост населения столицы ДРВ. После войны она насчитывала всего 380 тысяч жителей. Через три года их было полмиллиона, а в 1961 году — почти миллион. Границы города расширились, в них вошли новые жилые районы и периферийные поселки. Многие промышленные предприятия возникли именно в предместьях. Каждый год в столице рожда-

ется около 20 тысяч новых граждан. Выводы о быстрых темпах естественного прироста легко сделает каждый, кто хотя бы раз пройдет по улицам Ханоя. Да вот беда — не хватает жилья!

— В этом году, — говорит Чан Зуй Хонг, — мы можем удовлетворить лишь третью часть заявлений о квартирах. И это несмотря на то, что строим мы немало. Возводятся новые большие жилые корпуса вместо прежних одноэтажных домиков.

Осматриваю «прежние» жилые районы с этими «домиками». Чистые и опрятные комнаты, рядом с домиком — легкие, барачного типа кухни. Каждая рассчитана на две семьи — пожалуй, это более удобно, чем у нас.

— Кроме того, — продолжает Хонг, — мы должны обеспечить кров нашим соотечественникам, возвращающимся на родину главным образом из Таиланда. Большинство прибывших мы расселяем за пределами столицы. Вы, наверное, встретите их во время своей поездки по стране. Часть их проживает и в Ханое.

— А школы?

При этом слове Хонг улыбается. Не потому ли, что он врач-педиатр? Да! Хонг влюблен в свою профессию, но он был вынужден оставить ее, когда ему пришлось возглавить руководство жизнью вьетнамской столицы.

Хонг заглядывает в блокнот:

— В 1960 году у нас было 112 тысяч детей-школьников, в 1961 году — 150 тысяч. А за это время мы построили всего восемь новых школ. На большее у нас просто не хватило сил... И все же, несмотря на это, помещения для учебы нашлись. Нам помогло население города, особенно матери детей школьного возраста. Благодаря им мы получили до пятисот комнат для занятий. Свыше трехсот классов размещается в частных квартирах и домах... Еще одна большая наша забота — больницы. Их в городе всего четыре. В 1961 году добавилось двести больничных коек. Строим новую больницу на двести пятьдесят мест. Решили усилить врачебный надзор и в пригородных районах, улучшить там санитарные условия, обеспечить жителям культурные развлечения. Вдали от центра строим два театра...

*

Вечером я снова долго брожу по улицам Ханоя. Приглядываюсь и прислушиваюсь к ритму повседневной жизни. Монотонно шумят моторы на фабрике, мимо ко-

горой лежит мой путь. В пошивочных артелях швеи склонились над машинами. Да, еще нелегка здесь жизнь... Но зато нет прежней униженности, возрождено человеческое достоинство. А это означает очень многое. Это приближает лучшее будущее!

Неграмотные обретают свет

Сегодня четверг. Динь и Нинь заранее предупредили меня, что я должна быть готова к походу сразу после обеда.

Еще нет и часа пополудни, а мы с Нинем уже на Донг Сюан. В будний день этот местный базар выглядит менее красочно, чем перед праздником, но и сегодня тут есть на что посмотреть: кроме овощей и фруктов много изделий из бамбука, особенно корзинок, искусно сплетенных и красивых, а также циновок с изумительно подобранными тонами красок.

Но сейчас не они интересуют меня. Я осматриваю базар, который, как это обычно бывает около полудня, почти опустел. В чем дело?

В боковых помещениях немолодые женщины склонились над тетрадами. Я вхожу на цыпочках, чтобы не помешать им, заглядываю через их плечи в раскрытые книги. Тексты вьетнамские: учебник родного языка для V класса начальной школы. Рядом другой учебник — арифметика.

Пятнадцать женщин — продавщиц государственных магазинов и мелких рыночных торговек — проходят здесь курс первого класса школы второй ступени. Самой молодой из учениц — 30 лет. Учатся они два раза в неделю по два часа, во время обеденного перерыва.

Записываю имена: Као Тхи Тхан, 49 лет, торговка луком. Была совершенно неграмотной, как и Чан Тхи Ман, которая всего час назад продавала в небольшом ларьке *миен* — макароны из соевой муки.

— Я тоже была *му тьы*, — одна за другой говорят мне и другие женщины.

Му тьы — это неграмотные, «слепые на буквы». Так образно вьетнамцы называют людей, не умеющих ни читать, ни писать.

Но кто снимает эту слепоту с глаз немолодых женщин, кто помогает им учиться? Молоденький, похожий

на мальчишку Нгуен Конг Бао годится в сыновья каждой из них. Но он уже студент педагогического училища. Так же как и Бао, людей старшего поколения обучают сотни молодых вьетнамцев. У всех учителей местных школ — работы по горло. В широко развернутой кампании по ликвидации неграмотности молодежь приходит на выручку коллегам по профессии.

Нгуен Конг Бао просит, чтобы я непременно написала о старательности и прилежности его учениц, о том, что многим из них приходится очень тяжело, так как они помимо работы и учебы должны также заботиться о доме, о питании, о детях... И все же они редко, крайне редко пропускают занятия. На рынке имеется восемь групп, в общей сложности учится более ста человек, преимущественно женщины.

Стремление к образованию — огромно. Оно заметно на каждом шагу. Но оценить его по достоинству можно лишь, если учесть некоторые факты прошлого.

1925 год. Из двадцатимиллионного населения Вьетнама, согласно данным, собранным профессором Сорбоннского университета Альфонсом Ауларом, всего 165 тысяч детей школьного возраста посещают школы.

1940—1941 годы. В результате некоторых уступок населению, продиктованных военной обстановкой, поставлен своеобразный «рекорд» в истории местной школы. В нее принято почти 485 тысяч учеников, то есть 2,1 процента населения! Но в старших классах начальной школы по-прежнему обучается лишь 6 тысяч детей, а в Индокитайском университете — всего 1200 студентов.

В «рекордном» 1941 году колониальные власти предусмотрели в бюджете на народное просвещение 748 тысяч пиастров, в то время как на производство опиума было выделено 4473 тысячи пиастров!..

Индокитайские начальные школы по сравнению с французскими имели сокращенную учебную программу. Вьетнамских детей заставляли усваивать совершенно чуждые понятия. Хоан рассказывал мне, что в одной из французских школ, открытой еще во времена его детства, ребятам приходилось усиленно зубрить по учебнику (предназначенному для школ метрополии) такие, например, фразы: «*Nos ancêtres s'appellaient les Gaulois*» *. Ребята совершенно не понимали, кто же, собственно говоря, были эти «галлы»? После трех лет учебы на вьетнамском языке и трех последующих, где половина

* «Наши предки назывались галлами...» (франц.).

времени отводилась изучению французского языка, ученик мог хлопотать о переходе в среднюю школу, предназначенную исключительно для «туземного населения». «Локальный» аттестат зрелости не давал вьетнамцу права поступления во французский университет. Механическое копирование урезанных и сокращенных программ школ метрополии благоприятствовало «отходу ученика от своей страны, превращению вьетnamца в чужака на родной вьетнамской земле». Так пишет современный прогрессивный французский историк, автор обширного достоверного труда о Вьетнаме, Жан Шено.

Индокитайский университет в Ханое готовил лишь вспомогательный состав для медицинских, ветеринарных, фармакологических, педагогических учреждений и сельского хозяйства. Такая же доля ждала и слушателей Ханойской школы изящных искусств.

Немногим вьетнамцам удавалось преодолеть десятки препятствий и получить высшее образование за пределами родины — во Франции. Однако по возвращении домой они получали зарплату значительно более низкую, чем любой французский служащий. Вьетнамскому инженеру, которому ценой невероятных усилий и лишений, тяжелого труда и самоотверженности, удавалось получить диплом Парижского политехнического института, платили меньше... чем французу-курьеру в Ханойском университете!

Наступило 8 сентября 1945 года. Независимый Вьетнам заканчивал первую неделю своего существования. В стране свирепствовал голод. Хо Ши Мин выдвинул лозунг о преодолении «иноземного нашествия, голода и темноты». Одним из первых декретов молодой республики был декрет о борьбе с неграмотностью.

К тому времени положение сложилось тяжелое: 15 миллионов вьетnamцев, начиная с малых детей и кончая пожилыми людьми, не умели ни писать, ни читать. По предварительным подсчетам, для обучения такой массы людей требовалось сто тысяч учителей и около трех тысяч организаторов этой кампании. Но где взять средства на такое колоссальное мероприятие, если новая, народная власть — вместо предусмотренных двухсот миллионов тогдашних индокитайских пиастров — располагала всего двумя миллионами в год?

«Пусть те, кто умеет читать и писать, учат тех, кто этого не умеет! — призывал Хо Ши Мин. — Пусть все неграмотные, соберутся с силами! Пусть муж научит жену, старший брат — младшего, дети — родителей!».

Алфавит *куок нгы* — понятен и прост. Его можно усвоить за три месяца, однако не хватало учителей, учебников, тетрадей, бумаги... Зато была жажда знаний, энтузиазм учителей и учащихся. Заводские конторы в городе и помещения сельских советов в деревне — превращались в школы. Были созданы специальные классы для «седовласых», чтобы не ущемлять достоинства стариков, заставляя их учиться вместе с подростками. Однако у большинства пожилых людей не было предубеждений. Дедушка не стыдился садиться за один школьный стол с внуком, а свекровь — с невесткой. Натруженные, мозолистые руки с трудом выводили на классных досках первые знаки алфавита — знаки, которые открывали неграмотным новый, светлый мир. А там, где не было классной доски, где не хватало бумаги — их заменяли листья бамбука и пальмы. Более способные ученики помогали слабым. Чтобы буквы алфавита усваивались скорее и прочнее, их рисовали на стенах домов, на стволах деревьев, на арках входов в речные порты, на корзинах для переноски овощей, на полях конусообразных соломенных шляп и даже... на спинах терпеливых и безответственных буйволов!

Организаторы кампании по борьбе с неграмотностью и педагоги составляли загадки и писали песенки, помогающие запомнить буквы и фонетические звуки. О такой гласной, как буква «о», по Вьетнаму ходило следующее четверостишие:

- — овальное куриное яйцо
- — шляпу можно надеть.
- — отпустить можно усы.
- — имеет точку или теряет ее...

Народ, для которого поэзия так же естественна, как пение для птицы, создавал стихи, прославляющие образование и осуждающие темноту. Молодой парень, который научился писать, обещает девушке:

На краешке твоей блузы напишу стихи
Ибо умею теперь читать и писать...

Другой влюбленный предостерегает свою милую:

Немногого стоит цветок кенафа.
Алый, но без аромата!
Так и твоя красота, сестричка, немногого стоит.
Если мысль твоя дремлет, погруженная во мрак...

С сентября 1945 года и до начала «грязной войны» в 1946 году, 2 миллиона 800 тысяч вьетнамцев перестали быть «слепыми на буквы».

Развязанная колонизаторами война не прекратила борьбы с неграмотностью. Хотя и более трудная, чем раньше, в мирных условиях, она теперь обрела особое значение, будучи самым тесным образом связана с задачами всего Движения Сопротивления. «Побеждать захватчиков на фронте, а невежество и темноту — в тылу!» — таков был лозунг партии в военных условиях. Люди учились не только в освобожденных районах, но и в оккупированных зонах.

Давно уже — не только в секретных донесениях, но и в официальных декларациях — колонизаторы подчеркивали грозящую их режиму опасность, которую влечет за собой народное образование. Действительно, во время войны колониальная администрация убедилась, что книга в руках «презренных туземцев» является не менее эффективным средством, чем оружие. Поэтому она назначала крупные награды за... выдачу вьетнамских учителей!

Но люди продолжали учиться. Переносчицы грузов на фронт повторяли уроки в пути. Солдаты на марше рассматривали буквы, нарисованные на картоне или бамбуковом листе, который прикреплялся к спине впереди идущего бойца.

Во время войны по рукам ходили переписанные или отпечатанные на гектографе брошюры, в которых популярно излагались краткие сведения по истории, географии, социальным и политическим вопросам. Вот названия некоторых из них: «Поэма о Движении Сопротивления», «Десять лет борьбы против захватчиков», «Борьба двух сестер Чынг».

Там, где исчезала неграмотность, Движение Сопротивления немедленно усиливалось и бурно разгоралось, как пламя, в которое подлили горючее. В январе 1947 года (а был это самый тяжелый период «грязной войны») партия бросила лозунг: «К победе — через учебу!». Летом следующего года было объявлено «патриотическое соревнование по ликвидации неграмотности». Народ все больше тяготел к книге. Особенно ярко это проявилось после земельной реформы 1953 года. В первой половине того же года на курсы для неграмотных записалось около 170 человек. Год спустя их стало 370 тысяч!

Во время войны была также разработана и осуществлена реформа школы и системы всеобщего образования — «национального, народного, основанного на достижениях науки». Во вьетнамских общеобразовательных школах теперь введены три ступени: после четырех лет учебы в низших классах следуют три года началь-

ной школы высшего типа, а затем три года занятий в средней школе.

В июле 1954 года, когда еще только подписывались Женевские соглашения, 737 тысяч детей освобожденных районов пошли в школу. Зачастую они пешком или на велосипеде преодолевали нелегкий путь в несколько километров, пробираясь сквозь джунгли под обстрелом вражеских самолетов. 1520 курсантов профшкол и курсов и 600 выпускников иных училищ, закончивших во время войны среднее или высшее учебное заведение, работали в организациях Движения Сопротивления. 50 тысяч учеников начальных школ принадлежало к этническим меньшинствам, не имеющим собственного алфавита и письменности. Может быть, некоторым читателям эти цифры покажутся «сухими», но за ними стоят живые люди, те самые люди, которых я встречала в один из тех двух обязательных дней, когда весь Вьетнам учится.

Поздним вечером я возвращаюсь в отель. В моем блокноте уйма записей, а голова забита впечатлениями.

— Помню, — вдруг отзывается в темноте идущий рядом Нинь, — как у входов на сельские ярмарки или на паромы решено было устроить отдельные калитки для неграмотных. Это называлось тогда «воротами для слепых». Была даже сложена песенка... — Нинь смолкает, по-видимому вспоминая ее слова, потом декламирует:

Вчера на дороге
Я видел тебя, моя красавица, как шла ты
Через «ворота слепых», неся под мышкой поросенка...
Бедная! Почему ж ты не научилась читать?
Если бы знала ты буквы, не шла бы по той дороге —
Дороге стыда...
Сочувствую тебе, моя милая,
Может быть, меньше тебе, чем поросенку,
Который разделил твой вчерашний стыд...

— А не оскорбительно ли это для людей, которые в общем-то не виновны в своей неграмотности? — спрашиваю я.

— Конечно, потом такие средства агитации уже были не нужны. Люди сами потянулись к книге! Впрочем... — смеется он, — если эта песенка кажется тебе обидной, то лишь потому, что в ней критикуется неграмотная девушка. Тогда послушай другую песенку, которую, наверно, сложили женщины:

Если у тебя образованный муж,
То ты счастлива, как фея из чудесной сказки.
Если же ты вышла за человека неграмотного,
То выбрала себе долю коровью...

— А если кто-нибудь хотел учиться, но действительно не мог? — не сдаюсь я. — Например, многолетние матери? Ведь их у вас много, и они заняты с утра до поздней ночи... Или старики... Ах да, правда! Ведь старики были освобождены от занятий?

— Очень многие отказались от такого освобождения. И понятно почему: стоило приложить некоторое усилие, чтобы изучить буквы, а затем прочитать страницу книги или узнать новости из газет... Ведь тогда перед человеком как бы раскрывается иной мир! Для тех, кому трудно было регулярно посещать занятия, мы организовали учебу на дому. Впрочем, это практикуется и сегодня. По всей стране каждый понедельник и четверг у нас учатся все. Ты убедишься в этом, когда отправишься в путь.

О проснувшемся интересе к технике, к знаниям я не раз слышала от своих соотечественников-инженеров, строящих сахарный завод в Вандиеме, неподалеку от Ханоя. Несмотря на все языковые трудности и хлопоты с переводом, местные жители на лету схватывают объяснения специалистов, стремятся попасть на курсы или на беседы по технике. Они хотят знать как можно больше.

Я вспоминаю недавний новогодний вечер в доме Тоана, который не колеблясь отправился во время «грязной войны» в дикие джунгли, чтобы руководить борьбой с неграмотностью. «Я знал, — говорил Тоан, — что моя работа нужна для победы над колониализмом и голодом. Это так же необходимо, как взрывать укрепленные форты врага или сажать рис».

Да, он прав! Народ, который однажды прозрел, не хочет снова быть слепым.

По следам доктора Иерсена

— Это здесь! — говорит Хоан.

Тенистая, тихая площадь. Зеленый круг газона. С высоты обелиска на меня устремлены каменные глазницы мужчины с европейскими чертами лица. Пастер! По-вьетнамски его имя пишется иначе: *Пас-то*. Нет, не скажи мне этого Хоан, я никогда бы не отгадала. Не смогла бы я также прочесть надпись на табличке, прикрепленной на углу: «*И-эк-сань*». Ее надо читать — «*Иерсен*».

Имена французских завоевателей, генералов и губернаторов уже исчезли с улиц Ханоя. Но площадь Пастера осталась неприкосновенной, а улица, по которой мы сейчас идем, как и прежде, носит имя Иерсена — французского врача-общественника.

Об этом враче я читала в книге Виоллис, которая в 1932 году посетила Индокитай. «Нашим гидом, — писала она, побывав в городе Далат, — стал сам доктор Иерсен, прославившийся своими успехами в борьбе с эпидемиями — скромный и добрый, скрывающий снисходительную улыбку в пышной, как у св. Николая, бороде. Работает он здесь с 1893 года, занимается не только исследованиями в медицинской лаборатории, но также и работами в области геофизики. В короткие периоды отдыха он разводит эдельвейсы на склонах индокитайских гор. А ему уже больше семидесяти лет...».

— Я встретил его в 1935 году, — говорит Хоан. — И хотя прошло много лет, но день тот я запомнил. Я тогда собрался ехать в Чунгбо * и по пути туда решил остановиться на ночлег в городе Куангнгай: дошли и до меня слухи, что там живет известный французский врач. А был это, как уверяли меня друзья, совсем иной француз, нежели все те, которых мы знали раньше.. Я легко нашел его скромный маленький дом в предместье, недалеко от пляжа. Каждый рыбак здесь мог указать его жилище: все они хорошо знали доктора. Дверь оказалась запертой — хозяин ушел на прогулку. Мне посоветовали искать его вблизи пляжа. Так я и сделал...

Хоан оборвал свой рассказ и затаился сигаретой. Медленно пуская дым, он задумчиво смотрел на памятник Пастеру.

— Понимаешь, мне трудно было поверить в то, что о нем рассказывали: француз вдруг полюбил вьетнамских детей, заботится о них, как о своих собственных, кормит, одевает, выводит в люди?!.. Оказалось, все это — правда. И когда я встретил этого доктора на прогулке, он приветствовал меня просто, как друга, а затем, расспросив, откуда я прибыл, пригласил к себе в дом...

— Ну что ж, обычное дело! — перебиваю я.

Хоан со снисходительной улыбкой посмотрел на меня.

— Обычное? Смотря для кого! Когда речь идет о нашем прошлом, ты должна отбросить свои европейские

* Центральный Вьетнам.

Корзины с апельсинами, бананами, мандаринами и кусками сахарного тростника стоят прямо на тротуарах.

мерки. В тогдашних условиях такое приглашение со стороны европейца было весьма необычным! Но мы отвлеклись — ведь я хотел рассказать тебе о приемных детях француза, о вьетнамских детях: он действительно не только воспитал многих, но и дал им все, что только мог...

Хоан умолкает и задумывается. Потом с теплотой в голосе говорит:

— Ты хочешь знать, каким он запечатлелся в моей памяти? Высокий, рослый, в широкополой шляпе, с тросточкой в руках. Ему было за семьдесят, но держался он молодцом. Вежливый и предупредительный в обиходе, он был очень интересным собеседником. Я спросил его: почему он не поселился в одном из больших городов Дельты, где климатические условия более благоприятны для европейца? Иерсен ответил, что полюбил эти места, что отсюда близко до института Пастера, где он работает. Он не искал общества. Не докучало ли ему одиночество? «У меня хватает дел и обязанностей», — говорил Иерсен. Он был влюблен в свою профессию, знал много вьетнамских слов, все мы понимали, ценили и любили его... Любили!.. Ты записала это? Возможно, твои читатели, как и ты, скажут: «Подумаешь — обычное

дело!» Кто у вас, в Польше, поймет, какой незаурядной была для меня, вьетнамца, встреча с французом, который... Да! Именно это!.. — Хоан радостно улыбнулся, словно наконец-то нашел долго разыскиваемое, нужное слово. — Теперь я знаю, как это выразить! В беседе с доктором Иерсенем я совершенно забыл, что он — француз!

Слушая этот рассказ, я вспоминала Францию, в которой побывала год назад. Мысленно я перенеслась к одной братской могиле на парижском кладбище Пер-Лашез, неподалеку от знаменитой Стены Коммунаров. Там лежат останки жертв гестапо. И среди имен участников Движения Сопротивления, выбитых на каменной плите, значится имя — Хюен Кхыонг.

Аннамит (тогда еще не говорили: вьетнамец), он пал в борьбе против гитлеровских палачей, против фашизма — за близкую нам всем Францию. За ту Францию, которая, несмотря ни на что, так же близка и им — вьетнамцам.

Визит в «дом без стен»

Мы выехали рано утром. В машине нас четверо: Хоан, Нинь, шофер Хап и я. Машина военная — «газик». Лишь он пригоден для такой экспедиции, как наша. Динь долго говорил мне: «Нет!» Но в конце концов я уговорила его.

По дороге, которая открылась перед нами, пришла к вьетнамцам завоеванная тяжелым трудом победа под Дьенбьенфу. То тут, то там виднеются полосы — следы засыпанных рвов. Они затрудняли продвижение войск и машин противника. Но для самих вьетнамцев эти рвы и трещины не были препятствием: им благоприятствовало все — климат и местность, джунгли и горы, зной и дожди.

Весной 1954 года по этим местам ночью проходили колонны подносчиков военных материалов, катили велосипеды с боеприпасами и рисом. Вес груза порой достигал 300 килограммов.

Французские «коммандос» разбрасывали на этом пути острые гвозди, пытаясь вызвать проколы велосипедных шин и ранить босые ноги подносчиков. Но вьетнамцы нашли противоядие: они прокатывали по дороге мяг-

кие пористые стволы банановых деревьев — гвозди впились в них, как иглы в подушку.

На многие километры протянулась дорога, покрытая выбоинами и ямами. Наш «газик» то и дело подскакивает на ухабах. Резкие виражи дороги бросают нас то вправо, то влево... Но зеленое море джунглей, залитое ярким солнцем, приковывает наши взоры с такой неодолимой силой, что мы забываем и тряску и усталость. В непроходимой чаще мелькают побеги вьюнка с раскрытыми чашечками плоских фиолетовых цветков. Среди огромных листьев дикого банана пламенеют его большие и тяжелые цветы.

На некоторых участках дороги нам встречаются люди в конусообразных соломенных шляпах, в солдатских шлемах и выгоревшем обмундировании. Словно муравьи, копошатся они на разрытых, желто-рыжеватых склонах: ремонтируют дорогу.

Крутой поворот. Высоко над пропастью — перевал. Несколько медленно ползущих автомашин создали «пробку». Легким шагом «лесного человека» из непроходимых, казалось бы, зарослей появляется мужчина с непокрытой головой. Он подходит ближе, с любопытством заглядывает в нашу машину и застывает от изумления. Он что-то говорит шоферу, показывая на меня. Мои спутники не понимают его. Лишь спустя некоторое время, да и то благодаря помощи строителей дороги, нам удастся выяснить, что так поразило его. Это мыонг, возвращающийся с охоты. Во время войны ему случилось видеть белых, но то были мужчины, французы...

В свою очередь мы рассматриваем его оружие: нечто вроде лука с отравленными стрелами. Охотиться здесь легко — джунгли изобилуют разной дичью.

Над зубчатой цепью гор розовеет закат. Ближе, в глубоких долинах, виднеются меловые холмы. Гаснут последние отблески дня. Потемнела и зелень джунглей: свет фар начинает прыгать по извилинам дороги. Крутые спуски ее приводят нас в обширную долину. Быстро наступающую тропическую темноту изредка пререзают неожиданные розовые отсветы. На возвышенностях мелькают неспокойные огни. Время от времени взметываются языки пламени. Это живущие высоко в горах племена выжигают на склонах лес для *rai* — места под пахоту. «Они пашут огнем и сеют копьем», — говорят о них вьетнамцы.

Уже пробило девять часов, когда мы добрались до Моктяу. Издалека мерцает огонек в доме для приезжих.

Небольшое помещение без потолка, с глинобитным полом. Приятный холодок горного воздуха. При свете слегка потрескивающей керосиновой лампы мы садимся ужинагь: макаронный суп, рис, яичница. Кипятком из термоса завариваем традиционный зеленый чай.

На дворе несколько человек копошатся в полумраке возле кучи вянущих листьев с терпким, приятным запахом. Это — только что собранный чай. Высоко в небе плывет луна — круглая, отливающая металлическим блеском. Ее холодный призрачный свет придает окружающему пейзажу какой-то своеобразный, нереальный колорит. В зарослях джунглей «музицируют» невидимые цикады...

Нас будят ровно в шесть часов. Утро пасмурное, но Хоан и Динь, внимательно осмотрев небо, единодушно сулят хорошую погоду. Сунг, директор государственного хозяйства в Моктяу, ведет нас на чайную плантацию и показывает недавно посаженные фруктовые деревья. Уже зацвели молоденькие яблоньки — здешний климат, более прохладный, чем в Дельте, может оказаться для них благоприятным.

На большом плоскогорье раскинулись богатые чайные плантации, фруктовые сады, луга... Земля эта, используемая под разные промышленные культуры, была с великим трудом отвоевана у джунглей.

— Кроме того, мы недавно приступили к новой отрасли хозяйства: овцеводству, — говорит Сунг. — Это одна из наших главных забот, ибо опыта у нас нет, а условия для овцеводства отличные. Однако не каждая порода овец, привезенная к нам из-за рубежа, выдерживает местные условия. Правда, у нас прохладнее, чем в долинах, но зато сказывается близкое соседство джунглей, да и климат как-никак тропический... Пробовали мы акклиматизировать здесь монгольских овец, но они привыкли к открытой степи и не вынесли переселения в горы. Лучше других приспособляются к нашим условиям овцы из Тибета.

Фермы в Моктяу занимают площадь около 900 гектаров. Однако разбросаны они на огромном пространстве, а это создает дополнительные трудности.

— Впрочем, так обстоит дело и в Дьенбьенфу, — добавляет Нинь.

Мне очень трудно заочно представить себе развитое сельское хозяйство в Дьенбьенфу. И это понятно: само название невольно ассоциируется с военными действиями, с жестокими боями.

— В Моктяу проживают две тысячи человек, среди них очень много бывших солдат, — улыбается Сунг. — Мы пришли сюда всего несколько лет назад, когда тут ничего не было — только заросли сорняков да трава в рост человека. Земля была хорошая, но давалась трудно — заросла, одичала... Приходилось корчевать джунгли, бороться с сорняками, отвоевывать землю у буйной, но бесполезной для нас растительности... Вы спрашиваете — чего нам не хватало? Всего! Но больше — опыта. Мы умели стрелять, вести активную разведку, преследовать врага в джунглях. Но совсем не легко нам было тягаться с этой дикой землей! Теперь все самое трудное позади. У нас работает почти двадцать групп, в каждой уже есть земледельцы и ремесленники: наши фермы должны быть в полной мере самостоятельными, независимыми, самообеспечивающимися. Имеем тракторную станцию, столярную мастерскую, много хозяйственных построек и жилых домов. Конечно, основное внимание уделяется овцеводству и выращиванию технических культур, но, как видите, у нас немало фруктовых садов и даже рисовых полей!

Сунг крепко пожимает нам руки и приглашает отдохнуть подольше на обратном пути. Потом долго машет нам шапкой и смотрит вслед «газику», подсакивающему на выбоинах среди лохматой зелени чайной плантации.

Вечером мы предполагаем сделать остановку в городе Шонла. Самый трудный участок пути, как уверяет неисправимый Нинь, нам предстоит преодолеть завтра. Мы едем довольно быстро. Мне думается, что мы достигнем цели еще до наступления сумерек.

Конечно, в Шонла стоит задержаться. И не только потому, что этот небольшой город снискал себе некогда мрачную славу как местонахождение самого страшного (после пресловутого острова Пуло-Кондор) лагеря для политзаключенных. Шонла — это прежде всего центр автономной зоны народностей таи и мео. Вообще среди жителей провинции преобладают национальные меньшинства. На руководящие должности в органах управления и местной администрации вьетнамцы выдвигают активных людей из *тхиеу со* (национальных меньшинств), поддерживают их советами и оказывают им практическую помощь.

Спускаемся в широкую долину. Мои спутники были правы: холодное и сырое утро переходит в отличный день. Высоко поднявшееся солнце мерцающими бликами от-

ражается в волнах Намсап. Дикая, необузданная, как и все горные реки, она с шумом мчится по скальным порогам. Намсап долго сопровождает нас в пути, но потом все-таки исчезает вдаль, устремившись к Черной реке. Машина мчится по равнине, поросшей сухой серозеленой травой и низким кустарником. Нинь на минуту останавливает машину и отламывает несколько веток от куста, усеянного лиловато-розовыми цветами с легким, быстро улетающим запахом. Вокруг, насколько можно видеть, множество таких кустов, но названия их никто из нас не знает.

Короткая остановка в деревне Иентяу. Новые дома, в которых размещены репатрианты из Таиланда. Мы беседуем с тремя молодыми женщинами. Они приехали сюда год назад вместе с мужьями-ремесленниками. Теперь у них есть кров, а их мужья — портной и два столера — работают и хорошо обеспечивают семьи. Они и их близкие уже привыкли к жизни на незнакомой им прежде родине.

На деревянном столбе, за высокой живой изгородью из колючих кактусов висит объявление о собрании сельской партийной организации. По дороге идут три маленькие девочки лет восьми-девяти. Это возвращаются из школы дети таи. В черных, прямых, длинных юбках и блузах того же цвета они выглядят миниатюрными копиями взрослых женщин. При виде направленного на них фотоаппарата девочки хватаются за руки и быстро убегают. Хоан пытается остановить их, кричит им что-то, но тщетно. Впрочем, он не знает языка таи, кроме нескольких приветственных слов, а дети явно не понимают по-вьетнамски...

— Сюда редко заглядывали европейцы, поэтому и дети такие пугливые, — поясняет Хоан.

За деревней мы встречаем молодого паюна-таи, несущего на плече связку ровно нарубленных стволов бамбука. Нинь завязывает с ним разговор. Оказывается, этот бамбук предназначен для выработки свирелей — очень распространенного среди таи музыкального инструмента. Неподалеку отсюда живет старик, который как раз и делает эти свирели. Мы обещаем паюну, что на обратном пути непременно заглянем к мастеру.

В Шонла мы приезжаем задолго до вечера. Однако, если мы хотим осмотреть все наиболее интересное, мешкать нам нельзя: быстро наступающие сумерки сведут на нет весь наш план.

Итак, мы находимся в зоне народности таи. Хоанг

Но, председатель Административного совета, который пришел нас встретить, тоже принадлежит к этой народности, самой многочисленной в данной провинции. Всего людей народности таи числится здесь около 200 тысяч, что составляет 47 процентов населения. На втором месте — мео. Их тут 84 тысячи, или 19 процентов. Кинь, то есть аборигены, оказались лишь на третьем месте: их всего 44 тысячи. Более 10 тысяч человек насчитывают народности муонг, ман, тхо и са.

Автопомная зона, в которой мы сейчас оказались, занимает территорию в 60 тысяч квадратных километров. Средняя плотность населения — 12 человек на квадратный километр. Уровень жизни местных жителей весьма различен. Самый низкий — у племени косунг, очень немногочисленном (всего 400 человек). Высоко в горах, среди глухих джунглей, спрятались их примитивные хижины, крытые зелеными банановыми листьями. Когда эти листья завянут и пожелтеют, косунги перейдут в другое место и построят новые жилища. Люди этого племени почти не пользуются одеждой: они носят лишь набедренные повязки. До недавнего времени их старшины по собственному усмотрению распоряжались жизнью и смертью своих людей.

Почти непосредственно из феодализма, искусно поддерживаемого колонизаторами, таи перешли к жизни в социалистическом обществе. Разумеется, такой переход не обошелся без трудностей. Деспотизм вождей родов и племенных групп не мог исчезнуть по мановению волшебного жезла. Колонизаторы умышленно раздували неверие и распри между меньшинствами, натравливая более многочисленных таи на иные народности — начиная с мео и кончая такими, как косунги...

Но в переломные дни «грязной войны», когда дело шло о жизни или смерти народа, когда транспорты с оружием и продовольствием проходили по дорогам через джунгли в зоне таи (в направлении Дьенбьенфу) — злые семена вражды не смогли отравить умы людей из горных племен. По призыву «отца Хо» с гор спустились не только многочисленные таи, но даже упрямые мео (напомню, что ни просьбами, ни угрозами французам так и не удалось заставить мео участвовать в строительстве дорог).

Теперь, откликнувшись на призыв Хо Ши Мина, эти горные жители горячо взялись за работу. Они прорубали просеки в джунглях, корчевали пни, вгрызались в скальные склоны. В 1953 году всего за шесть месяцев была

построена стратегическая дорога номер 13, названная впоследствии «Дорогой Победы». Многие ее строители впервые в своей жизни увидели автомашины.

— Если много рук дружно бросят камень в горный поток, то он вспенится и обрушится каскадом, — с улыбкой сказал Хоанг Но. — Так было и во время войны. Население не только прокладывало дороги, но и поддерживало сражающихся патриотов продовольствием. Из района Шонла на фронт непрерывно подвозили рис...

Деспотическую власть вождей родов сильнее всего подорвала земельная реформа. Не менее эффективным оружием оказалась и книга.

— Сто пятьдесят тысяч тай, то есть три четверти населения провинции, уже умеют читать и писать! — с гордостью заявляет Хоанг Но. — Правда, нам было легче: у нас давно есть собственный алфавит. А вот мео получили его лишь теперь... Вас интересуют школы? Во всей автономной зоне, охватывающей четыре провинции с общей площадью 50 тысяч квадратных километров, при колонизаторах числилось лишь тридцать шесть начальных школ, в которых обучались... Сколько вы думаете? Двести детей! Да, да! А теперь у нас одних школ первой ступени более четырехсот и обучаются в них 193 тысячи школьников. Прежде у нас не было ни одной школы второй ступени, а сейчас двадцать пять и посещают их восемьсот учеников. Кроме того, есть две школы третьей ступени и педагогическое училище. Жажда знаний огромна!

— В нашей зоне многое изменилось к лучшему, — продолжает Хоанг Но, — и наши села, даже удаленные от больших дорог, уже не такие глухие и «дикие», как прежде. В селах открыто восемь крупных библиотек и много маленьких, именуемых *тусу*, то есть «шкаф с книгами». У нас есть ансамбль песни и танца, который известен не только во Вьетнаме, но и в Европе: он с успехом выступал в Чехословакии. Раньше у нас совсем не было промышленности, теперь построены двадцать два предприятия, среди которых большая электростанция и заводы сельскохозяйственных машин. Разумеется, наши предприятия не слишком-то велики, но для развития экономики в зоне, для обеспечения работой наших людей и для обучения их новым профессиям они имеют громадное значение...

— А сельское хозяйство?

— Мы выращиваем хлопок, джут, кофе, чай, арахисовый орех и масличные культуры, необходимые про-

мышленности. Пять наших государственных хозяйств специализируются прежде всего на технических культурах, а семь — на выращивании продовольственных культур. Раньше мы снимали урожай риса только раз в году, а теперь дважды — в июне и ноябре. Земля в нашей зоне может прокормить не только местное население, но также и 13 тысяч жителей Дельты, тех, которым особенно трудно приходится в густо заселенных долинах...

Так, беседуя, мы дошли до руин, расположенных на высоком взгорье. От бывшей тюрьмы остались только часть наружных стен и фундамент, чудом уцелевшие во время боев за освобождение Шонла. Спускаемся вниз, чтобы осмотреть тесные бетонные камеры, где заключенные томились без света и воздуха. То тут, то там на стене сохранились таблички с именами известных деятелей освободительного движения, брошенных некогда в мрачные казематы местной тюрьмы.

У Хоана есть достаточно оснований запомнить эту тюрьму. Здесь сидели его брат и зять.

Из мрачных руин мы как бы переходим в иной мир — в селение, которое по существу стало уже предместьем города. Там живут только таи. Нет, ничего не преувеличили мои предшественники, побывавшие здесь и восхищенные красотой этого народа! Женщины носят причудливо уложенные на голове платки, узкие черные юбки и черные же блузки, повязанные на поясе ярким цветным шарфом. Движения их полны несказанной прелести и грации. На шею позванивают серебряные обручи, украшающие блузку. Мужчины-таи щеголяют плоскими тюрбанами. Они доброжелательно улыбаются и не препятствуют осмотру их жилищ. А поглядеть на их дома стоит. Срубленные из бамбука, они построены на сваях и обычно имеют по две террасы. На одной из них несколько женщин склонились над работой. Из-под их рук выходят вышивки смелых контрастных расцветок, в которых преобладают теплые — красные и ярко-желтые тона. Красивые геометрические узоры буквально приковывают взор.

Женщины-таи — не только прирожденные вышивальщицы, но и ткачихи. Я долго стою у станка в одном из домов и гляжу, как проворно бегают ткацкий челнок и цветная нитка плотно ложится в основу.

Вторая терраса образует небольшое возвышение рядом со входом. В весенние ночи там стоят девушки, привлеченные грустной музыкой *кена*. На этом инструменте играет каждый молодой парень таи. Говорят, что

девушка по звуку *кена* узнает приближение возлюбленного и выходит ему навстречу.

...Наша беседа по-прежнему идет в двойном переводе: с языка тай на вьетнамский, а с вьетнамского — на французский. Я только что спросила Хоанг Но, какой у них самый большой праздник, кроме традиционного, отмечаемого так же, как и у вьетнамцев, праздника Тет?

Хоанг Но весело улыбается:

— Скоро мы будем отмечать древний праздник весны. Он наступает в те дни, когда на склонах гор распускаются белые цветы *бан*. Это также пора свиданий молодых людей. И если Новый год — это рождение весны, то праздник цветов — это ее зенит.

Из-под навеса во дворе одного из домов, мимо которого мы проходим, доносятся мерные глухие удары. Заглядываем туда. Во дворе стоит белая пыль — это мука из высушенной маниоки, размельчаемой в ступе, приводимой в движение ногой. Такая ступа называется по-вьетнамски *кои дам*, а на языке тай — *монг*.

На крышах домов установлены скрещенные куски древесины. Это — *кхау кут*, «рога буйвола», символ счастья и успеха, подаренные владельцу нового дома. А дома из бамбука, окруженные кольцом низких пальм и деревьев папай, действительно новые, хотя они уже успели вписаться в окружающий пейзаж. Видя, что я разглядываю постройки, Хоанг Но говорит:

— Вы обратили внимание на то, что здесь скот и птицу держат под жильем?

Я киваю головой.

— Так вот, мы объявили войну этому обычаю! Мы разъясняем людям, что ради гигиены и для охраны здоровья надо строить для скота отдельные помещения вдали от домов. В наших деревнях, расположенных поблизости от Нонла, вы теперь не найдете ни одного дома, где буйволы и куры помещаются рядом с людьми. И второй, очень важный вопрос: мы приучаем всех пить только кипяченую воду. Некоторые жители еще и по сей день считают, что это пустая выдумка. А ведь тут налицо проблема профилактики, охраны здоровья и борьбы с многочисленными заболеваниями.

...Нас долгое время провожает большая группа тай. Пресобладает молодежь. Девушки-подростки, их матери и взрослые сестры движутся с одинаковой врожденной грацией. Они так красивы, что от них трудно оторвать взгляд.

Я остановилась возле дома, на изгороди которого виден листок с текстом объявления.

— Это звучит почти как начало песни! — записывая его, говорю я своим спутникам.

Нинь хохочет. И не мудрено — эта длинная надпись означает: «Проверь, внесена ли твоя фамилия в списки избирателей!».

— Все это очень обыденно, не правда ли? — подшучивает Хоан. — Цветы *бан*, музыка *кенов*, экзотические обычаи, которые так понравились твоим коллегам писателям! И вдруг крайне прозаическая основа всей экзотики: борьба за питье кипяченой воды, за отдельные хлева для буйволов и за клетки для кур!..

— Зря смеешься! Ты хорошо знаешь, что я отнюдь не ищу экзотики. И вообще не ради нее я приехала сюда! — отвечаю ему почти со злостью, не замечая озорных искорок в его глазах. Совсем забыла, что он любит беззлобно шутить.

Горы потемнели, стали как бы ближе и резче, словно хотят подойти к домам, сгрудившимся в этой долине. Взошла луна, серебристой пылью осыпав серое шоссе и заросли леса. Электроэнергия в Шонла подается в дома только до одиннадцати часов вечера. Откуда-то издали доносится сигнал московской радиостанции — голос неправдоподобно отдаленного мира. Город погружается в темноту: гаснут огни. Сверчки и цикады усиливают свою пронзительную и неумолчную музыку. Поет на все голоса вьетнамская ночь, тревожно шепчут что-то джунгли...

*

Мы и сегодня выезжаем очень рано: нам предстоит одолеть самый трудный, хотя и весьма живописный, участок маршрута. Нинь упорно молчит, лишь изредка я перехватываю его пытливый взгляд. Так и кажется, что он ждет — а не скажу ли я, после двух дней нелегкой дороги: «Хватит!». Вчера вечером я случайно услышала обрывки разговора, который он вел с Хоаном. Они повторили несколько раз знакомое слово *май бай* — «самолет». Неужели Нинь все еще думает, что обратный путь в Ханой я соглашусь проделать самолетом? Зря — этого он не дождется!

Спать пришлось мало: в пять утра меня уже подняли на ноги громкие звуки радиосигнала. Пришлось выбираться из-под противомоскитной сетки. Тревожно осматриваюсь вокруг: как с погодой?

Серое небо над горами начинает светлеть, появились жемчужные отблески. Холодная вода гонит прочь остатки сна. С удовольствием пью горячий горьковатый зеленый чай. Чувствую себя отлично.

Хап старательно осматривает и проверяет машину. Мы должны проделать значительную часть пути в полуденный зной — время особенно трудное для шофера в здешних условиях.

Едем довольно быстро. Два часа такой езды — и около восьми утра мы уже в горах. Вверху, вдоль красноватой ленты дороги, петляющей по склону, ползут облака. Заросли бамбука и дикие бананы исчезли, остались где-то далеко внизу. «Слоновья трава» с огромными стеблями и кудлатой верхушкой, вдвое выше роста среднего человека, пучками растет у дороги. Рядом с ней вижу и другие травы — высокие, похожие на чудовищные метелки. Ветровое стекло машины запотело, по нему сбегает капельки влаги. Достая теплый свитер, пронизывающий холодок вызывает дрожь...

Из тумана вдруг появляются люди. Двое мужчин-таи держат под уздцы небольших лошадок. Дикие и норовистые животные не привыкли к машинам: при звуке работающего мотора они рвутся из упряжки и встают на дыбы. Мео, в синих коротких сборчатых юбках, несут спящих младенцев не так, как вьетнамки — у бедра, а на спине. Мужская половина мео бреет переднюю часть головы, а свисающие назад пряди волос подстригает особым способом. На шеях у них поблескивают серебряные обручи, а за поясом торчит неразлучный *дао дуа* — большой нож, которым они прокладывают себе путь среди непроходимых зарослей в джунглях. Некоторые из них тащат на плечах связки сахарного тростника или длинные бамбуковые жерди. И вдруг... Я не верю своим глазам: высокий, статный таи торжественно-величаво шагает по обочине дороги, держа в руках огромный старомодный черный зонтик!

По-прежнему туманно и сыро, моросит мелкий дождик. Но я уже знаю — не пройдет и часа, как туман густой массой сползет в глубину зеленых пропастей, а из-за туч выглянет ослепительное солнце. Перед нами — Деофадин (так таи называют «Перевал Земли и Неба»). Под ногами твердая, неласковая земля, а над головой — бескрайнее, чистое небо. Здесь человек, только что вырвавшийся из влажных и душных джунглей, может вздохнуть полной грудью.

Нинь вполголоса напевает песенку военных лет:

Высокие и крутые горы
не могут нам быть преградой:
когда мы достигнем вершины,
то будем выше любых гор!

На этой высоте иной климат. Ночи слишком холодны, чтобы тут могла буйствовать тропическая зелень. Перед нами раскрываются просторы альпийских лугов, лишь изредка среди низкорослого кустарника торчит одинокое дерево. Горы здесь коричневатого цвета, а зелень мягких оттенков. Над всем этим — прозрачная лазурь, словно распахнутые в огромное небо ворота.

Приближаемся к селению Тхуанчау. Едва достигаем долины, как лицо начинает обдавать горячим воздухом. Дорога проходит среди узких, извилистых меж и запруд широко раскинувшихся рисовых полей.

Корсткий привал, смена покрышек перед новым броском в горы и джунгли. До полудня еще далеко, но зной навис над селом, над серыми домиками, над меловыми холмами, заросшими кустарником. Заходим в государственный сельский магазин. На полках — ситцы, разная посуда, главным образом мисочки для риса. Много корзин и разных шляп. Небольшой книжный отдел. Тут есть политические брошюры, пособия и справочники по разным отраслям домашнего хозяйства, книжки для детей, художественная литература на языке тай и вьетнамском. По совету продавщицы Чи покупаю сборник народных песен тай, выпущенный на их языке.

По улице, шагает торговец, несущий связку кустарных чайников. Стайка ребятишек сопровождает нас, называя не только меня, но и Хоана, несмотря на его явно неевропейский облик, — *льенсо**. Заглядываем в аптеку. В ней много заграничных лекарств: советских, болгарских, немецких и польских.

В магазин входит большая группа женщин — тай и мео. Они осматривают посуду и набивные ткани.

Из зарослей выбежало стадо черных поросят. У каждого из них на рыльце нечто вроде намордника из прутьев, за который легко зацепить веревку, если нужно загнать животных в хлев. В расставленных перед домами плоских, похожих на огромные тарелки корзинах белеют ломтики подсушиваемых на солнце бататов. Проложенные по диагонали к домам трубы — выдолбленные стволы бамбука — это своеобразный местный водопровод.

* Так вьетнамцы называют советских людей

Нинь высунулся из «газика» и энергичными жестами руки зовет нас к машине. Хап включает мотор. Отдых кончился, пора в путь!

Дорога рыжим зигзагом снова петляет по склонам. Зной усиливается. Пыль толстым слоем оседает на лице и одежде, щиплет в горле. Мотор «газика» завывает на высокой ноте. Вскоре нас опять окружают джунгли. Снова тропическая зелень подавляет и ошеломляет меня своей девственной пышностью, красотой резных листьев, лианами, непроходимым кустарником. Высоко поднимаются перистые султаны трав. Раскрывают кроны огромные папоротники. Низко-низко летит над чащей сказочно яркая птичка *тим чи*. Лучи солнца едва пробиваются сквозь густую листву деревьев. Продолговатыми кроваво алыми пятнами мелькают цветы банана.

Но вот вдоль дороги вырастают маленькие будки на высоких сваях. Они очень напоминают птичьи кормушки.

— Это магазины! — видя мой изумленный взгляд, говорит Хоан.

— Ты шутишь?

— Что ты! Я говорю серьезно. Обрати внимание, сколько их тут построено!

Нет, я должна сама убедиться в этом! Выскакиваю из машины. На участке дороги не более чем в полтора километра, я насчитала до десятка таких маленьких ларьков. Вьетнамцы называют их *кья ханг ты нгуен ты жиао* что означает: «Не забудь заглянуть!» В товарах недостатка нет: здесь можно найти сахарный тростник, сушеные бататы, бананы, маниоку. На каждом товаре — цена. Тут же лежит мешочек, куда покупатель бросает деньги. О каком-нибудь обмане и речи нет...

— Самообслуживание в джунглях, не правда ли? — смеется Хоан. Невольно улыбаюсь и я.

На рсках, отличающихся быстрым течением, среди камней крутятся так называемые *кон* — деревянные колеса, служащие для ирригации. Кое-где видны иные приспособления — *кои да* — мельничные.

— Такие мельницы не только мелют зерно, но также лущат рис, — говорит мне Хоан, разъясняя принцип действия этого примитивного механизма. — Быстрое течение заставляет вертеться ось, а та приводит в движение пест, который бьет по зерну, насыпанному в огромную ступу, выдолбленную из куска ствола прочного дерева.

Видимо, где-то поблизости находится деревня, но обнаружить ее среди этих непроходимых лесных зарослей

В такой металлической чаше
воскуривают благовония

очень трудно. Неожиданно перед нами открывается широкая поляна, отвоеванная у джунглей, и мы видим несколько построек, напоминающих шалаши, а около них — группу мужчин. Они явно изумлены появлением нашей машины и ее пассажиров. К сожалению, побеседовать с этими людьми нам не удастся: они совсем не знают вьетнамского языка. Кое-какие слова на языке тай, которыми пользуются Хоан и Нинь, тоже мало помогают делу. С большим трудом нам удастся выяснить, что люди эти принадлежат к народности са. Жестами они объясняют свое присутствие в лесу — корчуют пни. Долго стоят са на дороге, удивленными взглядами провожая наш «газик».

Ровная дорога внезапно переходит в головокружительный спуск, и мы оказываемся в долине. Перед нами — несколько десятков низких домиков.

— Туанжяо! — сверяясь с картой, говорит Нинь.

Из какого-то потаенного уголка машины он вынимает термос и сумку с едой. Присев на ступеньки «газика», мы разбираем по части жареную курицу и заедаем ее крутыми яйцами. В горле у нас пересохло от пыли, но зеленый чай действует освежающе. Разумеется, на десерт — свежие бананы.

Перед длинным зданием, где жители села, очевидно, проводят собрания, висит нечто напоминающее гонг, но очень странной формы.

— Присмотрись поближе, стоит! — говорит мне Нинь.

Он недавно побывал в этой местности и теперь пытается заинтриговать меня. Подхожу ближе. На зеленоватом металле можно различить выгоревшую от солнца надпись: «ЮС Арми». Гонг сделан из... куска бомбы!

Привал окончен, снова возвращаемся в джунгли. И, видимо, надолго. Машина подскакивает словно футбольный мяч, мы больно стукаемся боками о стенки кузова. Хап буквально вцепился в баранку руля. Видно, как от напряжения дрожат его руки. Не удивительно! Даже самому искусному шоферу нелегко вести машину при этой жаре, да еще в такой местности, где при малейшей оплошности каждый неожиданно возникающий крутой поворот грозит падением в пропасть.

Два часа дня. Хап должен отдохнуть. Он ставит машину в тень, ложится рядом на траву и мгновенно засыпает.

Чтобы укрыться от жары, мы уходим в глубь джунглей. Временами мне кажется, что кто-то швырнул сюда, в непробиваемые заросли, горсть мерцающих осколков стекла. Под ногами сухо трещат обломки бамбуковой коры — гладкие и светлые до белизны. Узкая, едва различимая тропка ведет нас к реке — одной из многочисленных и безымянных речушек в джунглях, которые своим бешеным течением как бы вспаривают глухую зеленую чащу.

Сбрасываем обувь, закатываем брюки. Бредем по воде, направляясь к маленькому каменистому островку. Хотя речушка и невелика, однако течение у нее очень быстрое, вода с шумом плещется о скользкие камни. Нагретая солнцем, их поверхность обжигает босые ноги. Берег островка — в спокойных недвижных заливчиках, где глухо квакают перепуганные лягушки.

Джунгли сомкнулись над речкой, образовав свод. Стоит отойти на шаг от освещенного солнцем берега, где царит немилосердная жара, и уже чувствуешь прохладу. Внезапно из чащи доносится шум голосов. Группа таи — взрослых и детей — бредет по речке и тянет длинную сеть. Заметив нас, рыбаки на минуту останавливаются, но тут кто-то из старших машет рукой, звучит суровый окрик, и таи исчезают в чаще. Только эхо повторяет быстро удаляющиеся голоса...

Возвращаемся к машине. Хап уже отдохнул и снова находится в полной форме. Можно ехать дальше!

От Дьенбьенфу нас отделяет еще около сорока километров очень тяжелой дороги. Мы часто проезжаем мимо больших групп солдат и крестьян, которые либо строят новые участки дороги, либо ремонтируют старые. Преобладает молодежь. Парни окликают нас. Нинь отвечает им шуткой...

Около пяти часов вечера машина словно бы вырывается из цепких лап джунглей на простор обширной долины, далеко на горизонте заканчивающейся цепью синеватых гор. Мне трудно поверить, но это так — перед нами Дьенбьенфу.

Название этой долины на рубеже 1953—1954 годов не сходило со страниц всей мировой печати. В мае 1954 года Дьенбьенфу стало местом великой победы вьетнамского народа. До этого, в феврале, тут начала сосредотачиваться вьетнамская Народная Армия под командованием генерала Во Нгуен Зиапа. Тогда здесь «были вырублены джунгли, а пни обмотаны тысячами километров колючей проволоки, — накануне решающей битвы писал В. Жукровский в книге «Дом без стен». — Котловину между горами изрыли окопами, построили в ней доты и бетонные укрытия. Словом, перед нами была сильно укрепленная крепость. В ней противник сконцентрировал 14 батальонов, то есть силы, превышающие состав дивизии. У них было много орудий и танков, их поддерживала авиация, американские машины... Эхо победы под Дьенбьенфу пробуждает надежду среди народов, ранее угнетаемых колонизаторами, оно вызовет новую волну партизанской борьбы на всем Индокитайском полуострове...».

Рисовые поля. Плантации маниоки и кукурузы. Вьетнамские хижины — приземистые, крытые листьями. Высокие, на сваях, дома народности таи... Я смотрю на горы, которые отступили к синему вдали горизонту. Там проходит граница ДРВ с Лаосом.

Мы останавливаемся у дома для приезжих. Как и в Моктяу, тут глинобитный пол, а вместо стен — перегородки, не достигающие земли. Потолка нет, только крыша. Рядом, в таком же здании — детский сад. Девушка только что вывела из него малышей. Они идут цепочкой и держат друг друга за руки.

В деревянной будке нас ждет котел горячей воды. Это весьма кстати, так как мы запылены и покрыты грязью. В расставленных на циновке мисочках уже дымятся суп. Нинь вдруг говорит:

— Послезавтра утром отсюда идет самолет до Ханоя. Может быть, все-таки...

Я порываюсь вскочить и чуть не задыхаюсь от гнева. Но прежде, чем я успеваю отбрызнуть Ниня, сдержанный Хоан кладет мне на плечо тяжелую руку:

— Он шутит... Не удивляйся, что мы сомневаемся: с европейцами всякое бывает — порой кто-нибудь ослабеет, расклеится, захворает... Да и не каждый мужчина выдержит такую поездку. Но ты можешь всюду ездить по нашей стране.

Пожалуй, это самая лучшая похвала, какую мне когда-либо приходилось слышать.

Долина Дьенбьенфу через восемь лет предстает перед нами многоликой. Сначала, разумеется, хочется увидеть то, что отражает недалекое прошлое. Мы сворачиваем с серой дороги на боковую тропинку, протоптанную среди зарослей. Потом карабкаемся по склону ближайшего холма. Высоко поднялась буйная тропическая трава. Густой кустарник жадно завладел остатками заржавелых проволочных заграждений. В расщелинах, заросших сорняками, тускло поблескивают куски металла: его еще не успела сожрать ржавчина и поглотить земля. Кое-где остатки машин и оружия — последние следы битвы. Неподвижный танк, обломки разбившегося вертолета, ряды одинаковых невысоких обелисков на военном кладбище.

Упорно вертятся в голове два вопроса: «Почему именно тут?» и «Как достигнута эта победа?»

Достаю карту. Долина Дьенбьенфу и поныне имеет большое стратегическое значение для всей Юго-Восточной Азии. В 1944—1945 годах японцы построили в ней два крупных аэродрома, которые могли принимать самые тяжелые бомбардировщики. Наличие мощной воен-

ной базы в этом месте представляло тогда серьезную угрозу для Китая, позволяло японцам управлять краем таи и поддерживать среди них те элементы, которые симпатизировали колонизаторам. Сильная крепость в Дьенбьенфу была также препятствием для связи между сражающимся Вьетнамом и освободительным движением Патет-Лао (на территории самого Лаоса).

— Предполагалось, что тут будет действовать главный таран, наносящий удары по нашим боевым силам,— рассказывает сопровождающий нас молодой военный.— Враг еще в 1950 году намеревался провести военные операции в зоне, граничащей с Китаем. Однако попытки эти окончились провалом.

— А когда французский экспедиционный корпус впервые захватил Дьенбьенфу?

— 20 октября 1953 года. Тут был выброшен крупный воздушный десант.

Я припоминаю: западная печать тогда подняла невероятную шумиху по поводу этого события, предрекая близкую гибель «красных». Победителям и в самом деле казалось, что уже близок день окончательной расправы с противником — вьетнамскими патриотами. Многие на Западе думали, что теперь-то уже совсем легко будет разгромить их и поставить на колени. Однако ближайшие же события развеяли в прах все эти неумные расчеты.

— Да, тогда, в 1953 году, мы отступили из Дьенбьенфу, но еще до конца года наша армия освободила в Дельте две с половиной тысячи сел! — горячо говорит Нинь. Оказывается, будучи артиллерийским офицером, он сражался как раз под Дьенбьенфу.

— Да, в этом была специфическая особенность нашей войны! — подтверждая слова Ниня, вмешивается Хоан.— Помнишь карты и макеты в военном музее Ханоя? — спрашивает он меня.

Еще бы, помню! Захваченные врагом города, а вокруг них силы Сопrotивления. На стенах домов в Ханое, Хайфоне, Намдине — выведенные патриотами надписи: «Мы повсюду!». Нет разделения на «фронт» и «тыл» — фронт везде.

— Так сейчас обстоит дело и на юге! — вполголоса говорит Нинь. — В Сайгоне хозяйничают марионетки и американцы, а за городом и в селах — наши.

Враг накапливал силы, возводя и расширяя в долине Дьенбьенфу укрепления. По приказу командования крепости в декабре 1953 года в долине были вырублены

деревья и выжжена вся растительность, даже трава. Жителей отсюда выселили. У подножия оголенных гор возводились наземные фортификации. Под землей вырастали крупные доты, ходы сообщения. Самые отборные части, наиболее опытные солдаты были переброшены сюда для усиления гарнизона Дьенбьенфу.

Осенью 1953 года французский главнокомандующий, генерал Наварр, после своего визита в Вашингтон, отдал приказ о дальнейшей концентрации в крепости отборных французских частей. Сорок четыре батальона экспедиционных войск начали в октябре на полях Дельты операцию «Щука». Затем последовала операция «Чайка» — удар по провинции Тханьхоа, одному из сильнейших центров Движения Сопротивления...

«Щука», «Чайка»... Эти зашифрованные, внешне невинные названия таили в себе зловещее содержание. Сбрасываемые над территорией Дельты парашютисты разрушали запруды на рисовых полях, жгли дома, убивали скот, грабили запасы продовольствия, угоняли население. Вода затапливала рисовые поля, сносила плотины. Оккупанты рассчитывали, что голод в деревнях станет их верным союзником. А надо сказать, что в то время население еще не забыло о «великом голоде» 1944 года!

Третья крупная наступательная операция — «Атланта» — была предпринята колонизаторами в январе 1954 года под контролем... вице-президента Соединенных Штатов Никсона! Все более многочисленные группы американских военных специалистов начали прибывать в Индокитай, все больше «летающих крепостей» типа «Боинг-26» приземлялось на вьетнамских аэродромах, все чаще транспортные самолеты США доставляли сюда снаряжение и боеприпасы, оружие и «советников». Однако успехи оказались кратковременными. Внимание обеих воюющих сторон сосредоточилось на Дьенбьенфу.

Французские специалисты в области стратегии, имена которых увековечены на фотокопиях рапортов и приказов, хранящихся в местном музее, и их американские «советники» рассчитывали, что вьетнамская артиллерия не сможет приблизиться к такой мощной крепости. К тому же вокруг не было дорог — только узкие тропинки через джунгли, а на каждой возвышенности в зоне крепости были возведены огневые точки, снабженные новейшей боевой техникой. В штабе врага полагали, что, если даже части «вьет» (так оккупанты называли Народную Армию ДРВ) каким-либо способом сумеют подойти к крепости, им все равно придется отступить, так как они

не смогут доставлять сюда боеприпасы и продовольствие.

Американские и французские специалисты пренебрежительно отнеслись к босонотому, плохо снабжаемому и сражающемуся в неслыханно тяжких условиях противнику. Но одного психологического момента они не учли в своих планах. А этот босоногий солдат знал, за что сражается, и, главное, за ним стоял весь народ!

— Мы были у себя дома! — говорит мой спутник военный, резкими жестами подчеркивая каждое свое слово.

— Долгое время нам действительно не хватало оружия и боеприпасов, — вмешивается в разговор Нинь. — Однако, когда началась подготовка к битве под Дьенбьенфу, нам их подвезли, мы ни в чем не испытывали недостатка. Но ты же понимаешь: оружие — это еще не все! Каждый местный житель был душой с нами и помогал армии — вот что было главным. А те, что сидели в крепости, хотя их превосходно снабжали и обеспечивали, оставались одинокими...

Да, военные специалисты США не ошибались — путей в джунглях не было. Но стоило «отцу Хо» бросить призыв, как население спустилось с гор и принялось за работу по строительству дорог. Противник рассчитывал, что вьетнамцы не добудут транспортных средств, чтобы перебросить под Дьенбьенфу людей, оружие, боеприпасы и продовольствие, но... По только что проложенным участкам — пробитым среди горных цепей, в скальных обрывах — одна за другой шли колонны грузовиков. Шоферы забыли тогда о сне и отдыхе. Автотранспорту помогали сотни велосипедов, десятки речных сампанов, тысячи пеших подносчиков грузов. Люди народности мео, выращивающие низкорослых горных лошадок (мы видели их на пути сюда), привыкших к транспортировке выюков по горным дорогам, добровольно отдавали их армии...

— У нас есть такая поговорка: «Тигр боится зацепиться за лиану, чтобы не затронуть всего леса», — говорит Хоан. — Так именно было зимой 1953/54 года. Народ поднялся весь, как тропический лес...

В это время на освобожденных территориях правительство ДРВ проводило земельную реформу. Кончалась власть феодалов и сельских богатей. Тысячи крестьян-бедняков получали землю. Солдаты все яснее понимали, за что они борются.

Недавно я видела в Ханойском музее (да и сегодня утром в небольшом местном музее, открытом всего год

назад) оружие и боеприпасы, старомодные полевые телефоны и примитивный медицинский инструмент, которыми вьетнамцы пользовались в дни знаменитой битвы. Мне показали продолговатые мешочки для провианта — неотъемлемую часть полевой экипировки. Видела я и учебники для солдат.

Осматривали мы также баклаги для воды, коромысла для переноски грузов и велосипеды: по прифронтовым дорогам их просто вели, так как на них висел многокилограммовый груз...

На представленных в музее плохих любительских снимках, сделанных ночью, в трудных военных условиях, я вижу нескончаемые ряды конусообразных шляп. Это идут стройные, хрупкие, похожие на статуэтки девушки-подносчицы, нередко проделывающие на фронт и обратно сотни километров пешком. Вокруг Дьенбьенфу медленно и неотвратно, все туже и туже стягивалось кольцо окружения. Засевшему в крепости противнику не помогали даже те два «воздушных моста», по которым гарнизон получал медикаменты и продовольствие.

Народ дружно откликнулся на призывы партии и «отца Хо»: «Ни одного зерна риса, ни одной капли воды врагу! Никакой помощи и поддержки неприятельской армии!». Даже в районах, контролируемых французскими колонизаторами, среди крестьян зародилось стихийное движение, названное ими «От всего сердца». Суть его заключалась в том, что они отказывались от части своего дневного рациона в пользу сражавшихся под Дьенбьенфу патриотов.

Невысокий и худощавый боец Народной Армии, в выгоревшем хлопчатобумажном обмундировании и в сандалиях из куска автопокрышки, смело вышел на бой против откормленного, сильного и вооруженного до зубов врага. Значительная часть солдат противника состояла из авантюристов разных национальностей: так по крайней мере было с пресловутым Иностранным легионом. Но за плечами вьетнамского бойца были миллионы соотечественников, его поддерживало мировое общественное мнение. В Ханойском музее хранится множество писем с выражением солидарности от ближайших товарищей по борьбе — корейцев и лаосцев.

Подобно тому как капля долбит камень, вьетнамцы вели терпеливую разъяснительную работу среди противника. Они раскрывали пленным глаза, указывали на их роль — роль слепого орудия в «грязной войне», вели активную пропаганду против неспровоцированной агрессии.

сии Франции. Я с интересом разглядываю и читаю листовки, которые тогда разбрасывали среди солдат противника:

«Soldat français et étranger, passe dans nos rangs! Pourquoi combattre le peuple, qui veut la liberté? Evitez une mort inutile! Venez chez nous! *»

Подобный вопрос был поставлен и перед солдатами тогдашней марионеточной армии «императора» Бао Дая. В Иностранном легионе и экспедиционном корпусе было много немцев. К ним обращено воззвание, начинающееся словами: «In Massen haut ab aus der Legion! **»

Из армии врага бежали многие: французы, арабы, немцы и даже поляки (разумеется, андерсовцы). Одни сдавались в плен и шли в лагеря, а затем, будучи репатрированы, кружным путем возвращались на родину. Разумеется, они клялись никогда больше не участвовать в «грязной войне». Другие просто переходили на сторону Народной Армии и сражались плечом к плечу с вьетнамцами.

Еще одна листовка на немецком языке гласила: «Fremde Legion oder Freiheit! Die Legion verlassen heisst Heimkehr! Vergiesst nicht — Dien Bien Phu ist vollständig eingekesselt! ***»

Окружение и разгром крепости проходили в три этапа. На первом этапе вьетнамцы отступили от нее, обманув этим маневром противника и ослабив его бдительность (командование Народной Армии предпочитало атаковать лишь тогда, когда была гарантия успеха). Генерал Наварр решил, что вьетнамцы действительно отказались от нападения на крепость. А тем временем вооруженные силы ДРВ повели наступление в других пунктах — на юг и на север от Дьенбьенфу.

— Мы тогда освободили на севере Лайтяу и одержали победу в провинции Контум! — присев около разложенной карты, объясняет мне наш военный спутник.

Мы стоим у полузасыпанного окопа. Среди буйно растущей высокой травы валяются искореженные остатки сожженного танка. Сорняки пробилась сквозь него, оттенив эту картину смерти.

* Солдаты, французские и иностранные, переходите в наши ряды! Зачем вы сражаетесь против народа, который жаждет свободы? Избегайте бесполезной смерти! Переходите к нам! (франц.).

** Коллективно уходите из легиона! Покинуть легион — это

*** Иностранный легион или свобода! Покинуть легион — это значит вернуться домой! Не забудь, — Дьенбьенфу окружена полностью! (нем.).

— На втором этапе наступления мы сначала ликвидировали наиболее сильный пункт всей системы укреплений: ее северный сектор! — продолжает комментировать мой военный собеседник. — И прежде чем ошеломленный противник успел прийти в себя, нам удалось полностью овладеть тремя восточными высотами и частично занять две остальные. Это как раз здесь! Сохранившиеся еще со времен японской оккупации железобетонные доты были очень мощными. Но мы не спасовали: сумели сделать подкопы вблизи самой крепости!

В скале зияет вход, открывающий нам путь в подземелье А рядом — сделанный вьетнамцами подкоп. Густая трава оплела моток ржавой колючей проволоки и обрывки какого-то кабеля или провода.

— Не раз случалось так, что в наших подкопах мы слышали разговор французских солдат за стеной дота, — добавляет Нинь.

— Мы выдержали все страшные бомбежки с воздуха, — продолжает мой «гид». — Еще до того как были готовы дороги для артиллерии, в наших горных складах уже было накоплено достаточно продовольствия и боеприпасов. Конечно, американцы тоже не сидели сложа руки: ежедневно они доставляли в крепость до 170 тонн боеприпасов и взрывчатки, сбрасывая на наши позиции напалмовые бомбы. Но мы нашли способ бороться против действия напалма. Способ этот может показаться до смешного простым, но он был очень эффективным — мы использовали бамбуковые маты, покрытые толстым слоем жидкой грязи! Потом, когда кольцо окружения начало сужаться, большинство сбрасываемых в крепость грузов стало попадать в наши руки. На третьем, генеральном, этапе наступления мы захватили вражеский аэродром, а затем центр крепости. И тогда капитулировал уже изолированный нами южный бастион Дьенбьенфу. Это был конец битвы!

Я рассматриваю снимки французско-военнопленных, отправляемых в лагерь. Длинная шеренга сильных, крепких парней, которых конвоируют вьетнамские солдаты — невысокие, щуплые, выглядевшие перед ними почти детьми. Невольно вспоминаю французских генералов, имена которых известны по «грязной войне», по битве в долине Дьенбьенфу и... по «баталиям» ОАС! Это — де Кастри, Наварр, Салан...

«Зачем вы сражаетесь против народа, который жаждет свободы?» — спрашивали вьетнамцы у пленных. Та-

кой же прямой вопрос мне хотелось бы сейчас задать американским солдатам, «усмиряющим» беззащитное население Южного Вьетнама...

*

Иной облик Дьенбьенфу мне видится в новых домах, окруженных молодой зеленью, где звенит веселый детский смех и спокойные голоса взрослых.

Четыре года назад сюда группами начали приезжать бывшие солдаты — участники боев под Дьенбьенфу. Они очищали от мин и снарядов поле давней битвы, выжигали сорняки и запахивали под зерновые культуры давние пустоши. Мертвая, вырубленная французами долина быстро начала зарастать тропической зеленью. Но дикая трава начисто заглушила прежние рисовые поля.

— На первых порах нам было нелегко, — говорит Фам Нгок Кхань, бывший командир батальона под Дьенбьенфу, а ныне руководитель государственного хозяйства. — У нас здесь ничего не было — голое место да руки двух тысяч солдат-поселенцев. На боевой опыт не жаловались: умели сражаться в джунглях, в горах, на болотах и трясинах. Но научиться хотя бы пикировать рисовую рассаду — времени не было! Сейчас, спустя три года, собираем такое количество риса, что его хватает не только нам самим, но еще остается 350 тонн для продажи государству!

Наша беседа проходит в поле. Мы минуем участки, где уже зазеленел рис, потом видим ростки маниоки, а за ними — плантации кофейных кустов, густо поросших мясистыми листьями.

— Мы также выращиваем кукурузу, бататы, сахарный тростник, — продолжает Кхань. — Но самая важная для нас культура — рис. Из 1400 гектаров пахотной земли под рис отводится 600. До 1965 года мы хотим расширить площадь наших ферм еще на полторы тысячи гектаров. Ведь теперь-то мы уже научились возделывать землю и знаем особенности здешнего климата!

— В этой долине, закрытой горными цепями, погода зачастую преподносит им совсем иные сюрпризы, чем в низинах, — комментирует Хоан.

— Вся территория нашего хозяйства делится на двенадцать секторов, — продолжает Фам Нгок Кхань. — Открыта больница на шестьдесят коек. В каждом секторе имеется площадка для волейбола — не одним же ри-

Этот старец-каллиграф выводит новогодние пожелания по заказу многочисленных клиентов

сом и трудом живет человек! Организовали мы и несколько коллективов песни и танца. Правда, с культурно-просветительной работой у нас немало трудностей — сектора расположены далеко один от другого, дороги тяжелые, а транспортных средств у нас все еще мало, да и многое, что нам необходимо, приходится завозить издалека — из Дельты...

Мои спутники вдруг заговорили о чем-то по-вьетнамски. Я выжидательно поглядываю на них. Фам Нгок Кхань придиричиво расспрашивает Хоана.

— Он хотел бы что-нибудь подарить тебе на память, — объясняет Хоан. — Но, к сожалению, у них нет ничего, кроме... лопаты!

В первый момент я растерялась. Ну на что мне лопат-

та? Однако эта лопата оказывается незаврядной: она сделана из обломка танка и на ней выбита надпись «Дьенбьенфу, 1962».

— Такие лопаты используются нами для работы на плантациях и для иных земляных работ, — с улыбкой говорит Фам Нгок Кхань.

Заходим в детские ясли. Прямо с потолка, напоминая наши деревенские люльки, свисают большие круглые корзины, плотно закрытые противомоскитными сетками. Осторожно приоткрываю легкую ткань, чтобы посмотреть на спящих малышей. Во второй комнате — «ползуки». Они быстро передвигаются по мягким циновкам. Дети постарше удивленно тарашат блестящие черные глазенки при виде необыкновенного зрелища — женщины с белой кожей, светлыми волосами и голубыми глазами... Для верности и большей надежности они предпочитают укрыться под передник ближайшей няньки.

— Каждый сектор имеет свои ясли! — не без гордости замечает Кхань. — Детей у нас много: больше тысячи! Хорошо! Они родились уже здесь, в долине.

Но Дьенбьенфу имеет еще один облик. Он — в многонациональном составе населения этой провинции. Здесь насчитывается 16 тысяч таи, около 6 тысяч мео, почти 3 тысячи са, около 2 тысяч кинь. Меньше других представлены племена мои и ман.

Ло Ван Фи, родом таи, представитель местного Административного совета, бывший солдат, рассказывает о жизни здешнего населения до войны, о нищете крестьян, о беспощадности французских чиновников, о царившей среди них коррупции.

Беседа, так же как и раньше, протекает неторопливо — ведь второй переводчик, молодой таи, переводит каждое слово Ло Ван Фи на вьетнамский язык, а Хоан — на французский. Несмотря на все эти языковые трудности, я интуитивно угадываю в словах Ло Ван Фи неостывший гнев, вызванный тяжелыми и неприятными воспоминаниями.

— Императорский чиновник, управлявший этим округом по поручению колонизаторов, по происхождению был таи. Но держал он себя хуже французов. Алчный был на рис, на деньги — о, какой алчный! Жадность ослепляла его. Он сам устанавливал размеры налогов и сам же взыскивал их, так что спастись от него было невозможно. Во время сбора урожая он скупал рис, а потом, весной, в голодный период, продавал его по бешеным ценам. Он также спекулировал на соли, зарабаты-

вал на ней огромные деньги и умудрялся обвешивать каждого покупателя...

Оказывается, эта спокойная, почти идиллическая в блеске весеннего дня окрестность была ареной бурных и быстро сменяющихся событий еще задолго до 1953 года. В девяностых годах прошлого столетия Део Ван Чи — деспотичный и хищный предводитель тай, происходивший из богатой феодальной семьи, — предательски сдал колонизаторам все здешние села и подписал с ними договор, давший ему новые привилегии. С согласия захватчиков он стал властвовать над всеми племенами и родами тай — «Белыми» и «Черными»! Верно говорят: «Яблоко от яблони недалеко падает» — сын этого правителя, Део Ван Лян, был достойным потомком своего отца. Разница состояла лишь в том, что сын во сто крат превосходил родителя дикостью и жестокостью по отношению к подвластным и в холуйстве перед французами. В молодости он несколько лет провел во Франции, и это еще крепче связало его с колонизаторами. Ван Лян открыто насиловал, мучал и убивал — холодно, расчетливо, не дрогнув. В конце второй мировой войны, когда японцы ненадолго появились в Дьенбьенфу, Део Ван Лян сбежал в Лаос. После 1945 года он вернулся и по договору с колонизаторами стал хозяином жизни и смерти своих подданных. Ему была предоставлена полная свобода действий, но с одним условием — Лян был обязан бороться с партизанами, с Вьетмином, с Движением Сопротивления, с коммунистами и их союзниками. Каждый месяц его правления отмечался десятками смертных приговоров, актов насилия и пыток. Жертвами террора Део Ван Ляна нередко были его подданные, даже не имевшие абсолютно ничего общего с Движением Сопротивления, но чем-либо не понравившиеся властителю.

— Именно из таких запродавшихся им вождей отдельных племен французы хотели сделать начальников антивьетнамских автономных округов, — добавляет Хоан. — Део Ван Лян не был единственным предателем и насильником, хотя в своей необузданной жестокости превзошел всех. Подобными же предателями были старшины племени нунг на севере и мыонг — вблизи Хоабинь. Однако коварные планы врага потерпели крах.

— Много крови пролили эти изменники? — спрашиваю я.

— Да, много. Но зверство обернулось против них самих. Доведенные до отчаяния люди поднимали бунт.

И гнев народа становился тогда сильнее террора. Правду о Движении Сопротивления не смог задушить даже самый жестокий правитель. Когда Народная Армия перешла в наступление, даже та сила, какой располагали Лян и его зять, авантюрист, полуфранцуз-полуазиат Бордые, ни в чем не уступавший тестю, не помогла им. Они не смогли заставить людей тай выступить против нас.

— Но говорят, что часть тай все-таки была настроена антивьетнамски?

— Верно, были такие, но мало.

— Что же потом переубедило их?

— Когда не стало деспотов вроде Део Ван Ляна, которому французы помогли удрать на самолете, под ногами сторонников сбежавших феодалов стала гореть земля...

Я вспоминаю все ранее узнанное и думаю: действительно — что могли Део Ван Лян, его достойный зять авантюрист Бордые и их сторонники, противопоставить известным восьми пунктам «Декрета о тай», опубликованного правительством ДРВ осенью 1952 года? Декрет гарантировал тай охрану их жизни и имущества, свободное выполнение любой работы, предусматривал распределение среди крестьян имений и земли сбежавших колонизаторов и предателей, неприкосновенность святилищ и пагод, открытие школ и больниц, возмещение убытков лицам, помогавшим Народной Армии, законность, порядок и неприкосновенность личности. Правительство призывало крестьян организовываться и брать власть в свои руки.

То был совершенно иной язык, нежели тот, на котором обращались к тай люди типа Део.

— Но в наследство от феодалов и деспотов нам остались нужда, темнота и много взаимных обид. Еще по сей день нет-нет да и всплывет что-то! — продолжал Ло Ван Фи. — Однако дело идет к лучшему. Хотите, я расскажу вам о нашем сегодняшнем хозяйстве? Мы выращиваем кроме кукурузы рис, а также сахарный тростник, маниоку, фасоль, хлопок и некоторые другие промышленные растения. Урожай риса в низинах доходить теперь до 400 тонн с гектара вместо прежних 1800 килограммов, которые мы получали на «раи». Все больше организуется у нас сельскохозяйственных кооперативов. В низинных районах провинции таких кооперативов уже насчитывается около двухсот, а в высокогорных — почти двадцать.

— Скажите, а здесь раньше были школы?

— Всего две, да и то с небольшим числом учеников. Они были доступны лишь детям из богатых семей, связанных с Део и подобными ему чиновниками. Сейчас у нас шесть школ первой ступени, четыре второй и три третьей. Из восьмидесяти учителей больше всего вьетнамцев, затем таи, но есть также несколько человек из народности тхо и два китайца. В 1961 году в нашей провинции насчитывалось тысяча четыреста неграмотных, но уже к концу года научилось читать и писать двести двадцать человек. Пока не овладели грамотой преимущественно пожилые люди — с ними приходится труднее. Правда, учителя-кинх изучают язык таи, чтобы легче было работать с учениками — и детьми, и взрослыми... Когда-то приверженцы правителя Део говорили нам: «Зачем вам, таи, уметь читать? Вы такие глупые и темные!». Сегодня каждый знает, что лучшее оружие против нужды и темноты — знание, книга!

Персики цветут в джунглях

Белесый, сырой туман обволакивает город. Угасают звезды. Выезжаем около пяти часов утра. И снова дорога ведет нас в джунгли. Однако туда мы доберемся только около полудня, когда поезд, идущий на север, одолеет половину трассы.

Вьетнамские железнодорожники в светло-голубой форме из хлопчатобумажной материи спуют по коридору. В соседнее купе вошли два темнокожих индийца, у одного из них — длинные, причудливо закрученные усы. Это новые сотрудники Международной комиссии по наблюдению и контролю за перемирием, которая действует в Лаокае — последней железнодорожной станции и последнем городе перед китайской границей. Кроме индийцев и канадцев в эту комиссию входят и поляки.

Мы едем в городок, который, несмотря на его отдаленность от Ханоя, считается «наиболее польским» во Вьетнаме: Чапа. Но до него еще далеко — в Лаокае мы будем к ночи, а на рассвете пересядем в автомашину.

Нинь сладко позевывает. Как обычно, большая часть забот и хлопот сваливается на его плечи. Надо обо всем подумать — о ночлеге, о завтрашней машине, о горячей пище...

— Ничего, пустяки! — отвечает он, когда я высказываю сожаление, что из-за моей страсти к разъездам ему приходится делать лишнюю работу. — Вот несколько лет назад, даже при поездке в более близкие места, ну хотя бы в селения мяонгов — за Хоабинь, — нам приходилось выделять особую машину для повара, его горшков, плошек, провианта — словом, для всего решительно! Теперь уже значительно меньше хлопот. Да и с транспортом, со связью — куда проще...

Сладко зевнув, Нинь ложится на соседнюю полку и засыпает сном праведника.

— Хоан! — говорю я тихо. — А тебе разве не хочется отдохнуть? Ведь ты же поднялся еще до рассвета!

Он улыбается и отрицательно качает головой, потом склоняется над картой. Я знаю: эта поездка является для него экскурсом в прошлое. Двадцать лет назад он работал учителем в Лаокае и с тех пор не бывал в этих местах.

Поезд движется медленно, можно детально рассмотреть окружающую местность. По обе стороны пути растиляется бескрайняя равнина. На рассвете все вокруг кажется однообразно серым — серые, как пепел, рисовые поля и гребни запруд, серые плантации маниоков, серой кажется даже река, которая течет рядом с железнодорожной насыпью. Она будет сопровождать нас весь день, а если мы и удалимся от нее, то ненадолго... Совсем мало зелени, да и та какая-то чахлая. То тут, то там видны одиночные фигурки людей, работающих на рисовых полях или перекачивающих воду на верхние участки. Но вскоре и они сливаются с серым фоном. Старательно записываю названия станций, мимо которых мы проезжаем. Вот недавно была Виньен, а сейчас будет...

— Где мы находимся? — как бы очнувшись от глубокого раздумья, спрашивает Хоан.

— Хуонгляй! — выглядывая в окно, отвечаю я. — Земля тут, видимо, плохая. Уж очень невзрачно выглядят рисовые поля...

— Да, верно! Но зато это очень любопытный уголок Дельты.

Зелень мелькающих за окном рисовых полей стала как бы живее, ярче. Время от времени низко проносятся похожие на наших аистов вьетнамские белые цапли. Когда они неподвижно стоят на земле и за ними растиляется изумрудный фон поля — это похоже на тонкий восточный рисунок... Среди кудрявых кустов чайных плантаций группками поднимаются арековые пальмы.

Рядом с типично вьетнамскими деревенскими хижинами, неожиданно появляются очень современные по виду постройки.

— Вьетчи! — поясняет Хоан.

— Кажется, большой промышленный город? — замечаю я, спускаясь на нижнюю ступеньку вагона.

— Да. На днях тут будут сданы в эксплуатацию новая электростанция и новый химический завод.

— А раньше здесь были какие-нибудь крупные предприятия?

— Только одна бумагоделательная фабрика. Но во время войны колонизаторы разрушили ее.

Немолодой железнодорожник останавливается на перроне рядом с нашим вагоном, прислушивается к моим вопросам и вступает в беседу:

— До 1945 года в городе стоял полк Иностранного легиона. Ну, а там, где размещается легион, непременно возникают публичные дома, кабаки, игорные клубы. Словом, по улицам бродили проститутки, и, разумеется, распущенная солдатня затевала пьяные драки. Мы, правда, немного передохнули после этого «рая», когда отсюда драпанули и французы, и японцы, но в 1948 году враг снова вернулся и...

Я угостила его польской сигаретой. Он наклонился к моей руке и попытался прочесть надпись на коробке. Железнодорожники, как известно, народ бывалый. Читая по буквам слово «Польша», он понимающе кивал головой. Я спросила его:

— Город был сильно разрушен?

— Полностью... Повсюду, — смуглая рука железнодорожника описывает широкий круг, — были возведены большие подземные бункеры и наземные бетонные блокаузы. А на рисовых полях и на плантациях сахарного тростника они устроили полигоны. Всюду торчали засеки из кольев с колючей проволокой... Кое-где на заминированных полях были скрыты массовые могилы замученных и убитых врагом пленных...

Предусмотрительный во всем Нинь торопит: пора садиться в вагон. Мы уже стоим в тамбуре, а железнодорожник заканчивает свой рассказ:

— Вон там, где пьяные легионеры искали платных утех, теперь находится самое крупное наше предприятие: бумажный комбинат!

Светлые оштукатуренные здания промышленных предприятий возвышаются над кронами деревьев. Из окон медленно ползущего поезда мы можем детально

рассмотреть электростанцию, сахарный завод, рисо-
цильню и химзавод, который будет выпускать натрий,
хлор, серную кислоту. Предприятия эти почти готовы,
они накануне пуска. А местные строители уже заклады-
вают фундамент новой фабрики по производству *ми-
чин* — одной из популярных приправ к вьетнамским блю-
дам.

Двое молодых людей в потрепанных рабочих комби-
незонах, только что севшие в вагон, невольно слышали
обрывки нашей беседы с железнодорожником о Вьетчи.
Спрашиваю их: местные?

— Нет, мы с далекого Юга! — отвечает один из них,
подчеркивая слова резким, истинно южным жестом и
улыбкой. — Мы сражались в Долине Тростников... Вы
спрашиваете, много ли бывших солдат осело во Вьет-
чи? О, очень! Поначалу было трудно — ведь мы покинули
родные места, где остались близкие нам люди. Ну, а
кроме того, все были солдатами — мы умели сражаться,
о строительстве же промышленных предприятий, о вос-
становлении лежащих в руинах городов не имели ника-
кого понятия...

— Ну, а сейчас? Тоже трудно?

— Вот, поглядите! — широким жестом парень как бы
охватывает всю зелень рисовых полей и покрытых ле-
сом гор. — Вам может показаться, что древесины у нас
вполне достаточно? А между тем за пригодным для
строительства лесом приходится ездить далеко, очень
далеко. Кроме того, плохо с механизацией, мы вынуж-
дены были вручную валить и распиливать могучие ство-
лы. Ну, а как их доставить в долину Вьетчи? Сплавливать
по реке? Но вы уже видели нашу страну и, наверное,
знаете, как капризны у нас реки — даже такие, казалось
бы, спокойные, как Сонгло. У горных рек, как вам изве-
стно, бешеное течение и очень опасные подводные кам-
ни. Да и вода ледяная. Холод пронизывает до мозга
костей, если приходится пускаться вплавь, чтобы сбе-
речь древесину. А насчет каких-либо иных средств транс-
порта тогда и речи не было!

— В воде недостатка нет, — вмешивается второй ра-
бочий. — Чего-чего, а воды достаточно. Но вот распре-
делить ее, подвести к новым предприятиям — оказалось
делом очень сложным! Вы спрашиваете — почему? Для
такой подводки нужна водопроводная система с труба-
ми диаметром не менее одного метра...

— Ну и что же? — нетерпеливо перебиваю я. — Раз-
ве их нельзя купить за границей?

— Вроде бы и можно. Но... Вот, скажем, вызвались помочь нам китайские товарищи. Только, когда мы подсчитали, во что это обойдется, пришлось отказаться. Транспортировка стоила бы слишком дорого, да и ждать этих китайских труб пришлось бы довольно долго. В конце концов мы сами сделали нужные нам трубы.

— Я читал об этом в газете! — вмешивается Нинь. — За такую инициативу их предприятию была вручена высокая награда. Но о себе они распространяться не любят: слишком скромны.

Перейдя на вьетнамский язык, Нинь о чем-то спорит с обоими парнями: видно, пытается уговорить их продолжить беседу.

— В чем дело, Нинь? — спрашиваю я.

— Да вот прошу рассказать их весьма любопытную историю, а они отказываются.

Все-таки Нинь взял верх. Наши случайные спутники понемногу разговорились.

На бумажном комбинате возводили заводскую трубу. Высокую — почти шестидесятиметровую. Рабочие с каждым днем взбирались все выше и выше и уже не могли сносить с мастером и прорабом. А телефона не было. Пришлось пользоваться световыми сигналами. Легко сказать! Попробуйте-ка оперировать такими сигналами на большой высоте при частых дождях, да еще когда непрерывно дует сильный ветер и каждый шаг, каждое неосторожное движение грозит верной смертью... Дело рискованное. Однако за восемнадцать дней до срока готовая заводская труба гордо высилась над окружающей местностью.

— А вот когда вскоре из СССР прибыли новые машины и агрегаты для комбината, мы сами так и не смогли их смонтировать... — добавляет второй рабочий. — Тут уже не помогли ни отвага, ни стойкость, ни упорство! Просто мы убедились, что многому должны научиться. Нам тогда очень помогли советские специалисты. Стало быть, впредь надо крепко овладевать знаниями.

Снова мелькают станционные постройки: Йенбай. Наши случайные попутчики прощаются и соскакивают на перрон.

— Я хорошо понимаю опасения ребят, — прощая их долгим взглядом, тихо говорит мне Хоан. — Проблемы, о которых они тут рассказывали, вам, европейцам, могут показаться незначительными. Заводская труба, водопровод, строительный лес... «Да ведь это мелочи, простое дело», — скажете вы.

— Нет, Хоан, не скажем! Это совсем не мелочи. Я еще не забыла, какими были варшавские фабрики в 1945 году!

Четверо немолодых мео несут на примитивных, связанных из бамбука носилках больную женщину. Откинута назад голова, белое, бескровное лицо, на крепко сжатых губах застыла гримаса боли.

— Несчастный случай! — объясняет Нинь; он успел переговорить с носильщиками. — Придавило деревом.

— Тут имеется больница?

— Конечно. Поэтому несчастную и доставили сюда. У нее теперь есть все шансы остаться в живых. А раньше об этом и речи не могло быть.

— Йенбай — это центр провинции?

Хоан подтверждает. И тут же торопит меня: пора садиться в вагон, уже дан сигнал к отправлению...

У «Красного города» Йенбая — довольно любопытная история. 10 февраля 1930 года над цитаделью, где расположился гарнизон французских войск, вдруг взвился алый флаг!

— Было восстание? — спрашиваю я.

— Да. Но, к сожалению, неподготовленное, стихийное и потому закончившееся поражением восставших.

Во Вьетнаме действовала тогда организация, зачатую боровшаяся против колониализма путем совершения актов индивидуального террора. Она называлась *Вьет Нам Куок Зан Данг* — Национальная партия Вьетнама. Основал ее некий учитель, среди ее сторонников была часть интеллигенции, студенты, служащие и солдаты. Им снилась независимая республика, они склонны были сражаться за нее при помощи бомбы, динамита и револьверной пули. Но эти националисты не имели поддержки там, где всегда искали и находили ее коммунисты, — среди крестьянства. Члены ВНКЗД не понимали простой истины: террор — это путь в тупик, а не к свободе.

В этой стране сталкиваешься с историей на каждом шагу. Она обращается к вам не только языком камня и древними достопримечательностями, но прежде всего воспоминаниями. При этом нельзя забывать о современности, которая здесь тесно связана с историей...

Хоан достал карту.

— Видишь Йенбай? Отсюда недалеко до китайской границы, которая проходит рядом с городом Лаокай. Ты скоро увидишь его. Заговорщики, которые возглавили это стихийное восстание, рассчитывали на поддерж-

ку единомышленников, находящихся в Китае. Они полагали, что восстание быстро охватит весь Северный Вьетнам. Начали агитировать вьетнамских солдат, служивших в местном гарнизоне...

— А разве были такие?

— Были.

— И они добровольно шли в армию врага?

— Конечно нет! Просто существовал колониальный приказ: каждое селение обязано выставить определенное число людей, годных к военной службе. Крестьяне проводили жеребьевку: никому не хотелось добровольно надевать на себя чужой хомут. Но деревенские богачи умели подстроить дело так, что их сыновья почти никогда не попадали в подразделения так называемых туземных формирований. Как правило, в армию брали сыновей бедняков и наиболее незащищенных жителей...

Я мысленно представляю себе день 10 февраля 1930 года, когда над французской цитаделью в Йенбае на короткое время взвился алый стяг. Он развевался также и в Камтхао, над домом префекта. Кое-где успели вспыхнуть локальные бунты, в селах провинции Хайзыонг среди крестьян начались волнения...

— Кажется, и в Ханое тогда взорвалось несколько бомб? — прислушиваясь к нашему разговору, добавляет Нинь.

— Но все это, повторяю, было стихийным! — продолжает Хоан. — А потом... Потом селения провинции Хайзыонг враг подверг жестокой бомбежке с воздуха... Такие разрозненные и хаотические действия похожи на мелкие костры, которые кое-где лишь подпалят джунгли, но не смогут сжечь сколько-нибудь значительного участка леса.

Хоан неожиданно смолк и задумчиво посмотрел на медленно проплывающий за окном пейзаж. Джунгли здесь подходили почти вплотную к железной дороге. Порой с обеих сторон пути над поездом нависали зеленые высокие своды, как бы грозящие обрушиться и завалить дорогу, которую дерзкий человек прорубил в чаще.

С карандашом, замершим над блокнотом, я в каком-то оцепенении жду продолжения рассказа. Видно, почувствовав мой напряженный взгляд, Хоан оборачивается, и за стеклами очков я замечаю загоревшиеся в его глазах веселые иронические искорки.

— А может быть, уже хватит истории? Ведь вокруг снова джунгли и беседовать о них куда интереснее. Как ни говори, экзотика — башни, крепости, тигры!..

— Нет! — решительно говорю я.

Лицо Хоана становится строгим.

— Ну что ж, поговорим еще немного о минувших событиях... Но не обо всех сразу, — их слишком много... Позже мы проедем по Дельте на юг, и ты увидишь очаги крестьянских бунтов, а главное, наиболее «красную» провинцию — Нгеан. Так вот: в то самое время, когда в Йенбае вспыхнуло неудавшееся восстание, далеко от Вьетнама, на чужой земле, в Гонконге, родилась Коммунистическая партия Индокитая...

Хоан закрыл глаза. Что с ним? Дремлет, утомленный полуденным зноем? Или вспоминает прошлое? Тогда он еще не был автором сорока с лишним томов и выдающимся художником, чьи книги ныне переводятся на иностранные языки и известны не только на его родине. А может, он думает о том времени, когда его, молодого литератора и сельского учителя, колониальные власти «для пользы дела» перебрасывали с места на место по причине «неблагонадежности»?

Очнувшись от раздумий, Хоан не спеша берет карту.

— Где ты тогда учил детей? — спрашиваю я. — В каких районах?

— Лучше спроси, где я не работал?! — со смехом отвечает Хоан, водя пальцем по карте.

Я слежу за движением его руки: Хайзыонг, Намшать, Лаокай (туда мы приедем сегодня вечером), Киньмон, Намдинь, Чако, Тхайбинь... Центральный Вьетнам, близкие к Китаю районы, большие города и... малолюдный островок на море!

— Ты познакомишься с нашей провинциальной жизнью в Лаокае. Впрочем, сейчас и там многое изменилось. Раньше в каждом городе, где проживало несколько колониальных чиновников и немногочисленная вьетнамская интеллигенция, непременно размещался французский гарнизон. Разумеется, полная взаимная изоляция! Никаких развлечений. Единственное удовольствие — воскресная прогулка на базар... Кажется, он функционирует и теперь.

Поезд движется по извилистому пути. Временами среди джунглей вдруг открывается долина. Покрытые лесом горы отражаются в стоячей воде рисовых полей. Потом снова прямо за окнами вагона встает густо переплетенная лианами и плющом стена деревьев и кустарника.

В сумерки мы выходим на станции Лаокай. «Газик» уже ожидает нас. Слегка перегнувшись через борт ма-

шины, я слушаю, как в тихую тропическую ночь врывается шумное стрекотание цикад. Над нами беззвездное небо. Накрапывает мелкий дождичек. Мы снова на пороге бескрайних джунглей...

В Чапа, рядом со зданием интерната, находится небольшой кирпичный домик. Наше внимание привлекла табличка, прикрепленная к стене фасада. Под вьетнамским текстом, разъясняющим, что тут размещается «Бень Са Чапа», читаю: «Амбулатория в Чапа. Построена с помощью Польской академии наук в период международного геофизического года. I.X.1957».

На меня вдруг пахнуло родиной: по стенам развешаны вырезанные из бумаги наши национальные украшения из фигурок и цветов, уже выгоревшие от жаркого тропического солнца. Молодой врач по имени Тханг сердечно приветствует нас, коротко рассказывает:

— Пятеро польских врачей побывало в Чапа за время с 1957 по 1960 год. Мы очень благодарны им и товарищам из Польской академии наук, которые снабдили нашу амбулаторию медикаментами, рентгеном и другой современной аппаратурой... Польские врачи вернули здоровье многим больным, а кроме того, обучали нас, знакомили с новыми способами эффективной профилактики заболеваний.

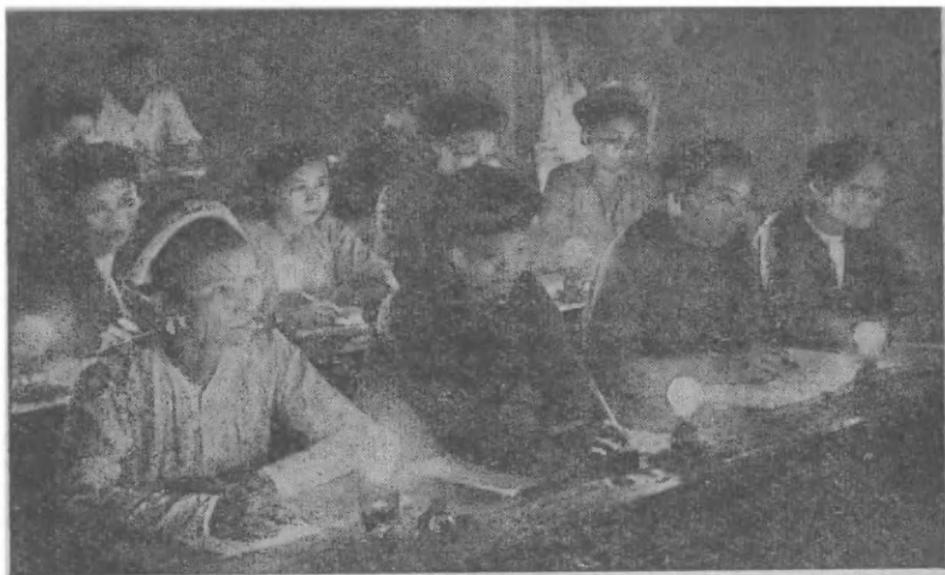
— Тут у вас только амбулатория, а где же ближайшая больница?

— В Лаокае. Как будто бы и недалеко, но вы сами знаете — трудно добираться туда. Часто бывает, что просто невозможно тащить больного в такую даль, да еще через горы. Приходится оперировать на месте. И хотя мы считаемся только амбулаторией, однако выполняем все функции больницы. На недостаток работы не жалуемся!

— Но ведь, казалось бы, в таком климате, более здоровом, чем в Дельте, должно быть меньше заболеваний?!

— Не совсем так. Не надо забывать последствий длительной войны, а равно суеверий, темноты, незнания элементарных правил гигиены... В нашей местности весьма распространены гастрические болезни, малярия, бронхиты и воспаление легких. Повторяю: ваши врачи и ваши медикаменты спасли жизнь сотням местных жителей.

— А сколько больных вы можете разместить здесь? — задаю я вопрос, осматривая маленькие комнатки с легкими койками.

Во Вьетнаме учатся все — старые и молодые

В приемной толпятся больные. Терпеливо ждут очереди. Среди них несколько женщин с детьми на руках.

— Одновременно тут можно положить двадцать человек, — отвечает Тханг. — Кроме того, ежедневно ведем большой амбулаторный прием... Кроме лечения болезней, о которых я вам говорил, нам приходится заниматься и хирургией. В таких горах, как наши, — с большим числом обрывов, пропастей, крутых склонов — чаще происходят разные несчастные случаи и травмы: тяжелые ушибы, раздавленная упавшим деревом грудная клетка или повреждение иных частей тела, ранение от руки неосторожного охотника, рваные раны от медвежьих лап... В наиболее тяжелых случаях отправляем больных в Лаокай, но чаще помогаем на месте.

— Скажите, а местное население верило врачам, особенно нашим, европейским, не чуждалось их?

— Сначала было трудно. Но недоверие быстро развеялось. Достаточно было одному-двум пациентам рассказать о выздоровлении какого-либо тяжелого больного, которому не помогли домашние средства, как больные толпой повалили к нам. Причем издалека — за много километров! И среди них — немало людей из народностей ман, тхо, мео. Выздоровливающие, сами того не ведая, одним своим видом вели активную пропаганду.

Разумеется, это значительно облегчило нам работу. Ну, а победив, хотя бы однажды, укоренившиеся ранее предубеждение и недоверие, мы проложили себе путь для разъяснительной работы по гигиене, к успеху в борьбе с предрассудками и суевериями. В первой экспедиции польских геофизиков, прибывшей в наши края, был хороший врач. Работы у него в экспедиции оказалось мало, поэтому он занимался нашими многочисленными больными, которые зачастую приходили к нему из очень далеких сел. У вас, поляков, трудные фамилии — их очень нелегко запомнить и произнести... Но мы просим от имени пациентов и от себя передать наши горячие приветы вашим соотечественникам врачам, побывавшим здесь!

На развилке дорог в центре городка я вижу еще одну табличку с надписью на польском языке: она указывает путь к месту расположения экспедиции Польской академии наук. Круто поднимающаяся вверх дорога ведет нас на лесистое, сильно нагретое солнцем плато. Минуем руины построек времен колонизации, заросшие сорняками, кустарником и вьющимися растениями. Кое-где розовеют цветы дикого персика. Низкие сосны издают приятный запах хвои. В здании геофизического поста, окруженного кольцом пышнолиственных деревьев, висит подробная карта окрестностей Чапа. Названия на ней написаны по-польски.

Руководитель поста Туйет Нга знакомит меня с молоденькой, робко улыбающейся девушкой по имени Тхоа и с другим сотрудником, Тхе Анем, которому поручено показать нам станцию.

— Сейчас не жарко, может быть, вы осмотрите наше «хозяйство»?

Мы благодарим его. Тхе Ань ведет нас во двор. Геофизическая станция в Чапа построена и оборудована в 1957 году. Это единственный подобного рода форпост, каким располагает социалистический лагерь в тропической зоне. Она находится в самом сердце гор. Там, далеко внизу, в долинах, ползут туманы, поднимаются густые испарения. Но погода сегодня поласковее — нет таких, как вчера, резких переходов от изнуряющего зноя к нестерпимому холоду. Под солнечными лучами сверкает никель и стекло сложных приборов. Молодой вьетнамец объясняет: тут проводятся исследования в области земного магнетизма и метеорологических явлений, а вон там, подальше — электрических разрядов. Под плотной крышей, в герметически закрытом домике чуткие аппа-

раты регистрируют самые ничтожные сейсмические колебания почвы. Перед зданием станции красуются сконструированные моими земляками большие солнечные часы.

Теперь я вижу: несомненно, мои соотечественники оставили по себе добрую память. И я уже не жалею, что приехала в Чапа, хотя и не застала ученых. Они придут вновь в начале этого года.

...Ранним утром мы отправляемся в очередную поездку. По пути я заглядываю в здешний магазин. Прибывшие с гор мео сгрудились у прилавка. Женщины рассматривают ткани, мужчины покупают ножи, порох, гвозди. За городом, среди редких крестьянских построек, в тихой и солнечной долине стоит знакомый запах не то аниса, не то мяты.

— Плантация лекарственных растений! — объясняет Нинь.

Сворачиваем с дороги, чтобы поближе рассмотреть посадки. Под защитой плетенок из рогожи, подвешенных на четырех столбах, как бы дремлют маленькие, невзрачные растения. Я сразу угадываю, что это такое, хотя сначала и не верю собственным глазам. Неужели это действительно женьшень — «панакс гинсенг» — знаменитый «корень жизни»?

— Пока только экспериментируем, пробуем выращивать этот ценнейший корень! — говорит мне заведующий плантацией. — Такие лекарственные растения очень нужны стране: ведь большинство медикаментов нам приходится ввозить из-за границы. Поэтому мы уделяем выращиванию этих растений максимум внимания.

...Дорога бежит вниз острыми зигзагами. По обеим сторонам — поля, засеянные преимущественно кукурузой. На этой высоте она дает хорошие урожаи. По меже лениво бредет серый буйвол, на спине у него сладко дремлет пастушок. В чистом горном воздухе далеко разносится звучная мелодия: кто-то играет на инструменте, но на каком? Это не «кен», не обычная свирель и, пожалуй, даже не флейта.

— Это просто... лист! — заметив мой недоуменный взгляд, говорит Хоан. — Обыкновенный лист. Наши мео большие мастера извлекать из него нужную мелодию. Играть на листьях так же привычно для них, как для тай играть на «кене».

Спускаемся все ниже и ниже. Минуем пустоши. Только изредка попадаются прилепившиеся к склону глубокого оврага одинокие, разбросанные далеко друг от дру-

га крестьянские хижины. Под зарослями сорняка, стремительно мчатся и бурлят, звенят маленькие ручейки. Идем вдоль их берегов. Узкая тропинка приводит нас в сказочно красивую котловину. Замкнутая высокими скалами, с которых свисают зеленые лианы, она наполнена шумом и плеском широкого потока. Перебираемся через него по своеобразному мосту: два узких ствола без каких-либо поручней! С нескольких сторон в котловину сбегаются ручьи, они сливаются вместе и серебристыми струями падают с огромных каменных ступеней. На самом верху пышно цветут дикие персики. Внизу, на дне потока, поблескивают омытые водой белые обломки мрамора. Над обрывом виден небольшой домик, напоминающий избушку на курьих ножках. Внутри его мерно и прозаично гудят машины. На стене видна памятная доска с надписью на двух языках:

«Турбоагрегат, 50 В. Дар польской комиссии по проведению международного геофизического года при Польской академии наук — братскому Комитету геофизического года Вьетнамской Демократической Республики». На блестящей поверхности машины прикреплена табличка *«Энергопредприятие „Зелена Гура“ Польша».*

Далекie долины ярко освещены солнцем. На ближние склоны легла полоса тени. Из горных ущелий поднимается легкий туман. Он сливается с облаками, которые то окутывают высокие пики гор, то сползают вниз, в ущелья. Но вдруг, вспугнутые резким порывом ветра, они бесследно исчезают, и снова мощные очертания гор Фансипан синим пятном вырисовываются на фоне золотистого неба, напоминая огромный валун, расколотый гигантским кайлом... И вновь меня охватывает такое же чувство, как тогда, когда, стоя на освещенной луной дороге, я смотрела на огни «рай», беспокойными отблесками разрывающие мрак вокруг Дьенбьенфу. Мне еще сильнее захотелось задержаться здесь, продлить минуту общения с этим необыкновенным пейзажем, с людьми, с этой далекой и своеобразной страной, которую я никогда не забуду...

По дороге шагают мео, на шее у них слегка позванивают серебряные обручи. Девушки из племени «красных ман» с высоко уложенными на голове тюрбанами кокетничают с нами, стараясь улизнуть от наведенного на них фотоаппарата. Все это иное, непривычное... И, однако, какой близкой кажется мне тут моя отчизна...

— Ты готова? — торопит меня Хоан, допивая очередную чашку чая. — Машина ждет!

Зеленые пологие холмы. За ними внезапно открываются огромные карьеры. Пейзаж непрерывно меняется. Воздух насыщен пылью. Ноги вязнут в буро-желтом глинистом грунте. Мощные экскаваторы грызут и разрывают склон, густо заросший травой и кустарником, обнажая плотные слои земли, которая таит в себе одно из основных богатств Вьетнама — знаменитый высококачественный апатит.

«Апатит Камдуонг» — так называется здешний карьер. Камдуонг — название местности, где сосредоточена подземная кладовая этого ценного минерала. О нем хорошо знали французы и японцы. Его добывали здесь давно, но хищническим, типично колониальным способом, рассчитанным только на быстрое получение большой прибыли. При этом хозяева совершенно не заботились о сохранении жизни и здоровья местных рабочих.

В долине, окруженной кольцом гор, четкими рядами стоят продолговатые одноэтажные жилые дома горняцкого городка. Некогда поселок Камдуонг славился своими великолепными апельсиновыми плантациями. Земля тут обильно родит фрукты, очень приятные на вкус. Но теперь она прославится еще и как источник драгоценных минеральных богатств.

На улицах городка я слышу знакомые звуки русской речи. Оказывается, здесь работают советские и румынские специалисты, которые помогают вьетнамцам расширять и модернизировать современные предприятия по добыче апатита.

В новые жилые дома въезжает все больше и больше людей, прежде ежедневно проделывавших долгий и утомительный путь к месту работы. Здесь построен большой магазин, три начальные школы, больница на семьдесят коек. Местные врачи объявили беспощадную войну малярии. Они приучают население пользоваться противомоскитными сетками, широко используют химические средства для истребления насекомых (в том числе малярийных комаров). И вот страшная болезнь, которая всего несколько лет назад была настоящим бедствием в этом районе, теперь отступает.

При разработках имеется неплохая библиотека с шестью тысячами книг. Есть спортплощадка, на которой

сегодня, в субботний предвечерний час, играют в волейбол молодые парни в ярких цветных блузах.

В Камдуонге уже работают и представители народностей ман, мео, тхо. Правда их еще немного, но своим примером они воздействуют на товарищей, агитируя за переход на работу в промышленность. Они приносят в родные, затерявшиеся в джунглях глухие уголки новые знания.

Я интересуюсь заработками горняков. Мой собеседник, рабочий Нью Онг, получает около 100 донгов в месяц, а его жена — 50 донгов. У них трое детей.

— Но ведь это не так уж много?.. — с некоторым колебанием говорю я. — Сто пятьдесят донгов на семью в пять человек?

Нью Онг, которому перевели эти слова, снисходительно улыбается.

— Да, конечно, заработки пока еще скромные. Но ведь не только деньгами измеряется улучшение условий жизни! Если бы вы знали, как мы жили раньше!.. Теперь мы с женой не ходим за десять километров на работу: она рядом. Дети могут спокойно учиться в школе. Школа тоже близко, да притом еще и бесплатная. В магазинах мы можем купить то, что нам необходимо, а цены там невысокие, государственные... Некогда рабочего заставляли делать все закупки в прифабричных лавках, принадлежавших хозяину, а там все было дороже, хуже, и притом нас обвешивали. Вам наши радости и достижения кажутся обычным делом — вы к этому привыкли, но для нас тут все новое и очень нам дорогое! Мы с женой тоже учимся, вернее доучиваемся.

Апатитовые разработки в Лаокае стали для меня первым — если не считать электростанции в Ханое — этапом знакомства с вьетнамской промышленностью. Мне еще не раз придется мерять достижения молодой республики так, как это делают здешние рабочие: не только количеством заработанных донгов (которых все же еле-еле хватает, чтобы свести концы с концами), но также несомненно резко улучшившимися жилищными условиями, возможностью учиться и многим, многим другим. Но прежде всего — возвращенным чувством человеческого достоинства!

Как-то мне довелось беседовать с одним из моих соотечественников, хорошо знающим Азию. Он теперь занимает ответственный дипломатический пост. Это бывалый человек. После участия в испанских событиях, он в качестве врача оказался в Китае. Здесь, в тяжелых

фронтовых условиях, провел 1939—1945 годы, изъездил Бирму, Индокитай. Многое ему довелось видеть и пережить, поэтому он закалился и не очень-то восприимчив был к разным драмам. «Но одно зрелище я не забуду до самой могилы, — рассказывал он. — Я видел вьетнамских или, как тогда говорили, аннамитских женщин, выполняющих тяжелую работу на погрузке судов в Хайфоне. Они шли гуськом, одна за другой, худые и усталые — кожа и кости, — согнувшись под тяжестью груза, который нелегко было бы нести даже дюжему мужчине! Погрузкой распорядился надзиратель-француз — сильный, холеный, настоящий образец здоровья. Видимо, недовольный слишком медленным, по его мнению, темпом работы женщин-грузчиц, он вдруг начал погонять их. Но как! Его длинная, сделанная из сыромятной кожи плеть начала гулять по спинам слабых, вконец истощенных созданий!.. Тщетно пытались женщины ускорить шаг: они даже не могли защититься от удара или уклониться от него... О! За свою жизнь я достаточно насмотрелся на унижение человека. Но когда я думаю о прежнем Индокитае и о тех издевательствах над людьми, которые творились колонизаторами, перед глазами всегда встают эти изможденные, зверски избиваемые белым надсмотрщиком грузчицы из Хайфона...»

Возвращаясь с разработок в город Лаокай, я вдруг услышала настойчивый перезвон церковных колоколов. Долго звучали их мерные удары, но все же в конце концов и они затихли. Так будут затихать и горькие воспоминания о тяжелом прошлом Вьетнама. О прошлом, в котором трудно было понять, что хуже — нищета или унижение и несправедливость.

Через приоткрытые двери моей комнаты с цементным полом слышно, как встревоженными голосами переключаются кем-то разбуженные птицы. Раннее утро приносит с собой волну теплого воздуха, напоенного свежестью после ночного дождя. В углу комнаты лежит огромный лист папоротника, привезенный мною из Чапа. Он вянет и распространяет терпкий, приятный запах. Жаль, что я не могу засушить его и увезти с собой в Польшу: «листочек» больше меня.

Хоан стучит в тонкую стенку перегородки:

— Спишь?

— Нет. Давно встала. Чай готов!

Разливаю по чашкам горьковатый напиток, традиционно предшествующий завтраку. Из боковых дверей выглядывает Нинь. В лихо сдвинутой набекрень шапочке

он скорее напоминает фантазера-«гавроша», чем бывшего артиллерийского офицера. Видя, что я не проспала, он одобрительно кивает головой.

Хоан собирается показать мне школу, где он учительствовал много лет назад. Проходя по улицам города, он внимательно осматривается вокруг. Время от времени Хоан отмечает перемены, любит новые зданиями:

— Вот тут когда-то был клуб. Разумеется, предназначенный исключительно для чиновников колониальной администрации. Теперь в этом здании разместилась библиотека.

Заходим туда. Пятнадцать тысяч томов. На одной из полок нахожу справочник о нашей стране, изданный на французском языке. Подписи под фотоснимками кто-то перевел на вьетнамский. Книга потрепана — видимо, от частого пользования.

Проходим мимо спортивной площадки: раньше тут был теннисный корт для чиновников-французов. Чистый, окрашенный в светлые тона домик: резиденция местной группы Международной комиссии по наблюдению и контролю за перемирием. И рядом — школа. Опустевшая и тихая в воскресный день.

— На первый взгляд почти все так, как и было! — продолжая оглядываться, говорит Хоан. — Пойдем, я покажу тебе дом, где я жил. Это тут, рядом. Я чувствовал себя в нем страшно одиноким...

— А почему Иен не поехала с тобой?

— Наши дети тогда были очень маленькими. Различие между климатом в Дельте и горным климатом могло плохо отразиться на их здоровье. Поэтому мы предпочли не рисковать. Правда, у нас оставалось время вакансий... По вечерам, если удавалось рано закончить просмотр ученических тетрадей, я брался за перо.

Это здесь, в Лаокае, появились первые короткие рассказы молодого провинциального учителя, имя которого никому еще не было известно. Поначалу он писал их для самого себя, даже не мечтая о публикации. В выборе тем и формы Хоан руководствовался только собственной интуицией. В стране не было ни традиций, ни опыта, которыми обычно пользуется начинающий европейский прозаик. Поэзия — хотя она прочно вошла в жизнь вьетнамцев и не является привилегией профессионалов — Хоана не привлекала. Он упорно писал прозой, сам не предвидя того, что впоследствии станет пионером современной реалистической повести и новеллы во вьетнамской литературе.

Через приоткрытую дверь заглядываем в класс. Скамейки, столы, доска со следами мела...

— Все как и прежде? — спрашиваю я.

— Да, пожалуй. С той лишь разницей, что до войны ее посещало около ста учеников, то есть не больше двух процентов всех детей школьного возраста. Да и то она была лишь начальной школой. Ближайшая же средняя, для «туземцев», находилась в Ханое.

Наши голоса привлекли внимание молодого учителя. Подойдя к нам, он поздоровался, представился и любезно пригласил в канцелярию. Хоан сказал ему, кто я такая, о себе же только коротко заметил, что когда-то тут работал. Я попыталась открыть нашему собеседнику правду о Хоане, но он решительным взглядом остановил меня. А я решила, что для молодого учителя встреча с выдающимся писателем была бы немалым событием... Ох уж эта мне пресловутая вьетнамская скромность!

Услышав знакомое «*Ня ван Ба-лян*»* и «*Варшава*», я перебиваю Хоана и, показывая на него, выпаливаю одним духом:

— *Ня ван Вьет Нам***!

На лице всегда спокойного и мягкого Хоана появляется такое выражение, как будто он всерьез решил накричать на меня. Но... поздно! Учитель явно изумлен и обрадован. Разумеется, ему хорошо известны книги Хоана!

— Ты что, подрядилась делать мне рекламу? — выслушиваю я позже упреки моего товарища. — Ну зачем это? Я еду с тобой не как писатель, а просто как человек и друг, желающий показать свою родину дорогому гостю из Польши...

— А почему эти люди не должны знать, кто ты такой? — не сдаюсь я. — Как для кого, но для меня, будь я рядовой читательницей, было бы очень интересно лично познакомиться с выдающимся писателем... Большинство наших читателей радуются, когда им представляется случай собственными глазами увидеть автора любимейшей книги. Не думаю, чтобы у вас было иначе. Ты заметил, как искренне обрадовался этот молодой учитель?

Кажется, Хоан обезоружен: вскоре он перестает ворчать и ведет меня в глубь двора, чтобы показать тиковое дерево, которое посадил в те дни, когда учительствовал в этой школе.

* Это польская писательница.

** Это вьетнамский писатель.

— Как оно разрослось! — с улыбкой говорит Хоан. — Как высоко шагнуло к небу!.. Впрочем, не удивительно — больше четверти века прошло! Сколько трудов, сколько событий...

— ...сколько книг! — в тон ему добавляю я.

Над зданием распростерло свою широкую крону огромное камфарное дерево. Большие и какие-то косматые бабочки летят на огонь. Ночь входит в дом, раздирая окружающую тишину неумолчной трескотней цикад и кузнечиков, а также прерывистым писком маленьких светлокожих ящериц. Когда они ползают по стене, то бьют по ней хвостами, и звуки эти очень напоминают птичий крик. Из далекого репродуктора плывет заунывная мелодия.

Завтра утром я снова увижу джунгли, но уже только из окна вагона: за станцией Вьетчи начинается широкая равнина Дельты. Мне предстоит знакомиться с промышленными городами, с деревнями, с побережьем, с 17-й параллелью... А все-таки жаль, что кончается «лесной» этап моей экспедиции, начатый поездкой в Дьен-бьенфу.

Долго-долго, до поздней ночи, стою я у входа в дом. Задумчиво смотрю в глубокое темное небо, полное звезд, несколько иначе рассыпанных по нему, чем над моей отчиной. Еще раз вслушиваюсь в звуки, которыми полна тропическая ночь.

По дорогам Дельты

Снова передо мной безбрежная равнина Дельты.. Мысленно я подытоживаю впечатления вчерашнего дня. Ранним утром мы выехали в Тхайнгуен, на металлургический комбинат, который находится примерно в ста километрах от Ханоя. Всего несколько лет назад тут было пустынно и безлюдно. Теперь же вокруг комплекса новых промышленных объектов растут жилые районы и кварталы, все больше прибывает сюда людей.

На этот раз вместе с нами поехала Иен, воспользовавшаяся свободным местом в машине. Она везет разные сладости и лакомства для двух старших детей своей невестки Ле Минь: сейчас ребята живут на комбинате одни. Им приходится питаться в столовой, и лишь в воскресные дни они приезжают в Ханой. Их отец, Чан Диеп, вернется из командировки только к маю. Он руково-

Девушки племени ман рассматривают картинки
в новых журналах

дит одним из предприятий комбината, и это вынуждает его постоянно жить в Тхайнгуене. А Ле Минь, как начинающей писательнице и сотруднице редакции «Ван хок», трудно отказаться от своей работы в Ханое и от контакта с литературными кругами. Поэтому и приходится супругам пока жить «на два дома».

— Неужели нельзя им помочь и устроить все это как-то иначе? — спрашиваю я у Иен.

Когда Хоан переводит ей мои слова, она беспомощно разводит руками.

— Пока изменить что-нибудь трудно. Впрочем, не все тут плохо: ведь комбинат находится недалеко от Ханоя. Дети часто бывают у нас... Ведь и многие другие мужья и жены работают в разных местах и видятся очень редко. Во время войны такая разлука вообще растягивалась на годы! А что уж говорить о нынешней разлуке...

Иен обрывает речь на полуслове, как бы не договаривая чего-то. Хоан переводит мне ее слова и молчит, лицо его помрачнело. Я догадываюсь, что они имеют в виду: Юг. Закрытая наглухо граница, тысячи насильственно разлученных семей. Вот хотя бы Нинь...

Сегодня мы едем на юго-восток, к побережью. Вдоль дороги тянутся рисовые поля. Крестьяне с поистине муравьиным упорством и терпением вручную перекачи-

вают воду с нижних участков на верхние. На фоне безоблачного, отраженного в зеркале вод неба как бы застыли силуэты рыбаков. Измазанные подростки бродят по реке, увязая в густом, болотистом иле. На мелких местах тут хорошо ловится рыба, крабы или креветки, незаменимые во вьетнамской кухне.

Мы остановились в Тханьхоа, чтобы пообедать и немного отдохнуть. Солнце уже в зените и припекает не на шутку. Пора уйти в тень. Не спеша доедаем последние бананы и лениво перекидываемся словами.

Именно здесь, на равнине Дельты, в XIII веке вьетнамцы дали бой огромной и сильной монгольской армии, которой командовал внук Чингисхана. Пятьсот тысяч вышколенных и злобных завоевателей внезапной атакой обычно сметали со своего пути любого противника. Но тут, в Дельте, они встретили отпор! Трижды наглые грабители возобновляли свои атаки — в 1257, 1284 и 1288 годах — и... терпели позорное поражение. Как утверждает старинная летопись, вьетнамский предводитель Чан Хынг Дао одолел страшного врага не только отвагой, но и хитростью. Зная, что Вьетнам изобилует реками, монголы привели с собой большой флот. Но Чан Хынг Дао приказал вбить в дно всех судоходных рек и речек крепкие столбы с железными шипами. Притаившиеся в засаде вьетнамские воины, используя легкие, мелкосидящие суда, ринулись навстречу врагу, провоцируя его начать атаку. Пришельцы, не зная тайного замысла противника, поддались на его уловку. Они не предполагали, что в капризных вьетнамских реках, как и в море, бывают приливы и отливы. Вьетнамцы атаковали врага как раз в конце прилива, поэтому монголы сразу оказались в невыгодном положении — отлив наступил быстро, тяжелые, малоподвижные лодки их наскочили на железные шипы, которые пробивали днища вражеских судов. Вьетнамцы окружили застрявших посреди реки и тонувших монголов. Наголову разгромленные захватчики вынуждены были поспешно отступить...

— На своей земле все благоприятствует человеку, который храбро сражается за родину! — говорит Хоан. — Горы, джунгли, вода...

Легендарному предводителю Чан Хынг Дао воздаются почести во многих буддийских пагодах, а недавно он стал даже примером для воинов армии генерала Во Нгуен Зиана во время их очередной атаки на фортификации, построенные в Дельте.

...Излучина реки Ма огибает могучую скалу, очер-

таниями своими напоминающую гигантских размеров гриб. Эта огромная глыба с плоским верхом буквально нависает над водой, и потому ее название Нонныок — «Гора и Вода».

Нинь показывает мне рукой на остатки укреплений. Достая бинокль: невооруженным глазом трудно сначала разглядеть что-нибудь на серо-белой меловой скале. Потом вижу отвесные стены, с трех сторон омываемые рекой. Сама природа, казалось, создала в этом месте неприступную крепость. Я различаю узенькие каменные ступеньки, остатки бетонных бункеров и защитных куполов. Здесь построена сложная система укреплений и дотов.

В Нонныок в 1951 году от осколка мины погиб молодой лейтенант Делаттр де Тассиньи, сын главнокомандующего французскими экспедиционными войсками в Индокитае. Крепость эта подверглась яростным атакам Народной Армии, была захвачена ею на короткое время, затем снова отбита французами, но после поражения под Дьенбьенфу войска были эвакуированы.

Экспедиционный корпус зорко охранял дорогу номер пять, идущую из Ханоя в Хайфон: она имела большое стратегическое значение. Но колонизаторам не помогли ни минные поля, ни доты из бетона и железа, ни засеки из колючей проволоки! Людям, которые атаквали столь укрепленные фортификации, хорошо были известны неведомые врагу проходы через рисовые поля. Они умели беззвучно пробираться по межам и гребням. Они могли целыми часами стоять в воде, уйдя в нее с головой и дыша лишь через торчащую изо рта бамбуковую трубку...

По реке плывут джонки с рыжеватыми, растянутыми наподобие веера парусами. Паром только что отплыл, приходится ждать. Подъезжает еще несколько машин, устанавливается очередь. Жарко! Пыль на дороге густыми клубами несется вслед за грузовиком. Она оседает в горле. Томит жажда. Но в термосе пусто: мы уже выпили весь кипяток.

— Может быть, попробуешь кокосового молока? — предлагает Хоан, указывая на стоящий неподалеку ларек.

Куча кокосовых орехов, уже очищенных от лохматой коричневой «шерсти», лежит на прилавке. Продавщица, блестя черными зубами, зазывает покупателей. Хоан берет кокос величиной с голову ребенка. Из надсеченной скорлупы в подставленную чашку течет освежающий мутно-белый сок, довольно приятный на вкус.

По соседству с этим ларьком стоит книжный киоск. Пытаюсь расшифровать заголовки книг. Вих-то Ху Го... Ну, это нетрудно: Виктор Гюго. А вот другое знакомое имя: И-ли-я Э-рен-бург, «Кон бао то». «Буря»? — догадываюсь я.

Группа солдат тоже ожидает парома. Мы разглядываем друг друга с взаимным любопытством. Многократно стиранное, выгоревшее обмундирование, длинноватые мешочки с рисом. Под клапаны рюкзаков воткнуты свежие газеты. Спрашивают: «Откуда приехала? Из Ба-лян? О, это очень хорошо!».

Причаливает паром, влекомый буксиром — тархтящим моторным катером. Став в уголке и опираясь на ограждение, я продолжаю беседу с солдатами. Их интересуется все: Движение Сопротивления в Польше во время гитлеровской оккупации, наши партизаны, важнейшие битвы, проведенные лесными отрядами, победное наступление в 1945 году...

На помощь мне приходит Хоан. Он говорит парням, что историю шести лет войны и оккупации Польши трудно изложить за те четверть часа, пока мы переезжаем реку. Лучше взять в библиотеке полка справочник, там есть все о стране Ба-лян.

Один из солдат спрашивает Ниня: знаю ли я русский язык? Получив утвердительный ответ, он, забавно коверкая речь, произносит несколько слов, но вдруг, сконфузившись, умолкает и уже не хочет больше говорить по-русски, сколько мы его ни уговариваем. Однако потом солдат показывает нам свой самоучитель русского языка. Книгу эту он достал совсем недавно, поэтому мало что выучил...

На пароме я вижу несколько женщин, усердно жующих бетель. Около них стоят плетеные корзины с немудреным товаром. Это бродячие мелкие торговки «в разнос». У некоторых на шее висят металлические крестики.

Оказывается, мы приближаемся к границам провинции Намдинь, где особенно сильно распространен католицизм. Часовенки и храмы все чаще и чаще встречаются даже среди рисовых полей. Они резко выделяются на фоне окружающей их местности и буквально режут глаз. В Нормандии или Бретани такой стрельчатый, украшенный башенками храм вполне гармонировал бы с пейзажем. Здесь же он поражает явной чужеродностью.

Странно, но факт: католические храмы тут всегда соседствовали с фортами! Там, где храм возвышался

над равниной, непременно вгрызались в землю бетонные укрепления колонизаторов.

Кое-где на полях видны невысокие холмики могил. По старому, тщательно соблюдаемому до сих пор обычаю покойников хоронят в пахотной земле. Место вечного упокоения выбиралось не случайно, с большим вниманием и заботливостью, нередко по совету опытного гадальщика. А он, основываясь на результатах ворожбы, указывал место, где усопший мог обрести ничем не нарушаемую благодать вечного сна...

*

В Намдине есть любопытный старый район, где много живописных улочек. Большинство жителей Намдиня связано с текстильными предприятиями, существующими в городе издавна. Еще в одном из ханойских магазинов друзья показывали мне ткани местного производства. Но меня интересуют люди, биография которых связана с историей фабрики.

Заместитель директора Нгуен Ван Нгоан представляет мне Чан Тхи Ли — немолодую уже женщину с суровым лицом, в черном тюрбане. Чан Тхи родилась в 1910 году. Ей было всего двенадцать лет, когда она начала работать на фабрике вместе с родителями и старшими братьями. В их семье было пять детей. Жили они за городом, в хижине с дырявой крышей... Пища, в которую клали немного мяса, считалась «праздничной» — такое бывало не чаще двух раз в месяц. Все остальные дни — немного риса и овощей. У других семей и этого не было.

Продукты рабочим продавали в прифабричных лавках. Цены там были скалькулированы таким образом, чтобы как можно эффективнее «освободить» людей от их заработка.

— Когда я была маленькой, работа на фабрике продолжалась с шести часов утра до девяти часов вечера, — с горечью говорит Чан Тхи Ли. — Такой рабочий день был обязателен для всех: и для взрослых, и для детей. Чтобы успеть на смену, многие рабочие, живущие вдали от города, вынуждены были вставать задолго до рассвета. О, как страшно хотелось нам спать! И какими усталыми были мы уже тогда, когда еще только приходилось вставать и идти в Намдинь!.. Сна нам не хватало всегда, так же как и риса. Возвращались мы домой в одиннадцать часов вечера. Дети, повторяю, работали

столько же часов, сколько и взрослые, однако платили им только половину заработка. На каждом шагу подгоняли и били тех, что поменьше и беззащитнее. При всем этом нелегко было получить работу для ребенка! Нужно было дать мастеру денежную взятку или хороший подарок...

Никто из родных Чан Тхи Ли не умел читать и писать. Да и сама она была неграмотна до 1946 года. Помогла ей революция.

Комбинат в Намдине имеет все производственные службы — прядильную фабрику, ткацкие цеха, красильню. Построен он задолго до войны. Основной капитал в сумме 5 миллионов франков, вложенный в это предприятие, быстро превратился в магическое колесо фортуны: 50 миллионов франков прибыли в год! Однако комбинат не модернизировали: рабочая сила стоила так мало, что не было надобности улучшать технологический процесс и совершенствовать производство.

Чан Тхи Ли помнит забастовки, вспыхивавшие на предприятиях Намдиня в 1924—1926 годах. Тогда рабочие требовали увеличения зарплаток и сокращения рабочего дня «только» до двенадцати часов. Да она и сама принимала участие в очень бурной забастовке в 1929 году. Рабочие выступили против мастера-француза по фамилии Ассам, который зверски избил беременную прядильщицу Ва. В тот же день эта работница умерла. Ее товарищи и подруги добились своего: мастера убрали из Намдиня.

Первые забастовки вспыхивали стихийно. Позже в Намдине появились люди, которые незаметно и очень умело направляли борьбу рабочих в нужное русло. Чан Тхи Ли так до сих пор и не знает имени тех первых посланцев Компартии Индокитая, которые вносили порядок и организованность в стихийное движение рабочих. Зато она хорошо помнит, что их называли по цвету одежды: «второй брат, голубой» или «третий брат, черный».

Несколько лучше стало на комбинате к 1937 году. Под влиянием победы Народного фронта во Франции прогрессивное общественное мнение страны обратило внимание на нетерпимые условия труда в индокитайской промышленности. Но в период второй мировой войны Намдинь оккупировали японцы, которые обращались с рабочими так же беспощадно, как и французы. Существенные изменения произошли только после 1945 года, но вскоре разразилась «грязная война» — и вновь вернулись старые порядки...

Рассказ, начатый Чан Тхи Ли, продолжил Нгуен Ван Нгоан. Во время «грязной войны» Намдинь оказался в руках французских колонизаторов. Это было трудное для рабочих время. После заключения Женевских соглашений директор комбината, француз, тайком вывез часть машин, остальные испортил. Эвакуируясь вместе с колониальными войсками, он захватил всю фабричную документацию. Поэтому наладить и пустить в ход производственные цеха комбината удалось лишь к концу 1955 года. Первой начала работать электростанция. Через год пустили другие цеха. В наиболее трудный период восстановления остро сказались нехватка технических кадров и машин. Но тут на помощь намдинцам поспешили советские специалисты. Вывезенные оккупантами машины были заменены новыми.

Мы идем от одного цеха к другому — из ткацкого в прядильный, оттуда — в красильный. Огромные светлые корпуса, ритмичный шум машин. Здесь работает очень много женщин (как, впрочем, повсюду в текстильной промышленности).

— Женщины составляют у нас 60 процентов коллектива, — говорит Нгуен Ван Нгоан. — Однако теперь они работают в несравненно лучших условиях, чем приходилось их матерям и старшим сестрам.

Жилья вблизи комбината пока для всех не хватает. Поэтому дирекция приобрела несколько больших грузовиков и приспособила их для перевозки рабочих, которые живут далеко от комбината. Комбинат имеет собственную поликлинику и больницу на двести коек, а также родильное отделение. Беременных работниц переводят, начиная с шестого месяца, на более легкую работу, а затем представляют два месяца оплачиваемого отпуска. В производственных помещениях оборудована аппаратура по кондиционированию воздуха. При комбинате имеется детский сад, ясли, библиотека, спортивный клуб, создано несколько коллективов художественной самодеятельности. Функционируют также курсы по повышению грамотности. В 1957 году на комбинате полностью покончено с неграмотностью, хотя прежде не умеющих читать и писать было 90 процентов. В период особенно напряженной борьбы за учебу дирекция комбината на целый час раньше освобождала рабочих, занимающихся в школах и на курсах. А чтобы производственный план не снижался — за станки учеников становились их товарищи по цеху. Так отработывал коллектив этот «час просвещения».

— Мы уже начинаем работать на экспорт! — с гордостью продолжает Нгуен Ван Нгоан. — С недавнего времени наша продукция идет в СССР, Индонезию, Камбоджу и другие страны...

В ДРВ пока еще не хватает собственных тканей. Но я понимаю своих вьетнамских друзей, когда во время посещения нами магазинов они указывают на тюки разнообразных тканей и с гордостью в голосе подчеркивают:

— Это наше!

О Хайфоне я, конечно, должна написать очень толково и обстоятельно:

что это — порт с большой пропускной способностью,

что это — крупный промышленный город,

что это — один из основных центров сосредоточения рабочего класса Вьетнама.

что...

Я припоминаю виденный в Ханойском музее рабочего движения оригинал одного весьма интересного документа. То был текст требований, врученный летом 1929 года дирекции текстильного комбината в Хайфоне. Рабочие добивались уменьшения обязательных взносов и налогов, человеческого к себе отношения и уважения их достоинства, а также сокращения рабочего дня с тринадцати до двенадцати часов...

Над городом — лес заводских труб. Белый дым — это цементный завод. Он уже в 1960 году превысил довоенный уровень производства (в 1939 году — 309 тысяч тонн) и дал стране 410 тысяч тонн цемента. Предприятия по ремонту судов, некогда принадлежавшие колониальному Индокитайскому воднотранспортному обществу, были взорваны отступавшими экспедиционными войсками и в 1955 году представляли собой печальные руины, горы мусора. Теперь все они не только восстановлены, не только занимаются текущим и средним ремонтом судов, но и ведут капитальные работы на океанских кораблях. Недавно со стапелей этих предприятий уже стали спускать на воду транспортные речные суда. Некогда частная механическая мастерская «Зюйен Хай» (в 1955 году там было всего десять рабочих) стала теперь большим производственным предприятием.

Хайфон — крупнейший морской порт ДРВ, и лежит он в устье Красной реки. В нем уже тесно становится от множества морских судов, сейнеров, джонок, сампанов, моторных лодок. Днем и ночью работают дноуглубители: русло Красной реки, на том участке, где она впадает в

море, все время заносит. Выходящие на морской лов суда ловко маневрируют при помощи ржаво-красных парусов веерообразной формы. Ищу глазами польский флаг. Сегодня его что-то не видно, хотя я хорошо знаю, что сюда, в Хайфон, польские корабли заходят довольно часто. Кстати сказать, ДРВ поддерживает торговые отношения более чем с тридцатью странами. На рейд Хайфона могут свободно входить морские корабли водоизмещением 10 тысяч тонн.

На следующее утро мы посетили женскую школу с интернатом. Девочки просто не хотели отпускать нас. Большой радостью для них был приезд дяди Хоана; его произведения они читали в учебниках и школьных хрестоматиях по литературе. Нам показали классы и жилые комнаты интерната. На стенах вырезанные из газет и журналов иллюстрации, которые воспитанницы любят прикалывать над своей кроватью.

Девочки широким кругом рассаживаются на площадке перед зданием интерната. Беседуем о Польше, о годах войны, когда многие дети в мире были оторваны от родителей, а некоторые вообще остались сиротами. Хоан очень живо рассказывает о своих поездках по свету.

— А у вас есть дети? — задает кто-то вопрос.

В ответ я вынимаю фотографии двух моих дочурок. Вьетнамские девочки спрашивают, сколько им лет, как их зовут, и пишут им поздравления и приветы. И хотя я не очень-то склонна к сантиментам, однако уезжаю из интерната взволнованная, готовая в любую минуту разреветься: почти все девочки, которых я расспрашивала о родителях, отвечали: «умерли», «погибли», «ничего о них не знаю», «остались на Юге», «никаких сведений нет»...

Еще много километров отделяет нас от 17-й параллели. Но Юг все-таки приближается — не только с каждым днем, с каждым километром, с каждым оборотом колеса машины. Он все время с нами — в беседах и на встречах. Он почти во всех человеческих судьбах.

Золотые солнечные лучи чуть ли не отвесно падают в жемчужные воды залива Халонг. Среди невысоких ласковых волн возвышаются сероватые и белые меловые скалы, покрытые густой зеленью.

— «Халонг» дословно означает «Спускающийся дракон», — объясняет Хоан. — Одна из местных легенд говорит о том, что несколько веков назад, когда к берегам Хонгая стали приближаться суда воинственных пиратов, испуганные жители стали молить Владыку Неба о спа-

сении. Снизойдя к их мольбам, Владыка Неба послал на хонгайский морской берег огромного дракона. В пасти у этого чудовища было множество мелких жемчужин, которые он начал выплевывать в воду перед судами пиратов. Каждая жемчужина мгновенно превращалась в камень. Так возникли скалы, образовавшие лабиринт рифов и каменных ворот, который преградил путь врагу. Впрочем, ты сама увидишь эти скалы: нас ждет приятная прогулка по морю... Вторая легенда гласит, что...

Нинь перебивает Хоана и показывает на невысокие холмы и овраги по левой стороне дороги. Это следы давних горных работ. Хоан откладывает на вечер продолжение легенды и наказывает мне зорко смотреть вокруг. Он заверяет меня, что такого зрелища я не увижу нигде в мире!

Я целиком согласна с ним.

Ландшафт, раскинувшийся по обеим сторонам дороги, резко контрастен. Меня, хорошо знающую, что такое угольный бассейн, шшеломляет окружающая природа. Представьте себе, что советский Донецк вдруг чудом перенесли на берега Черного моря?! А ведь такой именно пейзаж и предстал перед моими глазами: с левой стороны шоссе на давних выработках — густой кустарник, высокие деревья. С правой — лазурная морская гладь. Открытый водный простор, соленый ветер... Где? Всего в нескольких шагах от подъездных путей, покрытых толстым слоем черной угольной пыли. В десятке метров от гор, раскрывших человеку свои угольные недра!..

Хонгай и недалекий отсюда Камфа — это два главных центра угольного бассейна. Я родилась и выросла на территории Домбровского бассейна, поэтому чувствую себя тут как дома. Знакомый горький привкус угольной пыли, оседающий на губах. По узким улочкам неторопливо шагают с работы утомленные люди. Мы обгоняем нескольких *тхо мо*, одетых в рабочие комбинезоны. *Тхо мо* — так по-вьетнамски звучит слово «горняк», «шахтер». *Мо* означает: «шахта».

Дорога зигзагами поднимается в гору. Мотор «газика» надрывно воеет на крутых поворотах.

Внезапно с перевала почти двухсотметровой горы перед нами открывается захватывающее зрелище. Прямо под нами огромный, глубокий как пропасть, карьер черновато-синего цвета. По его склонам передвигаются маленькие фигурки людей. Поверху тянется паутина проводов высоковольтных линий. Внизу, где видны небольшие вагонетки, отчетливо выступают очертания угольных

пластов. Над широкими кузовами грузовиков то и дело склоняются большие ковши экскаваторов.

Да, тут не нужно глубоко рыть, чтобы найти черный клад! Уголь залегают близко, под небольшим слоем грунта — чуть ли не рукой копать. Среди сортов хонгайского угля преобладает ценный, высококачественный антрацит.

Это черное сокровище было открыто задолго до появления колонизаторов. После захвата страны губернатор-француз быстро воспользовался предложением французских промышленников и продал им обширный участок морского берега вместе с угольными залежами. Промышленники хорошо понимали, что именно они покупают за круглую сумму в сто тысяч индокитайских пиастров. Через несколько лет в Хонгае уже развилась бурную деятельность компания «*Société des Charbonnages du Tonkin*». Из окрестных деревень сюда стекаются бедняки-кули, привлеченные заманчивыми обещаниями их *каи* — штейгеров. Тонкинская угольная компания вскоре сосредоточивает в своих руках 75 процентов всей добычи «черного золота» в Индокитае. За период 1913—1928 годов добыча эта возросла в четыре раза. Надо заметить, что с 1900 по 1929 год (когда весь мир потряс экономический кризис) доходы индокитайской горной промышленности возросли в десять раз!

Повышались темпы оборота денег, дивиденды шли в гору. Мне хорошо известна эта механика: так росли некогда богатства капиталистов и в моем родном Домбровском бассейне.

«Гигантская стена угля, стена циклопов или титанов, угрюмо сверкая под палящими лучами солнца, поднимается до самого неба, словно бы выгоревшего от зноя. Ослепленный взор поначалу ничего не различает вокруг. Потом я начинаю замечать, что стена облеплена... людьми! Маленькие одинокие точки, издали похожие на муравьев, длинной шеренгой движутся по блестящим ступенькам из «черного золота». В другом месте, вдоль гладкой стены — то повисая на краю карьера, словно уцепившиеся за конец собственной нити пауки, то извиваясь змеей — тянутся вагонетки. Внизу их ждут эшелоны, а еще дальше, в порту — корабли. Огромная скала, от подножия до вершины — это картина мрачной и сильной жизни. Но это не единственное место в данном районе эксплуатации: другие разбросаны на площади в 200 тысяч гектаров по прибрежным склонам или в глубине джунглей. Все здесь — каменоломни, леса, же-

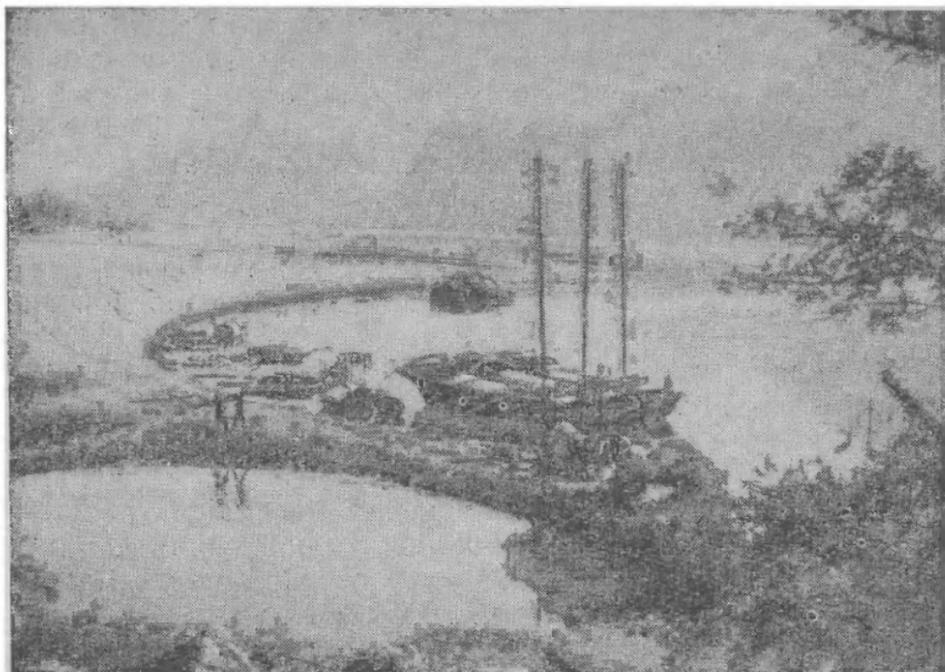
лезнодорожные линии, дороги, села, дома — подвластно хонгайской угольной компании. Это, пожалуй, самый богатый в мире комплекс шахт и карьеров, где «черное золото» добывается под открытым небом. Недавно там работало около 40 тысяч горняков, да и сегодня еще занято 23 тысячи...».

Так писала в своем репортаже Андрэ Виоллис. Но это было не первое выступление деятелей прогрессивной французской литературы в защиту угнетенных шахтеров. Еще раньше в книге «La route mandarine» Ролан Доржел бросил тяжелое обвинение непосредственно в адрес промышленников, хозяйничавших в бассейне Хонгай. Бесчеловечное их отношение к шахтерам клеймил и американский журналист Х. А. Фрэнк, в резких словах обличая несправедливость и грабеж, а также каторжные условия труда женщин и детей в угольной промышленности.

Добыча «черного золота» обходилась Хонгайской компании дешево, а капитальных затрат почти не было. Угольные пласты, протянувшиеся на 150 километров в длину и на 50 в ширину, зачастую выходили прямо на поверхность земли. В довоенные годы вьетнамский горняк зарабатывал... 0,19 пиастра в день! Это была нищенская оплата, «голодная ставка». Но даже для местного, «туземного» мастера, выслуживающегося перед французскими хозяевами, самым большим «поощрением» была высшая ставка в... 1,14 пиастра в день! И это в то время, когда за аналогичную работу, мастер-француз получал 70 пиастров в день!

«Рабочий день, — писала Андрэ Виоллис, — теоретически продолжается десять часов. На практике жештейгеры обязаны доставлять каждый день определенное количество угля, поэтому шахтеры работают столько времени, сколько требуется для выполнения задания: нередко по 12—14 часов в сутки».

— Я начал тут работать еще подростком, в 1929 году, — вспоминает технический директор шахты в Камфа, Нгок Куэт Дао. — А в некоторых семьях на работу по сортировке угля посылали даже семилетних детей... Жил я тогда в ближнем поселке Донгчиеу, где отец мой занимался лечением некоторых болезней. Нет, что вы, он не был врачом! Так, просто кое-что знал из восточной медицины. По-вашему это, кажется, называется «знахарь»? Зарабатывал он немного, а в доме было двенадцать ребятишек. Вот мне и пришлось рано идти на работы. Сперва таскал фонарь, которым освещал путь-

В полуденный зной на берегах Черной реки почти не видно людей...

мастеру-французу, затем был на самых трудных подсобных работах. Тогда мне платили 25—30 су в день...

— Много это?

— Жалкие гроши! — подсказывает Хоан.

— Но чтобы получить даже такую низкооплачиваемую работу, необходимо было сунуть взятку штейгеру, — дополняет его Нгок Куэт Дао. — Без взятки не обходилось и тогда, когда рабочий искал лучших заработков.

Значительная отдаленность шахты от места жительства многих горняков непомерно увеличивала и без того длинный рабочий день. К тому же колониальные надсмотрщики, всячески поощряли курение опиума и употребление алкоголя.

Не удивительно, что в таких условиях, как писал упомянутый выше американский журналист Х. А. Фрэнк, «64 тысячи акций, оцениваемых несколько лет назад в 16 миллионов франков, стоят теперь более полумиллиарда. Чистая прибыль компании за последний год до моего приезда (т. е. в 1924 году) превысила весь основной капитал, не считая 20 миллионов пиастров резерва!»

Там, где царили несправедливость и угнетение, непременно должен был вспыхнуть бунт. В тридцатых го-

дах хонгайский угольный бассейн потрясли забастовки шахтеров. Мировой экономический кризис 1929 года резко усилил нужду хонгайских рабочих. К тому же сократилась добыча угля, возросла безработица. В 1929 году было выдано на-гора 1972 тысячи тонн угля, а в 1933 году — только 1592 тысячи тонн. В 1935 году число стачек возросло. Борьба индокитайских горняков становится участью общей борьбы французских левых. Длительная и бурная забастовка 1935 года закончилась победой рабочих.

Я спрашиваю Нгок Куэт Дао о наиболее жгучих и неотложных проблемах нынешнего быта горняков. С августа 1945 года до сентября 1946 года Хонгайский бассейн находился в руках народной власти. Во время «грязной войны» он опять был захвачен французскими колонизаторами, которые окончательно ушли отсюда лишь осенью 1954 года, захватив с собой много машин и техническую документацию. Однако рабочим удалось предотвратить консервацию открытого угольного разреза. Драгоценный антрацит снова пошел на-гора.

Капризы периода дождей сильно мешают работе не только в открытых карьерах, но и в подземных шахтах: штреки проложены неглубоко, вода легко просачивается сквозь пористую горную породу и стекает вниз. Люди стойко переносят все трудности, лишь бы был уголь. Как правило, шахтеры теперь зарабатывают больше рабочих других профессий. Но не это главное в наступивших переменах. В Хонгае звучат такие же слова, что и на апатитовых разработках в Лаокае: «Рабочие наконец-то начинают жить по-человечески...».

— У нас для горняков создан специальный дом отдыха! — сообщает Дао. — Мы сэкономили из основных фондов средства на постройку бани, библиотеки и прежде всего детских яслей, поскольку у нас работает свыше 700 женщин. Мы оказываем помощь тем шахтерам, которые хотят самостоятельно строить себе домик. В этом году мы хотим закупить тридцать, а если удастся, то и сорок потолочных вентиляторов — в первую очередь для яслей и столовой... По газетам и снимкам мы знакомы с европейскими шахтами, — добавляет он. — Конечно, их трудно сравнить с нашими, но вы должны понять, что...

Я возмущилась. Что я — приехала сюда ради того, чтобы сравнивать их шахты с нашими? Моя задача не в этом — я ищу общие с нашими черты настоящего и записываю факты прошлого, тождественные европейским, изучаю перспективы и надежды вьетнамского народа.

В углу комнаты партийного комитета стоит черная классная доска. С нее еще не стерты написанные мелом химические формулы: вчера вечером тут занимались слушатели курсов по повышению квалификации. Учится большая часть коллектива начиная с рядового шахтера и кончая техническим составом. Шахты и карьеры хонгайского угольного бассейна весьма многочисленны и разбросаны на огромном пространстве, техников и мастеров — не говоря уже об инженерах — все время не хватает. Люди учатся на вечерних курсах и в местном техникуме, а также в Ханойском институте и в далеких социалистических странах.

Я прошу директора Дао рассказать свою биографию. В 1935—1937 годах он участвовал в забастовочной борьбе, был арестован, но сумел бежать из тюрьмы. Вернуться домой ему уже было нельзя. Поэтому Дао начал работать на другой, дальней шахте, где его не знали. Разумеется, чтобы получить работу, пришлось дать солидную взятку. Однако скоро его избил инженер-француз Кристиани. Непокорный Дао не остался в долгу. Короче говоря — пришлось уходить и отсюда. Добравшись до Лаокая, беглец попал сначала в Китай, оттуда в Таиланд и, наконец, в Камбоджу. После японского нашествия Дао вступил во вьетнамскую армию. Во время «грязной войны» был бойцом санитарной службы. Когда война закончилась, он вернулся на прежнюю работу. Сейчас Дао учится и каждый вечер допоздна засиживается над книгами.

Мы спускаемся под землю. В хонгайских шахтах нет ни вытяжных стволов, ни шахтоподъемников: уголь залегает неглубоко. Я спрашиваю: предусматривается ли проходка вертикальных стволов? «Да, — отвечают мне, — но это будет осуществляться постепенно».

Громко шипит сжатый воздух. В штреках душно, словно в римской бане... Обнаженные до пояса горняки вгрызаются в черную угольную целину.

*

Ослепительная голубизна моря сливается с лазурью неба. Бесчисленные скалы, разбросанные по всему заливу Халонг, похожи на форты и бастионы. Некоторые из них напоминают неестественно огромные силуэты людей или зверей.

— Посмотри! — показывает мне Нинь. — Не правда ли — черепаха, вынырнувшая из воды? А вон дракон:

он притаился и выжидает добычу, чтобы внезапно напасть на нее... Там, дальше, — слон! А это — гигантская курица, сидящая на яйцах... Или вот — горная птица!

Мы сидим на носу катера, легко и быстро скользящего по спокойной воде. Очень хочется есть! По моей вине мы дольше, чем было запланировано, бродили по шахтам, и у нас не хватило времени на обед — спешили совершить прогулку по заливу. Но заботливый и предусмотрительный Нинь все же сумел «организовать» так называемый сухой паек. Это просто счастье! Ведь на море всегда развивается аппетит... Мы быстро и без особых церемоний поглощаем рис, креветки, вареную курицу, бананы. Солнце припекает, жара становится мучительной...

— Ты обещал рассказать... — я выжидательно гляжу на Хоана. Нет, от второй легенды я не откажусь, пусть не ждет!

— О чем?.. О происхождении скал в заливе Халонг? Да, обещал, помню. Но что ты предпочитаешь: легенду или правду?

— И то, и другое!

— Вот как! Ну, что с тобой поделаешь? Пусть будет так!.. Старые люди говорят, что много лет назад жила в этих местах прекрасная девушка. В нее влюбился морской дух, умевший превращаться в человека. И становился он тогда таким красавцем, что кружил головы всем окрестным девушкам, они не догадывались о его происхождении. Но вот завистницы, прознав о том, что молодец выбрал самую прекрасную из них, обманом завлекли ее в глухое место на берегу и там столкнули в море. Морской дух долго искал свою избранницу, забрасывая сеть в самую глубь моря, пока наконец не вытащил ее мертвое тело. Он не поверил своим глазам, когда увидел покойницу, и в отчаянии решил разделить ее судьбу. Прыгнув в сеть, где лежала его любимая, он вместе с ней погрузился в море... Но злые подружки не пожелали расстаться с ним! Избавившись от соперницы, они теперь хотели во что бы то ни стало удержать красивого юношу на земле. Пытаясь помешать ему, они вцепились в сеть и стали тащить ее назад. Тогда разъяренный морской дух рванул сеть на себя. А был он наделен нечеловеческой силой! Коварные девушки попадали в волны залива и навечно остались в нем неподвижными скалами...

Катер покачивает, трудно записывать. Усевшись поудобнее, я прошу Хоана поведать мне историю одного

местного литератора. К моему огорчению, нам не удалось встретиться с этим хонгайским писателем-горняком. Он родился на территории угольного бассейна, живет там и пишет только о нем.

— Его зовут Во Ху Там. Ему сейчас тридцать с чем-то лет... — начинает свой рассказ Хоан. — Он был совсем неграмотным. Только после августовской революции 1945 года Там научился читать и писать. С детства Там работал на шахтах Хонгая. Но даже будучи неграмотным, он создавал стихи. Люди охотно слушали их, так как это были стихи о них самих, об их горькой доле и тяжком труде...

Слушая Хоана, я перестаю удивляться тому любопытному явлению, каким стало творчество поэтов-любителей, поэтов-импровизаторов, нараспев декламирующих строфы собственных стихов. Как единодушно уверяю меня вьетнамские товарищи, нельзя такие выступления назвать «любительщиной» в негативном значении этого слова — стихи эти обладают всеми поэтическими достоинствами.

Едва Во Ху Таму исполнилось восемь лет, он уже начал работать на шахте. Пришлось мальчонке носить тяжелые корзины с углем от лавы до вагонеток. Частенько под этой тяжестью он даже не мог приподняться на цыпочки: чтобы достать до края вагонетки и высыпать в нее уголь, ему приходилось забираться на камень. Да, работал малыш чуть ли не наравне со взрослыми. Вообще детям здесь было труднее — они больше, чем другие рабочие, зависели от милости или немилости надсмотрщиков и мастеров, а получали всего 6—8 су в день. На десятом году жизни Там воочию увидел и навсегда запомнил большую забастовку горняков.

Прошло несколько лет, и вот уже отдыхающие после тяжелой работы шахтеры внимательно слушают юношу, декламирующего свои стихи. Они не могли тогда попасть на страницы какой-либо вьетнамской газеты: от них в ужасе шарахнулся бы любой редактор и издатель. Просто удивительно, что вездесущая колониальная полиция не заинтересовалась замурыженным, грязным подростком, который громко и смело декламировал:

В нашей земле угля куда больше,
чем травы на лугах.
В нашей земле угля куда больше,
чем деревьев в лесу.
Кто, если не мы,
добываем его из земли своими руками?

Это мы все, старые и молодые,
гнем наши спины похорно, словно мы буйволов стадо.
Уголь мы добываем, а богатеют на нем пришельцы,
черпаем золото, которое увозят на чужих кораблях...

Во Ху Там продолжал жить и работать в Хонгае. Здесь его застал приход французских колонизаторов. Поэт-горняк стал участником Сопrotивления. Опасаясь ареста, он долгое время скрывался в гротах и ущельях вблизи залива Халонг. Позже Во Ху Там переходит от стихов к прозе. Пишет репортажи, рассказы, повести. К наиболее известным его произведениям относятся: «Угольный бассейн», «Горняки из Хонгая» и «Искры в пепле».

Нашу беседу о разных путях, ведущих людей к литературному творчеству, вдруг прерывает возглас Ниня. Привстав, я слежу за его взглядом и вижу невысокий обелиск, стоящий на маленьком пляже, протянувшемся вдоль берега небольшого острова, мимо которого мы сейчас проходим.

— Этот обелиск поставлен в честь недавнего визита Германа Титова, который приезжал сюда вместе с президентом Хо Ши Мином! — торжественно произносит Нинь.

Скалы, острова, лазурь неба и моря, пещеры и гроты в серых, выгоревших склонах. В кронах деревьев, цепляясь за лианы и ветви, носятся быстрые обезьяны. Невольно напрашиваются сравнения с наиболее красивыми европейскими пейзажами... «Капри? Крым? Норвежские фиорды?» — вслух думаю я.

— В тех местах мне быть не пришлось, — говорит Хоан. — Но даже не видя их, я думаю, что наш залив Халонг гораздо красивее!

Осматриваюсь вокруг еще раз. Пожалуй, он прав! Действительно, где еще можно встретить такое скопление фантастических чудищ? А лабиринт голубых морских проливчиков, по которым нас мчит быстрый катер? Где еще найду я подобную сокровищницу старинных легенд о драконах, жемчужинах и завистливых влюбленных девушках? В каком еще месте небо в таких тонах, как здесь, — теплых, янтарных. А море спокойно, оно словно замерло перед заходом солнца...

«Золотой лотос» на бунтарской земле

Низенький домик в селе Кимлиен — «Золотой лотос» — весьма скромн и невзрачен. Его легко можно было бы не заметить и пройти мимо, но именно ради него мы приехали сюда. Домик восстановлен уже после войны. Я верю этому восстановлению — ничего разящего взор, ничего искусственного. Именно таким — скромным и темноватым — был он внутри в те времена, когда под этой ветхой кровлей жила семья, в которой родился и жил человек по имени Нгуен Ай Куок.

Обычная крестьянская утварь, какую и сейчас можно встретить во многих деревенских домах. На стене — большая фотография отца нынешнего президента Хо Ши Мина. Он был чиновником, получил неплохое образование и мог устроить себе безбедную жизнь в качестве служащего французской колониальной администрации. Однако такая карьера была ему не по душе; он предпочел уехать в деревню и вести там нищенскую жизнь, чем служить колонизаторам.

Самый младший из трех его детей — Нгуен Ай Куок — родился неподалеку отсюда в таком же простом и скромном домике. Отец не запрещал юному сыну искать правду и собственную дорогу в чуждом и враждебном капиталистическом мире. Путь и правда, которые будущий президент Хо Ши Мин нашел в «годы скитаний и учебы» — у себя на родине, во Франции, Италии и Советском Союзе, — оказались верными и безошибочными. Это был путь трудной и опасной революционной борьбы.

«Надо отправляться в дорогу, чтобы узнать трудности пути», — писал он в одном из стихотворений. «Несчастья стали для меня кузницей, где закаляется и выковывается сила», — заявил Хо Ши Мин в своей известной поэме. И каждым днем, каждым месяцем своей жизни он показывал пример самоотверженности, беззаветности и патриотизма.

В Кимлиене и соседних деревнях жизнь, казалось бы, текла более медленно и спокойно, нежели в городах. Но достаточно поговорить со старожилami и хозяевами этой потрескавшейся от зноя земли, чтобы стало ясно: не было тут спокойствия и тишины. Люди часто оплачивали

кровью право на человеческую жизнь: мы находимся в «красной» провинции Нгеан. Здесь в тридцатых годах возникла знаменитая «Совет Нге Тинь» — «Советская зона Нге-Тинь». Край этот в тот период потрясли бурные крестьянские волнения.

Снова я заглядываю в книгу Андрэ Виоллис. Читаю ее записи, датированные осенью 1932 года. Они сделаны вблизи города Винь, где нам предстоит остановиться завтра.

«Мой спутник — колониальный чиновник показывает мне несколько огромных могил, высящихся на берегу реки.

— Они возникли 19 сентября прошлого года, — небрежно говорит он. — В то утро тысячи людей сомкнутыми колоннами двигались к Виню...

— Они были вооружены?

— Понятия не имею... Говорят, будто бы они направлялись к резиденции французского комиссара, чтобы вручить ему жалобу на чрезмерные, по их мнению, налоги. Но вы же знаете — как раз с этого и начинаются бунты!.. Им было приказано остановиться, но они не послушались и прорвали полицейское оцепление. Пришлось выслать против них самолеты с бомбами. Сто или сто двадцать из них погибли (в действительности было убито сто пятьдесят семь человек). Остальные разбежались... Как на беду, случилось так, что жители других сел, оставшиеся лояльными, пришли сюда похоронить павших. Комиссар решил, что это новая демонстрация, и еще раз направил самолеты обстрелять крестьян. В результате убито еще пятьдесят человек... Фатальная ошибка, которая повлекла за собой очень неприятные последствия!..

...Наш автомобиль останавливается у перекрестка возле большого сарая. То, что я здесь увидела, мне никогда не забыть! На огромной площади, огороженной деревянным барьером, было собрано более трех тысяч человек, одетых в грязные лохмотья. Они стояли так плотно друг к другу, что казались единой колышущейся массой. В каждой паре узловатых, тощих и натруженных рук — ивовые корзинки. Эти существа — образ нищеты и отчаяния: исхудавшие или опухшие от голода лица, беззубые рты, погасшие взоры, гниющие раны. Неведомо даже — мужчины это или женщины, молодые они или старые? У этих людей нет ни возраста, ни пола. Просто одна чудовищная нищета, тысячами уст издающая ужасающий, нечеловеческий вопль... И эту едва живую

от голода толпу сторожат сытые, плотные, раскормленные полицейские, не жалеющие палок...».

Да, как сказали мне вьетнамские друзья, в этой перенаселенной местности нужда приводила тогда крестьян в отчаяние и вызывала бунт. Андрэ Виоллис так излагает свои наблюдения и рассказы очевидцев:

«Однажды властям донесли, что колонна невооруженных манифестантов движется по берегу реки в сторону города. Было шесть часов утра. Навстречу колонне отправили машину, посадив в нее солдат со станковыми пулеметами. Каратели устроили засаду за поворотом, на скрещении дорог. Когда тысячи демонстрантов оказались на этом перекрестке, солдаты открыли шквальный огонь. Раздались душераздирающие крики беззащитных людей, стоны умирающих, вопли перепуганных женщин... Результат — около тридцати убитых, сотни раненых. Вскоре после этой бойни некий чиновник из того же округа донес, что на следующую ночь должна состояться новая демонстрация. „На этот раз не стреляйте, — предупредил он, — это не целесообразно“. Но французский резидент ответил: „Не тратьте слов! Все это коммунисты, и мы уничтожим их до последнего!“ В результате новые волнения, новые жертвы. Было это в декабре 1931 года. В те же дни в Тунжя, поблизости от Куангне, стало известно о готовящемся в ближайшую ночь собрании в лесу, на поляне. Туда направили станковый пулемет с пятью солдатами. В полночь на поляне собралось почти восемьсот крестьян. Было полнолуние. Выступило несколько ораторов. Присев на корточки, люди внимательно слушали их, аплодируя каждому выступлению. Вдруг загремели выстрелы. Пулеметчики выпустили две ленты. Стреляли в упор — с расстояния 15 метров. Сто тридцать человек было убито, всех раненых каратели увезли. Тех из них, кто выздоровел, отправили в тюрьму, которая в данных условиях была равносильна смертной казни».

Мы беседуем с Фам Динь Донгом, участником крестьянских восстаний тридцатых годов. С исключительной точностью, с детализацией каждого факта, с явной заботой о том, чтобы не пропустить какой-нибудь подробности, он описывает события, представляющие собой одну из трагических страниц истории «красной провинции»:

— Голод в тридцатые годы был страшный... Нищета... Казалось, ничего худшего на свете быть не может. Районы эти относятся к наиболее высоким по плотности населения во всем прежнем Аннаме. Здесь часто бывали

катастрофические паводки и разливы, но не реже случалась и страшная засуха. Можно было бы подумать, что сама земля восстала против человека, что она не желает кормить его... Да и теперь еще нам нелегко! Но голода нет давно, риса хватает для всех... А тогда, в 1930 году, нужда прижала нас к стене, довела до крайностей. Крестьяне из окрестностей Виня выступили против одного из самых богатых местных помещиков — Ки Виена. Пригрозив ему сжечь дом и усадьбу, крестьяне захватили его рисовые поля. Ки Виен немедленно обратился за помощью к французам. Они тут же прислали солдат... Восемнадцать человек пало на месте от рук колонизаторов. В селах забурлило. Начались стихийные демонстрации. На стороне крестьян выступили рабочие немногочисленных предприятий, расположенных неподалеку от Виня и в самом городе, в частности коллектив спичечной фабрики... Я помню большой марш-манifestацию в деревне Тханьдан. Газеты писали тогда, что в нем участвовало три тысячи человек, в действительности же людей было значительно больше. К демонстрантам присоединились жители многих окрестных сел. Появились листовки, призывающие к участию в борьбе. Мы выломали ворота местной тюрьмы, и заключенные там наши товарищи оказались на свободе. Молодой чиновник Ле Кхак Туонг, управлявший деревней Тханьдан, напуганный грозными событиями, удрал и спрятался в укромном местечке, чтобы переждать бурю. Однако крестьяне нашли его и силой привели в канцелярию, где и заставили принять петицию, содержащую их требования...

Простой обелиск, перед которым нас просят остановиться, воздвигнут в память жертв варварской бомбардировки села французскими самолетами. Здесь погибло более ста человек и свыше трехсот ранено. События того времени, происходившие во «взбунтовавшейся провинции», как бы перекликаются с современностью: в течение долгих восьми лет «грязной войны» новое поколение, сороковых и пятидесятых годов, каждым днем своей борьбы утверждало, что оно тоже предпочитает умереть стоя, с гордо поднятой головой, чем жить на коленях.

В перенаселенных и бедных деревнях бывшего Тонкина и Аннама сильнее всего терзал вьетнамских крестьян земельный голод. В течение столетий не знал крестьянин, что такое есть досыта. Колонизаторы понимали, что провозглашенная коммунистами земельная реформа — оружие более грозное, нежели атомная бомба

И они не ошиблись. Солдат, вышедший из народа и поддержанный народом, знал, за что он сражается. То была борьба за независимость и рис насущный! За рис, чтобы было чем жить. За независимость, чтобы было ради чего жить.

*

Заглядываем в деревню Донгжяо. Погода не очень приятная: моросит дробный дождик, все вокруг заволочено туманом, на листьях кофейных кустов блестят капельки дождя. Куда ни кинь взгляд — всюду плантации. Государственное хозяйство Донгжяо, как и большинство иных хозяйств, основано на землях, некогда принадлежавших колониальным плантаторам, и сейчас занимает площадь 11 тысяч гектаров.

Заместитель директора Данг Нгок Танг объясняет мне, что их хозяйство специализируется на выращивании кофе: половина всей пахотной земли отводится под плантации этой культуры. Остальная площадь используется под зерновые, овощные и технические культуры, с преобладанием последних (впрочем, это характерная черта всех вьетнамских государственных хозяйств). Из промышленных растений здесь прежде всего выращиваются табак, сезам и арахисовый орех. Из других культур — рис, кукуруза, маниока, батат. Площадь возделываемой земли каждый год неизменно увеличивается на 300—500 гектаров.

— Может быть, наши дела покажутся вам и незначительными, — настороженно говорит Данг, хотя я не высказываю ни слова сомнения, — но следует помнить, что у нас очень трудные условия: большая часть земельных участков находится в гористой местности, а отдельные фермы — на большом расстоянии друг от друга. Самая дальняя — в 20 километрах от основной усадьбы и конторы хозяйства.

— А сколько людей работает на фермах?

— В среднем от тридцати до ста человек. Большинство принятых нами рабочих не умели читать и писать. Теперь у нас нет ни одного неграмотного. Даже на самых отдаленных фермах! Многие рабочие уже сумели одолеть программу IV класса начальной школы, а некоторые учатся. Мы открыли двухмесячные общеобразовательные курсы повышенного типа. В этом нам немало помогают советские специалисты, которые строят фабрику.

— Какую фабрику?

— По производству тапиоки*. Она скоро вступит в строй. Полагаем, что вначале фабрика будет давать около 15 тонн тапиоки ежедневно.

Такие небольшие предприятия разбросаны по всей территории ДРВ. Они предотвращают безработицу, а вместе с тем облегчают — в трудных условиях бездорожья — снабжение сел готовой продукцией.

— Кроме того, у нас имеется маслозавод. На нем делаем также мыло, которое скоро пойдет на экспорт! Строится кофейная фабрика. Поставку ее оборудования и монтаж взяли на себя товарищи из ГДР.

Интересуемся жильем. Рабочие живут во временных постройках. Зарплаты пока невысокие. Но на всех фермах есть амбулаторные пункты, построено несколько собственных школ. А все это очень важно для рабочих, поскольку у большинства из них есть дети. В больнице работает на общественных началах советский врач, прибывший с группой специалистов монтажников механизмов фабрики тапиоки. Каждая ферма располагает небольшой библиотекой, два раза в месяц туда приезжает кинопередвижка.

Разумеется, нам предлагают отведать местную продукцию. Я уже пробовала вьетнамский кофе в Ханое и еще раз утверждаю, что он крепок и содержит много кофеина, однако вкус у него специфический, совсем иной, нежели тот, к которому мы привыкли в Европе. Он весьма эффективно отгоняет сон. Впрочем, такое же действие оказывает тут и зеленый чай, который мы пьем по несколько раз в день. На первый взгляд слабый и бледный, он содержит в себе большое количество теина: это я проверяла не раз. Если хочешь поработать вечером подольше, то достаточно выпить две чашки чуть покрепче заваренного зеленого чая — усталость и сон как рукой снимет!

— Может быть, вы хотите побеседовать с французским товарищем, который у нас живет и работает? — вдруг спрашивает Данг.

В первый момент я не знаю, что ответить, потом, разумеется, соглашаюсь. Но как попал сюда француз? Выясняется, что вместе со многими другими европейцами, он сбежал из экспедиционного корпуса. Спрашиваю: его фамилия? Мой собеседник улыбается:

— Теперь ее уже трудно вспомнить... Впрочем, он сам вам скажет. Мы же называем его — Ле До.

* Крупа, вырабатываемая из крахмала маниоки

Маленький пастух сказал: «Не бойся, мой буйвол очень смирный, он тебя не тронет!»

«Ле До» на самом деле зовут Роже Оддос. Он высок ростом, слегка сутул, неразговорчив. Работает шофером. Жилистые, натруженные шоферские руки его покрыты пестрой татуировкой. Ему уже за сорок, в Индокитай прибыл несколько лет назад. Родился неподалеку от Лиона, а жил в Гренобле. Перейдя линию фронта, Оддос так и остался среди вьетнамцев. Трижды болел малярией. Вот и теперь только что покинул больницу после очередного приступа.

— Год назад я как раз была в Лионе и Гренобле...— вскользь бросаю я.

Странный огонек блеснул в мрачных глазах француза — может быть, мои слова воскресили в его памяти знакомый вид города у подножия Альп, на живописном Изере?..

— В Гренобле у меня остались жена и дочь... — почти шепотом говорит Оддос. — Жена происходит из семьи польских эмигрантов, давно уже осевших во Франции. А дочери, Одетте, сейчас около двадцати лет... Может быть, она уже вышла замуж? Ничего о них не знаю. Я посылал им письма, но они остались без ответа... Сейчас у меня новая семья, — добавляет он после короткой паузы. — Моя жена — вьетнамка, дочурка свободно говорит и по-вьетнамски, и по-французски. Имя мы ей дали французское: Жакелин... Поверьте, я хотел все уладить по-хорошему с моей семьей во Франции, — подавляя тоскливый вздох, говорит Оддос, — хотел все объяснить им... Но что поделаешь? Или письма не доходили, или моя первая жена и слышать обо мне не желает... Некоторые мои коллеги-французы, которые тоже перешли на сторону вьетнамцев, сразу репатриировались после войны. Я договорился с ними, что они побывают в Гренобле, у моих, и ждал писем. Однако никакой вести не получил... Несколько человек, как и я, остались в ДРВ, но они живут далеко, в Ханое. Здесь я один.

Мне ничего не хочется комментировать. Я только записываю все эти осложнения одной из многих судеб человеческих, запутавшейся в сети войны...

Следующая наша остановка уже в Донгхое, небольшом рыбацьем городке.

Черные скалы, огромные камни, поросшие раковинами. Толстые клубки водорослей, выброшенных на берег во время прилива, широкая полоса сизых песков. Тут и там разбросаны низенькие домики. Рыбак, сидя на берегу, в деревянной будочке, ногами приводит в движение лебедку, помогающую опускать в море огромный квадрат сети. У пристани качаются на легкой волне лодки, только что вернувшиеся с лова. Вокруг хижин суетятся женщины. На прибрежном песке играют милые и бойкие детишки. Один карапуз подходит ко мне и с серьезным видом вручает раковину. Второй, постарше, при виде фотоаппарата громко подзадоривает меня:

— Старшая сестра — чик! Сделай снимок!

Бродя перед ужином по улицам Донгхоя, я вдруг обнаруживаю в бывшей пагоде — читальню! Просматриваю книги. Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке» на вьетнамском языке. Рядом — произведения Марка Твена.

— Ну, а это специально для тебя! Ты ведь интересуешься Бальзаком, так? — говорит Хоан, доставая с полки «Евгению Гранде».

Вечер тих и спокоен. Невидимое отсюда море напоминает о себе широким дыханием ветра. После долгой беседы о поляках (меня навестили два земляка, работающие в местной группе Международной комиссии по наблюдению и контролю, стосковавшиеся по беседе с кем-либо, недавно приехавшим из родных краев) я крепко засыпаю, не обращая внимания на спящих по стенам маленьких ящериц.

...Неожиданно я очнулась. Что меня разбудило? Ага, слышу нарастающий шум голосов! На веранду выбегают Хоан и Нинь. Теперь все ясно, незачем спрашивать, откуда доносится шум. Достаточно посмотреть на огромную толпу, шагающую по улицам Донгхоя.

Идут работницы и рабочие, учащиеся и солдаты. Они направляются к резиденции группы Международной комиссии, протестуя против зверств американцев и Дьема. Высоко подняты руки, сжаты кулаки. Время от времени демонстранты выкрикивают лозунг: «Американцы — вон из Вьетнама! Север и Юг — наш общий дом!»

С Юга поступают сообщения штаба Национального Фронта Освобождения. Это продолжение борьбы, что много лет назад шла в «красной провинции» Нгеан, которую мы покинули вчера. Много об этом я узнала вечером во время долгой беседы с земляками из Комиссии.

Мы все ближе подъезжаем к границе, искусственно созданной в самом центре страны и охраняемой иноземными штыками. К границе, которая невидимым барьером разделила почти каждую вьетнамскую семью, каждый вьетнамский дом.

*

Направляясь в Виньлинх — самый близкий к демаркационной линии город ДРВ, — мы ненадолго останавливаемся в деревне Дайфонг. Она расположена в устье реки, лениво несущей свои воды к недалекому отсюда морю. Земля здесь не из плодородных: это самое низинное место во всей провинции, тут много подпочвенных вод.

— Как было прежде? — вопросом на мой вопрос отвечает Нгуен Нгок Ань, председатель местного сельскохозяйственного кооператива. — Скажу вам коротко: рис мы собирали раз в год, поэтому его всегда не хватало до новой жатвы. Период до сбора урожая тянулся долго, и мы его переносили болезненно: почти нечего было

есть... Некоторые наши односельчане оставались неженатыми до шестидесяти лет, так как не могли заплатить выкуп за жену ее родителям...— невесело улыбается он.— Да и на какие средства бедный крестьянин мог прокормить жену и детей? Лучшим выходом для него было пойти «в примак» — работать бесплатно в доме, где было много дочерей, чтобы таким образом «выслужить» себе жену... Были у нас и такие бедные семьи, где на мужа и жену приходилась одна пара брюк и блуза, и в поле они ходили поодиночке. В довершение к «Великому голоду» 1944 года на нас обрушился тиф... Известно: беда никогда не приходит одна. Не было такой семьи, где эта эпидемия не унесла жертву. Да и во время «грязной войны» наша деревня пострадала основательно: враг долго оставался здесь и отступил только накануне установления демаркационной линии. Но перед уходом эти палачи вырубали все фруктовые деревья!..

Осматриваю село. Улицы его протянулись почти на шесть километров. Среди домов высятся четыре укрепленных форта и три военных поста! Видимо, колонизаторы не очень-то уверенно чувствовали себя в этом селе.

Как утверждают товарищи из Дайфонга, их сельскохозяйственный кооператив прославился трудовыми победами на всю страну. Я невольно припоминаю важнейшие данные о земельной реформе во Вьетнаме. До войны девять десятых сельского населения в этой части тогдашнего Индокитая составляли безземельные и малоземельные крестьяне. Площадь наделов малоземельных крестьян едва достигала 30 процентов, то есть примерно четверти всей пахотной земли.

Аграрные преобразования в ДРВ, начатые осенью 1945 года, особенно интенсивно осуществлялись в период «грязной войны»; был снижен земельный налог и арендная рента. Сессия Национального собрания ДРВ в декабре 1953 года приняла решение о реформе, а также конфискации земель колонизаторов и помещиков-коллорабационистов и распределении ее излишков, изымаемых за вознаграждение у помещиков, проявивших лояльность по отношению к народной власти.

Именно этот декрет враги ДРВ и называли оружием более грозным, чем атомная бомба. Борьба за независимость слилась в одно целое с борьбой за рис. «Богатый урожай риса укрепляет победу!» — говорилось в одной из песен, родившихся в период войны. Хо Ши Мин писал:

Рисовое поле — это сегодня поле битвы
Мотыга и плуг соревнуются с карабином.
Крестьяне — это солдаты.
Пусть же солдаты рисовых полей
Соревнуются с бойцами на фронте!

Земельная реформа была закончена лишь после войны. Одновременно было покончено и с феодализмом на селе.

Но сумели ли вьетнамские товарищи избежать при этом неизбежных ошибок и просчетов? Да, ошибки были. Но вьетнамцы говорят о них прямо и откровенно. О таких явлениях мы и беседуем сейчас в кооперативе Дайфонг. Среди его активистов немало людей, которые на себе испытали нарушения социалистической законности и были неправильно заключены в тюрьмы. Наблюдались изредка и случаи подавления свободы религиозных верований или механического перенесения опыта земельной реформы с низин Дельты в горные местности, где следовало поступать совсем по-иному — более осторожно и вдумчиво. Об этих ошибках говорилось на X пленуме ЦК Вьетнамской партии трудящихся, состоявшемся осенью 1956 года.

Однако проведенная реформа не смогла решить всех проблем деревни. Правда, безземельные и малоземельные крестьяне получили 118 тысяч гектаров пахоты. Но урожайность риса с гектара была очень низкой (едва 9 центнеров), в то время как средняя урожайность в мире равна 20 центнерам. Поэтому необходимо было организовать двукратный сбор риса в течение одного года. Но это возможно далеко не в каждом районе страны.

Социалистическая перестройка деревни постепенно обретала реальные черты. От бригад взаимопомощи и групп по совместной обработке земли, где она еще остается в индивидуальном владении, перемены на селе следовали одна за другой.

— Два небольших коллектива возникли у нас вскоре после завершения реформы, то есть на исходе 1958 года, — вспоминает Нгуен Хиен, секретарь парторганизации в Дайфонге. — То были товарищества по совместной обработке земли, куда вошло двадцать семей, имеющих несколько десятков гектаров земли. Год спустя уже три четверти жителей села были членами двух артелей. В марте 1961 года мы создали нынешний кооператив, именуемый «Вьет — Со», то есть «Вьетнамо-советская дружба».

Я расспрашиваю Нгуен Хиена и Нгуен Нгок Аня, с которыми иду по деревне, о достижениях и неудачах.

— Нельзя сказать, что все у нас шло легко и гладко. Первое время одолевали трудности и беды. Справились! Результаты уже видны — сейчас в наш кооператив входит 870 семей, 4200 человек. А началось, как вам говорили, всего с двадцати семей! В период организации кооператива на каждого члена его приходилось всего 10 аров* пахотной земли, а теперь — по 35 аров. Уже давно мы начали собирать урожай риса дважды в год, хотя еще много хлопот причиняет нам вода: она заливает значительные участки полей в низко расположенных местах. После объединения всех прежних мелких групп мы в течение четырех месяцев сделали то, на что раньше потребовалось бы не менее четырех лет напряженного труда: выкорчевали и очистили 100 гектаров бросовых земель, подняли и засеяли около 50 гектаров целины, провели ирригационные каналы...

Земля, по которой мы шли, хранила следы прилежного и нелегкого труда вьетнамских крестьян. Даже неопытный глаз мог заметить отвоеванные у пней и сорняков участки, недавно вспаханную целину.

— Нам не хватает травы на корм скоту, поэтому мы усиленно налаживаем луговое хозяйство. А в землю, истощенную долголетней эксплуатацией, мы вводим минеральные удобрения, чтобы она давала большой урожай... У нас есть лодки, на которых мы можем передвигаться по заливаемым водой участкам. Наши люди учатся не только полеводству, но и выращиванию скота. Некоторые овладевают другими специальностями — скажем, кузнеца или ткача. На собственные средства мы построили швейную мастерскую и печь для обжига извести.

— Скажите, а сколько риса приходится на одного члена артели в год?

— Сейчас отвечу. Но сначала несколько слов о том, сколько его приходилось в самом начале существования артели. После сбора урожая 1959 года мы выдавали по 230 килограммов риса на человека. А в 1961 году — включая пaddy, маниоку и другие пищевые культуры — 1127 килограммов! У нас сейчас много тягловых животных — свыше двадцати буйволов и около сорока волов.

Руководители кооператива показали нам подарок со-

* Ар — мера земельной площади, равная 100 квадратным метрам, то есть одной сотой гектара.

ьетской комсомолки: трактор. Нгуен Нгок Ань полушутя, полусерьезно говорит:

— Теперь наша ответственность за успех двойная: ведь с нами соревнуются более тысячи кооперативов со всех концов страны!

Деревня Дайфонг отнюдь не живописна. Вокруг, насколько хватает глаз, однотонный равнинный пейзаж — большие пространства залитой мутной водой земли, запруды, сеть рисовых полей...

Больница и школа — как с гордостью подчеркивают местные товарищи — сложены из красного кирпича, что пока еще редко встречается во вьетнамской деревне.

В этом кооперативе я воочию увидела ростки новой жизни. Несмотря на всякие трудности, тут раз и навсегда покончено с прежними бедствиями: бездомностью, унижением и голодом!

Мост на реке Бенхай

Несколько дней назад Хоан шутливо перечислял мне различные способы использования конусообразных вьетнамских шляп из рисовой соломы:

— Они служат нам не только для защиты от палящих лучей солнца или дождя, — говорил он. — Во время безветрия и жары шляпу можно использовать как веер. Можно также расстелить на ней одежду, намокшую от дождя, — так она быстрее высохнет. Ею удобно отгонять назойливых псов... А во время военных переходов она не раз заменяла нам миску для еды и мытья. Вьетнамские девушки, робкие по натуре, но тем не менее любопытные, как и все женщины на свете, любят из-под шляпы поглядывать на проходящих мимо мужчин, а некоторые даже прикрепляют под ее полями маленькое зеркальце!..

Я хотела купить себе такую шляпу по возвращении в Ханой, чтобы не таскаться с ней в дороге, но Нинь вдруг заявил мне, что село, которое мы будем сейчас проезжать, славится красивыми шляпами. Хоан стал уверять, что такой головной убор понадобится мне очень скоро. Так или иначе, мы покупаем великолепную шляпу с цветочным узором. Представитель городских властей Виньлиня, который явился проведать нас, также принес... шляпу! Но пока они лежат в машине, а я с

открытой головой прохаживаюсь перед одноэтажным домом, в котором мне предстоит ночевать.

Упорно думаю об утренней демонстрации в Донгхое. После ее окончания, когда мы ожидали шофера Ни, который что-то исправлял в моторе, Нинь, как бы мимоходом, спросил меня: давно ли были в Сайгоне те польские товарищи из Комиссии, что посетили меня в Донгхое? Я ответила: несколько дней назад. Под каким-то пустяковым предлогом Нинь сразу исчез и вернулся только перед самым отъездом. Больше он ни о чем меня не спрашивал. Но я заметила: Нинь совсем иной, чем обычно — неразговорчивый, встревоженный. Я догадываюсь, что его мучает: в Сайгоне у него осталась мать. Несколько лет от нее нет никаких вестей. Может быть, он что-нибудь узнал у моих соотечественников?

Мне вспоминается вечер, проведенный в беседе с сотрудником редакции «Тхонг Нят» («Объединение») в Ханое. Он тоже южанин. После заключения перемирия он вместе с женой решил переехать в столицу. Мать его попросила оставить с ней внуков. «Через два года увидимся*, — говорила она. — А это время пусть проживут со мною хотя бы детишки — по крайней мере я не буду одинока».

«Через два года...»

В 1956 году границу закрыли наглухо. Страну разделили на две части и между ними прекратилась всякая связь. С тех пор вот уже много лет товарищ из «Тхонг Нят» не получал никаких известий о судьбе матери и своих детей. Таков удел множества семей, разлученных в результате этого искусственного раздела страны...

Когда меня спросили, хочу ли я побывать на 17-й параллели, я не задумываясь ответила: да!

Необычно хмурый и суровый Хоан строго сказал мне, чтобы я случайно не вздумала менять одежду. Даже если завтра будет очень жарко, все равно я должна надеть свои черные брюки и коричневую полотняную блузу.

— Непременно надень купленную нами шляпу! — добавляет он.

Я долго брожу по плантации каучука — мне впервые приходится наблюдать работу на ней. Разглядываю при-

* В 1954 году, когда заключались Женевские соглашения о перемирии в Индокитае, было предусмотрено, что в течение двух лет по всему Вьетнаму будут проведены свободные выборы. Американцы и их ставленник Нго Динь Дьем сорвали выполнение этого договора.

вязанные к деревьям горшочки для сбора медленно стекающих по косым надрезам на коре беловатых капель сока. Потом старательно и подробно записываю все, что касается развития города Виньлинь. Но работа у меня явно не клеится. Откладываю ее в сторону и принимаюсь за чтение выдержек из английской и французской прессы, привезенной из Ханоя. В них то и дело повторяется слово «Юг».

«Очевидцы облав, проводимых вьетнамской армией* в дельте Меконга, ошеломлены фактом оставления деревень. Когда к ним приближаются войска, все жители, за исключением немощных стариков, бегут сломя голову. Никто не доставляет армии нужных для ее продвижения сведений. Никто не спешит вывешивать флаги**. Большинство сельских районов контролирует Вьетконг***, агенты которого возвращаются в деревню сразу же, как только оттуда уходят войска. „Вести такие операции — все равно что рукой отталкивать ртуть! — заявил один из советников****. Коммунисты бесследно исчезают, но сразу же восстанавливают свою власть на территории, как только оттуда отступят войска“. Нго Динь Дьем вполне отдает себе отчет в том, как важно получить опору в селах. Его брату Нго Динь Нью снится концентрация крестьян в „стратегических поселениях“, обнесенных крепостными валами, рвами и колючей проволокой. Этим достигается изоляция крестьян от коммунистов. Нго Динь Нью добивался создания до конца 1962 года восьми тысяч таких поселений».

Принудительное переселение крестьян в эти «стратегические деревни», по сути дела ставшие концлагерями, словно в насмешку получило название «Операция Восход солнца». И это сразу подметила французская печать. Читаю дальше:

«Партизаны занимают опорные пункты в джунглях и на лесных участках вблизи рисовых полей. Нападают ночью. Разбитые на небольшие группы, они быстро рассеиваются, и поймать их трудно. Днем же партизаны скрываются, смешиваясь с местным населением... Живут они в страшных условиях, среди болот, где полно москитов, и в душных джунглях. Передвигаются главным

* Армия сайгонской клики.

** Флаги сайгонского режима.

*** Так западная печать называет участников Сопrotивления и Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама.

**** Имеются в виду так называемые советники из Соединенных Штатов.

образом пешком. Зачастую партизаны идут весь день, нередко сменяя шаг бегом. Они плохо снабжены, плохо питаются и плохо одеты. Медицинского персонала нет. Их снабжение целиком зависит от местного населения. Оно доставляет им продукты, медикаменты и разведывательные данные. Оно же — в случае крайней нужды — обеспечивает партизан транспортом и предоставляет им кров. Многочисленные мастерские, изготавливающие оружие и боеприпасы, нередко скрыты в убогих хижинах. Материалы, необходимые для производства ружей, пистолетов, гранат, минометов, патронов, мин, крестьяне покупают на местных базарах. В таких мастерских работают только мужчины».

«Грязная война», развязанная ныне американцами, буквально рядом. Она за той пограничной линией, которую я увижу завтра.

*

Через приоткрытые двери заглядывает Нинь. Мы отправляемся на встречу с людьми «оттуда».

...Беззаботно, по-весеннему, щебечут птицы. С недалекого побережья веет прохладный ветерок. Против меня сидят трое: старая женщина, которой пошел уже седьмой десяток, девушка (ее вполне можно принять за дочь старухи) и рядом с ней парень. Все они несколько дней назад еще были «там», то есть за 17-й параллелью.

— Праздник Тет? Да, конечно. В домах мы его отмечали, как велит обычай... — задумчиво качая седой головой, говорит Буи Тхи Фием. — А на дороги, на улицы не выходили — там были американцы. Правда, кое-где молодежь тайком пробиралась к реке, чтобы хоть издалека послушать голоса с северного берега...

В разговор вмешивается парень:

— Бывает, что ветер дует с севера, и тогда отчетливо слышны ханойские передачи. Тут уж люди спешат на поля, поближе к берегу...

Когда сайгонский режим становится невыносимым, жителей Юга созревает решение: одни уходят в джунгли к партизанам, другие на пограничную реку Бенхай. Нередко среди глубокой ночи раздается легкий всплеск воды под веслом сампана, устремившегося на север, а иногда зеленые ветви прикрывают человека, вплавь преодолевающего реку.

— Мы бежали отсюда всей семьей, — говорит седая Буи Тхи Фием из деревни Виньлием. — Мы с мужем,

дочь, сыновья, внуки... Мой муж — калека: глухонемой. Его уже однажды держали в тюрьме. Один из моих сыновей как раз собирался жениться, даже день свадьбы назначили... Вы спрашиваете — знала ли невеста о бегстве? Да, конечно! Знала и решила разделить судьбу нареченного. Никто из соседей и не догадывался, что в ту же ночь, сразу после свадьбы, мы попытаемся перебраться на другой берег. Когда наш сампан вышел на середину реки, только еще пропели первые петухи. Дети были полусонные, встревоженные, но никто из них даже не пикнул...

— А почему вы бежали?

— Двое моих сыновей получили повестки о призыве в сайгонскую армию. А на этом берегу у меня тоже живут сын и дочь. Я не хочу, чтобы мои сыновья воевали друг с другом. Я хочу быть со своими, среди своих!

Молоденькая и робкая Фан Тхи Ляу говорит:

— Я жила в соседней деревне, совсем близко от границы. Мой муж сумел эвакуироваться на Север еще в 1956 году. Мы ведь тогда думали, что и меня переселят вслед за ним: так обещали. А вышло все иначе. Границу американцы закрыли наглухо... А мне так хотелось соединиться с мужем!.. Было страшно, очень страшно! Я ведь знала, что со мной сделают, если поймают. Но приходилось рисковать... Почему я бежала именно теперь? А мне прислали повестку о призыве во вспомогательную часть — это в Сайгоне формируют такие женские отряды. Меня уже раз вызывали, так что я решила не ждать больше...

После девушки рассказывает парень. Зовут его Бун Ван Кхунг. Он прибыл с Юга раньше обеих женщин:

— Меня тоже пытались забрать в сайгонскую армию, но я этого не хотел... Там, в деревне Виньлием, осталась моя мать и трое младших братьев. Вы спрашиваете: знала ли мать о моих планах? А как же! Она сама уговаривала меня уйти на Север, хотя и понимала, что ее ждет за это... Вот бабушка Фием, она моя соседка по деревне, прибыла оттуда совсем недавно и принесла мне невеселые новости... Когда я бежал, каратели увели мою мать... И братьев тоже...

Лицо парня мрачнеет. Я уже не спрашиваю, куда увели его родных. Это и так ясно: в тюрьму или в лагерь. Но Кхунг тихо добавляет:

— За проволоку...

Да, это обычная судьба вьетнамцев на Юге, если на них пало хотя бы малейшее подозрение в симпатии к

«Вьетконгу». Я расспрашиваю моих собеседников об условиях жизни на селе по ту сторону реки Бенхай. Ответ печальный: риса от собственного урожая хватает только на полгода. Потом — голод. Налогов, а также всяческих косвенных и прямых обложений — не сочтешь.

— А где ты работал?

— Пастухом был. Пас буйволов.

— Читать и писать умеешь?

— Нет... Правда, три буквы вывести могу... Не было у нас школы, ни в нашей деревне, ни по соседству... — горько добавляет Кхунг.

— Американцы часто приезжают в вашу деревню?

— Да, часто!

— А беседуют они с крестьянами?

— Беседуют?!.. О нет! Наши люди боятся их, как тигров! Бегут от них за тридевять земель. А кто не успел — прячется в доме или закрывается в подвале и не выходит до тех пор, пока они не уедут...

— А членов Международной комиссии вы видели?

— Да конечно. Они ездят на белых автомашинах.

— Знают ли у вас, кто эти люди из Комиссии? Из какой страны они приехали?

Минута раздумья.

— Разные там люди... Темнокожие — эти индийцы. Но есть и белые... — из Канады и Польши.

— Из Польши — мои земляки. Есть такая страна Ба-лян. Скажи, где она находится?

Парень колеблется.

— Где-то в Европе... Далеко!

— А известно у вас, что делает Комиссия? Для чего она создана?

— Она контролирует порты и города...

— А в вашей или соседних деревнях люди боятся членов Комиссии? Ну, скажем, так, как американцев?

— Нет, что вы! Когда едут белые машины, у нас никто не прячется, никто не боится.

— Почему?

— Ну, просто незачем... Люди из Комиссии совсем не такие, как «те». Они не злые. Они любят детей, часто улыбаются им, угощают конфетами, разговаривают...

*

Лента дороги вьется среди зеленых рисовых полей. Обычный вьетнамский пейзаж. И вдруг на обочине вижу большую таблицу с надписью: «Демилитаризованная

зона»... Мимо нас проносится «джип», в котором рядом с бородатым индийцем-сикхом сидит офицер в польской форме.

Уже издалека видны два различных флага. На одном из них три желтые полосы на алом фоне. Это как раз тот флаг, вывешивать который (как отмечает западная пресса) не очень-то спешат жители сел и городов Юга.

Второй флаг — наш (да позволено будет мне так назвать его, ибо мы не только друзья, но и братья вьетнамцев), хорошо всем нам знакомый. На красном полотнище горит пятиконечная золотая звезда. Впервые она осветила путь народным борцам-партизанам еще в 1940 году.

Два разных флага развеваются на двух берегах реки. Внешне эта река ничем особенным не отличается от своих многочисленных «сестер». По живописности она даже уступает Светлой, Красной и Черной. Но когда я видела ее на карте, она всегда с неодолимой силой приковывала к себе мой взгляд. Вот и теперь — не могу оторвать глаз от нее.

Мы приближаемся к демаркационной линии, проходящей точно вдоль 17-й параллели. Я уже вижу длинный мост на реке Бенхай. Северная его половина окрашена в алый цвет, южная — в зеленый...

Этот мост называется «Хиенлуонг». Он не соединяет, а разделяет, разлучает.

Ничто не может объяснить существования этой границы, и ничто не может оправдать ее установления. Ничто! Ни условия местности, ни различие в природе, ни иной язык, обычай, история... За последние годы мне довелось пересекать многие границы. Но ни одна из них не казалась мне такой искусственной и враждебной, такой несправедливой и унижающей народ, как эта.

Одинаковый пейзаж по обе стороны моста. Абсолютная тождественность зелени полей. И... невидимая стена, наглухо разгородившая страну в самом ее сердце!

До апреля 1956 года, как говорят сопровождающие меня товарищи, жители сел и городков по обе стороны реки Бенхай могли посещать друг друга. Но в ту памятную весну сайгонские марионетки вдруг запретили всякий контакт с Севером. С того времени проезд и проход по мосту Хиенлуонг открыт только для белых «джипов» Международной комиссии. И лишь тайком, под покровом темной ночи, вплавь, перебираются на северный берег доведенные до отчаяния жители Юга...

Много раз правительство ДРВ обращалось к сайгонским властям с предложением организовать почтовую связь между жителями Севера и Юга, предоставить возможность родственникам видеться хотя бы в дни праздника Тет. Но каждый раз эти разумные и гуманные предложения встречали грубый отказ сайгонских марионеток. Трудно избавиться от мысли, что очень уж недолговечен и слаб должен быть тот режим, который пуще огня боится любого письма с Севера.

Теперь, оказавшись на берегу Бенхай, я понимаю, почему мои спутники заставили меня надеть брюки, черную блузу и эту широкую шляпу, закрывающую мое лицо: невидимые отсюда глаза жандармов зорко наблюдают за северным берегом. При моем небольшом росте, соломенной вьетнамской шляпе и черно-коричневой одежде я издали могу сойти за местную жительницу. Дело в том, что никому из приезжих — главным образом «красным» из-за рубежа — нельзя находиться на демаркационной линии. Особенно привлекает внимание сайгонцев появление европейца: это немедленно становится поводом для потока обвинений по адресу ДРВ в нарушении Женевских соглашений. Сами же марионетки не только нарушают, но попирают соглашения каждый день, каждый час!

Мне так хотелось увидеть эту границу двух миров! Границу, под внешним спокойствием которой пылает невидимое пламя борьбы. И потому я не отрываю глаз от моста Хиенлуонг, перекинутого через реку Бенхай, — моста, по которому никто из нас пройти не смеет...

Солнце высоко поднялось в безоблачном небе. Полдень. На странном мосту, который не соединяет, а разделяет, появляются два солдата в скромном обмундировании из хлопчатобумажной ткани. С противоположного берега медленно идет солдат такого же роста, такой же смуглый и узкоглазый. Одет «с иголочки». Все на нем — с головы до ног — американское: униформа, шапка, ботинки, оружие...

Солдатам обеих сторон разрешается ходить по мосту, лишь бы они ни шагу не ступили за разграничительную черту... Но вот все трое останавливаются у барьера. Беседуют. О чем же говорят люди одного народа, хотя и разделенного чуждой им «границей»? Об этом я узнала позже.

Что же солдаты с нашего берега сказали земляку, разодетому в американское обмундирование?

— Ваше радио и газеты твердят, что сайгонское

правительство очень сильное, что ему помогает такая могучая держава, как Соединенные Штаты... Почему же в таком случае оно не разрешает людям с Севера навестить своих родных на Юге, а вашим — на Севере? Почему оно боится даже переписки между родными?!.. Ты говоришь, что Соединенные Штаты снабжают вашу армию? Посмотри, брат, на нас обоих — все, во что мы одеты, сделано в нашей стране, нами самими, для себя. Американцы же одевают и вооружают вас для того, чтобы натравить против нас, против родины, а ведь она у нас с тобой одна, общая...

Солдат с южного берега, из другого мира, внимательно слушает. Слушает слова правды. А что он думает?..

Голубовато-зеленые воды свои Бенхай несет к морю. У самого устья реки полумесяцем выгнулся пляж Куатунг. Один берег песчаный, с крутым обрывом и пляжем — это Север. Противоположный берег, поросший редким низким леском, — это Юг.

На фоне безоблачного неба, у горизонта, четко вырисовываются белые паруса джонок. Это возвращаются с морского лова рыбаки. Написанные зеленой краской на носу номера означают, что это идут лодки Юга.

На маленьком прибрежном мыске резко выделяется фигура южновьетнамского полицейского в заморском мундире. Рыбачьи суда с Юга и Севера, закончив лов, подвергаются контрольному осмотру, установленному Женевскими соглашениями. Всю эту неделю его будет проводить сайгонский полицейский чиновник, специально прибывший на северный берег. Со следующего понедельника представители народной милиции Демократической Республики Вьетнам будут контролировать лодки, которым для этого придется причаливать к южному берегу. Через неделю — очередная смена.

— Когда осмотр происходит на том берегу и приближаются наши джонки, — шепчет мне Нинь, стоящий за моей спиной, — жители окрестных деревень Юга собираются около контрольного пункта. Больше всего там матерей и жен рыбаков, проживающих на Севере. Немало и стариков: они высматривают своих сыновей, которых не видели уже много лет...

— И что же, если увидят? — не отрывая взгляда от того берега, спрашиваю я.

— Худо! Если и увидят своих, то все равно не смогут даже единым словом или хотя бы жестом выразить свою радость... Южновьетнамские полицейские зорко

следят за толпой! Самый незаметный знак, малейшее проявление интереса к кому-нибудь из людей с нашего берега могут быть расценены как попытка установления «контакта с коммунистами». Приходится соблюдать максимальную осторожность.

Белые паруса подплывающих джонок выглядят мирно и спокойно, почти идиллически. На южном берегу я вижу длинный транспарант с четкой надписью. Записываю ее скрупулезно по буквам, чтобы не ошибиться: «ДА ДАО БОН ТАЙ САИ ДО НГА ТАУ!» Это означает: «Долой прислужников, рабов красной России и красного Китая!»

На северном берегу, неподалеку от здания, из которого доносится шум юных голосов (здесь помещается школа) вьетнамские товарищи вывесили свой лозунг. Простые и справедливые слова его напоминают о трудной борьбе за мирное восстановление родины: «Север и Юг — наш общий дом».

•

Течет река Бенхай по широкой долине среди зеленых рисовых полей и низкого леса. На ее берегах, по обеим сторонам моста Хиенлуонг, развеваются два разных флага. Но я знаю, что существует еще и третий флаг, тоже вьетнамский, лазурно-алый, с такой же золотой звездой посередине. Он развевается в джунглях Юга, в освобожденных зонах, где борьбой народа руководит Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама. Там американцы ведут позорную, необъявленную войну против мирного народа. Вторую (во Вьетнаме) «грязную войну» — теперь уже на деньги американских налогоплательщиков, — затеянную реакционными, империалистическими кругами США.

Я гляжу на эту границу двух миров. На несправедливую границу, рассекающую страну, познавшую все ужасы колониализма и несчастья восьмилетней «грязной войны» 1946—1954 годов.

И упорно думаю о борьбе, которая продолжается и крепнет...

*Ханой — Виньлинь — Варшава
март — сентябрь, 1962 год*

Товарищу Лы Кун Ки —
с благодарностью и в знак дружбы

Часть 2

Возвращение на Бенхай

«Проклятие американ-
ским самолетам, сею-
щим смерть на мирной
земле!»

*Из речи женщины на
митинге в Донгхоэ*

Враг не пройдет

Я опять еду по той самой трассе, по которой ехала три года назад. Но теперь поездка проходит совсем иначе: я совершаю ее в более трудное и сложное время. Три года назад вокруг расстилались мирные, спокойные, нежно-зеленые рисовые поля. Склонившиеся над ними фигурки людей в широких, конусообразных соломенных шляпах гармонично сливались с окружающим пейзажем. Да и этот яркий солнечный свет тогда не резал глаз — лишь изредка, примерно около полудня, приходилось нам останавливать машину, чтобы переждать зной.

Теперь же мы едем только ночью или очень ранним утром (скорее даже на рассвете), пока не взошло солнце. Но даже и при сумеречном свете можно различить, что мужчины и женщины — как и прежде склонившиеся над побегами риса — не расстаются с винтовками и автоматами...

Наша машина обтянута камуфляжной сеткой и замаскирована густыми ветками с пышными листьями. Через реки мы переправляемся на паромках. Густой туман, над водой поднимаются испарения. Издалека мигают тусклые огоньки. Легко дышится, воздух насыщен утренней свежестью. Торопливо пьем терпкий горячий чай — и снова в путь. Когда я встречаюсь с людьми из селений, то вижу, что взгляд их стал более суровым и сосредоточенным, нежели в 1962 году, и они не отрывают настороженных глаз от неба. Это естественно, так как вьетнамская весна 1965 года отмечена зловещим рокотом американских самолетов. Едва услышав этот злобный гул и свист, люди спешат либо в укрытие, либо на заранее назначенные им места боевых постов.

Да, жизнь теперь стала во много раз труднее, суровее, опаснее. И все же взоры людей, когда они узнают, что перед ними европеец друг, а не враг, становятся мягче, сердечнее. Тепло это стократ сильнее, чем чувство нависающей над Вьетнамом военной опасности. Чувствуется, что любой честный человек из Европы — которому близки эта страна и ее народ — очень нужен здесь сейчас, чтобы рассказать всему миру о героизме этого народа, о его трудовых усилиях и борьбе. Чтобы рассказать правду!

...25 марта. Погожий тихий день. Небо — без единого облачка. Жаркий полдень. Именно эту пору дня избрали американцы для проведения своих разбойничьих, террористических налетов. Вот и сейчас они во вьетнамском небе. Едва заслышав далекий гул самолетов, какой-то малыш, завернувшийся в кусок камуфляжной ткани, одним — привычным уже! — прыжком немедленно соскакивает на дно рва и мчится к убежищу.

— Да, они все научились этому! — с горькой улыбкой говорит переводчик. — Дети нередко остаются дома одни: родители работают в поле. Ребята хорошо понимают, что американские самолеты — это бомбежка, это смерть!..

С болью гляжу я на ребенка, которому даже в младенческие годы приходится жить под угрозой обстрела пиратов, хозяйничающих во вьетнамском небе — его небе. И невольно думаю о тех детях города Виньлинх, которые всего две недели назад погибли от рук американцев.

...Самолеты пронеслись стороной: они бомбили селение Виньтхай.

На следующий день, 26 марта, воздушная тревога настигла нас во время краткого отдыха в Хатине. Тихий, скромный и спокойный городок, окруженный широким поясом зеленых рисовых полей, — главный город одноименной провинции. После сигнала тревоги диктор местной радиостанции спокойным голосом сообщил места укрытий и передал группам народной милиции и отрядам территориальной самообороны распоряжение штаба — занять окружающие холмы и заранее указанные посты наблюдения.

Прошло всего несколько минут, и вот уже над городом раздается резкий характерный свист и рев пикирующих самолетов. Грохот взрывающихся ракет, треск очередей бортовых пулеметов... Мы едва успеваем спуститься в укрытие. Ушла первая волна бомбардировщиков, приближается вторая: двадцать пять машин. Они сбросили бомбы, обстреляли дороги и улицы. Но город не остался в долгу у бандитов: он ответил метким прицельным огнем. Двенадцать «скайрейдеров» не вернулось в тот день на базу. Один из летчиков подбитой машины выбросился на парашюте и бойцы самообороны помчались к месту падения: враг не уйдет!

Еще во время налета местная радиостанция сообщила защитникам Хатиня: сбито два самолета. Потом оказалось, что сбитых машин в шесть раз больше!

Едва прозвучал сигнал отбоя, мы выскочили из укрытия и поспешили в город, чтобы своими глазами увидеть цель атаки американских воздушных пиратов. Что такое они тут «обнаружили»?

Семнадцать жилых домов в предместье Кауфу. Семнадцать мирных хижин, крытых пальмовыми листьями! «Гарнизон» этих хижин — дети, женщины, старики!..

Дымятся пожарища. На дорогах и улицах видны свежие воронки и ямы. Огонь охватил деревья, вокруг распространяется горький запах паленого. Группы самообороны ищут бомбы замедленного действия. Десятки мирных жителей лишились крова, их имущество погибло в огне. Несколько человек ранено, некоторые тяжело. Беседуем с пожилым крестьянином Ле Нги. Из убежища, в котором он укрылся вместе с маленькой внучкой, Ле Нги видел пожар, уничтоживший его дом и все хозяйство. Но что он мог сделать? Кругом рвались бомбы, бушевало пламя... Спасти ничего не удалось. Осталась на Ле Нги лишь старая, заплатанная рубаха... С холодным и грозным блеском в глазах он говорит:

— Я спас внучку и себя. Пусть мы потеряли все, зато подлый враг получил хороший урок!

Короткая беседа с членами группы местной самообороны: она занимала огневую позицию вблизи нашего укрытия. В эту группу входят сотрудники провинциального банка в Хатине. Лишь только прозвучал сигнал воздушной тревоги, они покинули столы, счета, бумаги. Быстро и без паники заняли свои места на огневой позиции, открыли огонь. После налета состоялось короткое собрание. Политический руководитель группы похвалил людей:

— Бой вели хорошо. Посты заняли строго в назначенные сроки. Враг не застал нас врасплох. Если он вновь атакует, ответим ему так же!

Поздним вечером жители Хатиня собираются на митинг. Узнав, что в их город приехал человек из европейской социалистической страны, жители просят меня выступить.

— Ну, что можно сказать в первый день великого испытания, выпавшего на долю вашего города? — волнуясь говорю я. — Мы, жители Варшавы и Кракова, Москвы и Ленинграда, Праги и Будапешта, всем сердцем с вами, дорогие товарищи и друзья! И мы не оставим вас в беде — верьте этому, верьте до конца!

...Ночью мы покидаем Хатинь. На проселочной дороге встречаем группу детей. Они чинно идут парами, в

руках у них маленькие фонарики. Возвращаются из «лесной школы», укрытой в джунглях. Их товарищи-старшеклассники остались в городе: по вечерам они работают. Неожиданно свет фар выхватывает из темноты силуэты людей. За плечами у них винтовки и автоматы...

Что же напоминает мне это зрелище? Смутно мелькают какие-то кинокадры, страницы учебников, главы повестей... Только во всем этом иное, более сильное звучание, иной колорит. И вдруг мгновенная вспышка памяти. Ну, конечно же: «Но пасаран!».

Да, вьетнамские товарищи твердо говорят: «Враг не пройдет! Если он атакует нас снова, мы ему ответим так же, как сегодня, а может быть, еще сильнее! Мы готовы к отпору!».

Эти слова я слышала не только в Хатине, но и в других селах и городах, лежавших на моем пути. И потому я хочу еще раз подчеркнуть — вьетнамская весна 1965 года с огромной силой и новым смыслом напомнила всем нам замечательные слова почги тридцатилетней давности: «Но пасаран!». И мы верим, что так и будет: — Враг не пройдет!

Военный словарь

9 февраля 1965 года, еще находясь в Варшаве, я читала важное сообщение, опубликованное в тот день всей мировой печатью: «В понедельник днем группа американских и южновьетнамских самолетов вновь бомбардировала различные районы города Донгхой, столицы провинции Куангбинь, на территории Демократической Республики Вьетнам. Согласно предварительным данным, зенитчики Вьетнамской Народной Армии сбили три американских самолета...»

В тот же вечер на экранах телевизоров мы увидели эти американские «скайрейдеры» со смертоносным грузом крупных бомб, отправлявшиеся на бомбежку городов Вьетнама. Сотни тысяч людей читали зловещую сводку. Услужливая память немедленно восстановила стусежавшиеся от времени образы, имена и названия, связанные с тем, что отнюдь не было мне чуждым — с большим и красивым городом Донгхой... Полоса желтых песков на прибрежном пляже, чистое небо, клочья высохших водорослей... Рыбачьи сети, сохнущие на ве-

М. Варненска среди молодых представителей на-
родности таи на Севере

сеннем ветру, бочки свежесоленой рыбы, издающей острый запах... Дети из Донгхоя — смелые, бойкие, пытливые... И библиотека в древней пагоде. Библиотека, где хранятся произведения Бальзака, Твена и «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого на вьетнамском языке.

Картины мирного Донгхоя, особенно запомнившегося мне весной 1962 года, как-то не вязались с этими сухими строками тревожного коммюнике о разбойничьем американском налете. Не верилось, что прошло всего три года... А поскольку мой выезд во Вьетнам был уже решен, мне теперь хотелось как можно скорее выехать из Варшавы, чтобы увидеть друзей и те места, над которыми сейчас нависла тень смерти: смерти, прилетающей с Юга на крыльях реактивных машин...

*

7 февраля 1965 года пришлось на воскресенье. Во Вьетнаме февраль теплее, чем апрель в Центральной Европе, — это уже начало весны. Тет, как и во время моего последнего пребывания в ДРВ, отмечался в пер-

вые дни февраля. Но дорога, проложенная через уржайные, плодородные равнины Дельты, на сей раз привела меня в Донгхой уже после окончания праздника. Однако я отчетливо представляла себе город таким, каким он был недавно. Низенькие домики обрели веселый, праздничный вид: их украсили выпуклыми алыми фонарями и бумажными полосками с добрыми пожеланиями здоровья, счастья и долгих лет жизни. Радиостанция передавала танцевальные мелодии. На рынке и в магазинах царил суета — люди спешили сделать покупки, выбрать хорошие подарки. Хозяйки хлопотали на кухнях: готовили традиционные новогодние блюда. И цветы — много цветов, особенно веток зацветающего персика. Взаимные визиты родных и знакомых. И сердечные, ежегодно повторяемые слова:

— Желаем вам здоровыми дождаться следующего праздника. Пусть наша страна станет наконец единой и нераздельной вовеки!

Этим словам сопутствовала надежда. Надежда, подкрепленная сообщениями о победах партизан в Южном Вьетнаме. В этом радостном настроении отмечала Тет и провинция Куангбинь. Та самая провинция, которая дала вьетнамскому народу многих видных и прославленных деятелей Движения Сопротивления.

7 февраля пришлось на воскресенье.

*

— День тогда был погожий, — повторяет немолодая женщина, перевозчица Со. — Небо еще красивее, чем сегодня. Ни одного облачка...

Жена рыбака — мать четверых детей. Крестьянское загорелое лицо. В молодости она служила в домах богатых жителей Донгхоя, теперь имеет паромную лодку, на которой перевозит пассажиров через реку Нят, в предместье Баонинь.

Со внимательно выслушивает мои вопросы, порой задумчиво сводит брови. Я вижу, что она старается вспомнить все, ничего не упустить, сохранить каждую существенную деталь.

— Была я тогда дома одна, дети ушли в школу... Сколько длится переезд на лодке? А это зависит от ветра. Если река спокойна и воздух тих, то пассажиры будут на том берегу через пятнадцать-двадцать минут. Беру я сразу двадцать человек. Если дует встречный ветер, значит едем полчаса... А в тот день, повторяю, не-

бо было еще светлее, чем сегодня. Вам, наверно, известно, что Тет — это начало весны?

— А праздник нынче был очень удачным! — вмешивается женщина-пассажирка, внимательно следившая за нашим разговором. — Перед этим мы собрали на полях хороший урожай риса и был отличный улов...

— За сутки я делаю на своей лодке двенадцать ездов, — продолжает Со. — Ну, а когда ветер очень сильный и трудно грести, — конечно, меньше. А в этот день народу было очень много. Известно, после Нового года люди возвращаются из гостей, из праздничных отпусков. Ехали и матери с детьми... С утра пришлось изрядно потрудиться, ускорить переправу: десять рейсов сделала. Так продолжалось до полудня...

Мог ли кто-нибудь из жителей Донгхоя предположить, что пронзительный рев сирены на сей раз возвестит не учебную тревогу, а настоящий массированный налет, воздушное нападение? По-вьетнамски такое нападение называется *тан конг кхонг гуан*. Такую именно фразу я записываю в свой польско-вьетнамский разговорник. Составляя эту книжечку, молодой писатель Тань Ле, выпускник польского филологического института, не мог предвидеть, какие слова окажутся необходимыми европейцу в ДРВ весной 1965 года...

Все вокруг дышало в тот день покоем. Покоем, который оказался не только призрачным, но и глубоко трагичным.

Я вижу события того памятного дня так четко, словно они произошли вчера... Вот Со поспешно хватает камуфляжное полотнище, испещренное зелено-желтыми пятнами маскировки. Весло в руки и — к берегу, к берегу! Она дома одна. Муж — на море вместе с другими рыбаками, дети — в школе. На берегу становится тесно: сюда прибежали группы самообороны. Они принесли оружие и боеприпасы. Время не терпит: дорога каждая минута, каждая секунда — после сигнала тревоги не приходится долго ждать самолетов. Вот они! С ревом, на огромной скорости проносятся над Донгхоем, над головами людей. Снижаются, пикируют... Сбросили первую серию бомб. В гул разрывов вплетается мелкая дробь пулеметных очередей. Стервятники бьют по бегущим жителям. Бойцы самообороны прыгают в лодку. Скорее на тот берег! Где-то неподалеку взвилось огромное пламя, огонь лижет серые крыши из пальмовых листьев... Лодку быстро отталкивают от берега, люди торопятся на свои посты. Твердой и уверен-

ной рукой Со поспешно ведет перегруженную лодку. Обычно ей помогает кто-либо из мужчин, но на сей раз рядом с Со встал юноша, который только что сидел на берегу и ловил рыбу. На дне лодки лежат ящики с патронами. Почему же Со не боялась вести лодку под градом пуль и осколков? Ведь это же естественно — в такой момент испытать страх: страх не столько за себя, сколько за детей, за мужа! Она же знала — пуля и снаряд врага не разбирают, кого поразить... Но, как говорит Со, страх можно преодолеть...

Серо-зеленая гладь широкой Нягле. Теперь я знаю: сколько бы раз ни смотрела я на нее — всегда передо мной на фоне реки будет возникать силуэт немолодой женщины, ловко маневрирующей веслом и направляющей лодку под непрерывным обстрелом американских самолетов. Какая-то врожденная и суровая гордость характерна для облика Со, когда она высоко поднимает голову.

— Да, я не молода. Но у меня еще достаточно сил и здоровья, чтобы участвовать в общей борьбе..

*

— День этот в нашей больнице, как всегда, проходил спокойно, — начинает свой рассказ медсестра Данг Тхи Тхиа.

Лицо ее красиво, оно еще хранит черты девичьей прелести. Даже не верится, что у Данг — двое детей. Ласково баюкает она своего маленького сынка. Девочка, чуть постарше, присела у ног матери.

— Работаю я в детском отделении. Обычно пациентов у нас мало. И это хорошо. Самым серьезным больным в тот день был мальчик с тяжелым нарушением нервной системы... Когда я поняла, что это не учебная тревога, а настоящий вражеский налет, то подумала: «Они не будут бомбить здания, находящиеся за городом. Ведь это же больница!..»

Длинная пулеметная очередь, которой американский стервятник прошелся по крыше главного корпуса больницы и по белому флагу с красным крестом, перечеркнула эти иллюзии. Слава и гордость Донгхоя — недавно построенная современная больница на двести мест — теперь в любую минуту могла разделить участь остальных зданий города. Оставалось одно: спасти больных!

В этот день дежурные по больнице (праздник: большая часть персонала находилась дома) не могли спра-

виться с нагрянувшей бедой. Из рассказа Данг Тхи Тхиа по крохам восстанавливается страшная картина налета...

С треском ломаются переплеты окон. Осколки стекла и куски кирпича разлетаются во все стороны, нанося раны не только санитаркам и сестрам, но и больным. Перепуганные дети мчатся куда глаза глядят, их надо останавливать, успокаивать и вести в убежище. Надо спасти двух новорожденных — от испуга и потрясения наступили преждевременные роды у двух пациенток родильного отделения. Там лежат еще четыре беременные женщины. Одну поразил шок, она не в силах шевельнуться и лежит бледная как полотно. Вторая корчится от боли: у нее начались родовые схватки и ее нельзя трогать с места, иначе последует кровоизлияние. Надо как-то защитить этих женщин от обломков кирпича и осколков стекла, успокоить их...

А налет продолжается. Один за другим летят американские самолеты, сеют смерть на мирной вьетнамской земле...

Тем временем по дороге, ведущей к больнице, мчится рикша. Молодой вьетнамец бережно придерживает за плечи полулежащую на сиденье велосипеда юную, находящуюся в бессознательном состоянии женщину. То и дело он поглядывает на небо: женщина вот-вот должна родить, а над головой кружат проклятые самолеты...

Когда утром следующего дня я осматриваю здания больницы — со свежими следами пулеметных очередей, с разбитыми окнами, изрешеченными стенами и пробитыми крышами, — я не могу сдержать гнева. Больница расположена на открытом месте, над нею развевается флаг Красного Креста. Нельзя, просто невозможно не заметить этих корпусов! Была ли хоть капля совести у тех, кто бомбил больницу?..

Тень смерти над Донгхоем

Ранним утром мы приехали в селение Виньтуа. Низенькая хижина, плетенные из бамбука стены, деревянная кровать с лежащей на ней циновкой из рисовой соломы, традиционный «алтарь предков» и нехитрый

домашний скарб... Хозяйка дома, двадцатисемилетняя Чыонг Тхи Кук, не скрывает изумления при виде непрошенных гостей, которые в столь ранний час неожиданно-негаданно вторглись в ее жилище. Она и ее муж, Ле Ван Хоа, родились в Таиланде, но уже несколько лет назад репатриировались на родину.

Их первенец родился на чужбине.

— ...в больнице! — спешит разъяснить Ле Ван Хоа. — Но если бы вы знали, как «там» дорого! Мы истратили на те роды все свои сбережения.

— Верно! — перебивает Чыонг Тхи Кук. — Зато в Донгхое я все время была под наблюдением врача и мне не пришлось платить ему ни пиастра. Ничего не стоили и мои визиты к нему — ведь он народный, а не королевский врач! Вторые роды вообще прошли в сто раз лучше, хотя и лечили меня бесплатно...

Неведомо как и когда в доме становится тесно от любопытных соседей. Матери держат за ручонки малышей, «на всякий случай» прижавшихся к ним поплотнее. Много девушек и быстроглазых мальчишек. Копируя вьетнамских солдат, они тоже прицепили к одежде зеленые ветки и куски камуфлирующей пестрой ткани. Интерес жителей мне понятен: не часто бывают у них гости из Европы. Со времени хозяйничанья французских колонизаторов никто из европейцев в этот глухой угол не заглядывал. Но все-таки и сюда доносится эхо бури гнева и возмущения мирового общественного мнения, осулившего американскую агрессию.

Из скупых и отрывочных фраз Чыонг Тхи Кук я постепенно восстанавливаю обстановку зловещего налета воздушных стервятников с базы Дананг.

— Муж упросил знакомого курьера-рикшу отвезти меня в больницу, — рассказывает Чыонг Тхи Кук. — У меня начались предродовые схватки. В пути нам пришлось несколько раз высаживаться из коляски и прятаться в придорожных кюветах: американские самолеты — будь они прокляты во веки веков! — так бомбили дорогу, что невозможно было проехать. Не скрою — я боялась, что придется рожать под открытым небом, без врачебной помощи, в присутствии чужого мужчины... Хоть бы какая женщина всгретилась!.. Все же мы кое-как сумели добраться до больницы. И там сразу — несмотря на бомбежку! — на душе у меня стало спокойно, будто здесь я была в полной безопасности. Вечером у меня родился сын. Новорожденному мы дали имя Ле Ван Чи...

— Эти два последних слова имеют символическое значение, — вмешивается мой переводчик. — Ван Чи соответствует европейскому имени «Виктор», то есть «победитель»!

Когда я спрашиваю молодую мать, действительно ли она в память об этих событиях дала своему младенцу такое имя, Чыонг Тхи Кук отвечает с гордостью:

— Именно поэтому. Враг не пройдет — победим мы!

...Город Донгхой расположен на обширном плато между рекой Нягле и морем. Большая часть жителей пригородов и сел — земледельцы и рыболовы. Вокруг города нежно-зеленые рисовые поля, а на берегах реки и моря — удобные бухточки и причалы. Ни в самом Донгхое, ни вокруг него нет никаких оборонных предприятий (как утверждает печать США): есть лишь... небольшая механическая мастерская! Жители постепенно приспособились к условиям военного быта. Все теперь коренным образом изменилось: война каждую минуту напоминает о себе, она все время рядом, она простерла черные крылья смерти над мирной страной. Не так давно снова был налет, снова вокруг рвались бомбы и гремели с неба пулеметные очереди.

Но и много раньше, особенно в последние два года, под покровом ночи вылезали из моря «люди-жабы» — «коммандос» в легких водолазных костюмах. Они, эти гнусные убийцы из-за угла, прошли специальную подготовку и стали мастерами террористических актов и саботажа. А сколько было заброшено диверсантов, готовых за доллары на все! Немало тайных троп обнаружили местные власти, не один десяток шпионов попал в руки сотрудников органов безопасности провинции Куангбинь.

Когда начались дни военных испытаний, враг не застал врасплох жителей Донгхоя: наглую провокацию американской военщины они встретили мужественно, без малейших признаков растерянности. Вчера я прочла свежий номер американского журнала «Тайм». В нем какой-то досужий репортер написал о страшной панике, будто бы царящей в «начисто разбомбленном» Донгхое. Но американский журналист не видел Донгхоя в те дни, а я видела и свидетельствую: можно только восхищаться высокой организованностью этих людей и стойкостью, с какой они выдерживают воздушные налеты разбойничьих американских самолетов и той неукротимой энергией, с которой они борются с сильным и злобным врагом.

Мне была дана возможность посетить больницу, механические мастерские, посты местных групп самообороны. Я едва успевала записывать имена, факты, подробности. Подобно камешкам мозаики эти факты и детали воссоздают общую картину массивованного воздушного налета. Своими рассказами люди помогли мне раскрыть облик того города, который совсем не похож на то, что я видела три года назад. Иным, героическим, сосредоточенным, готовым к отпору, предстал он передо мной сегодня.

Только что закончилась моя беседа с женщинами, участвующими в деятельности местных групп самообороны. Скрупулезно записывала я их отчет о том, что уже сделано для оказания помощи людям в изменившихся, военных условиях и что предстоит сделать в ближайшее время. Предусмотрены все мелочи и различные варианты. Мне показывают пакет — в нем немного вареного риса и рыбы, два-три бинта, набор самых необходимых медикаментов. Такой пакет обязан взять с собой каждый житель, уходящий в укрытие, как только прозвучит сирена воздушной тревоги.

Следующая беседа состоялась в городском комитете партии, как обычно, за чашкой терпкого зеленого чая. Одна молодая женщина почему-то привлекла мое внимание. Это была Хао Кам Ту. В Донгхое она живет с 1945 года. Когда я обратилась к ней, она смутилась и сказала, что ее не следует выделять из числа других, так как она ничего такого не совершила, а работает рядовой продавщицей в продовольственном магазине. Ле Конг Кхай, который по поручению городского комитета партии занимается вопросами пропаганды и культуры по всей провинции Куангбинь, вмешался в наш разговор и сказал несколько похвальных слов об энергии, инициативе и отваге этой молодой женщины. Хао Кам Ту разыскала где-то ручную тележку и организовала снабжение разбросанных вокруг города пунктов территориальной обороны. Она и две ее подруги на тележке доставляли туда все необходимое — от пищи до боеприпасов...

Пронзительный вой воздушной тревоги прерывает нашу беседу. Ле Конг Кхай загоняет меня в убежище. Я протестую: мне надо своими глазами увидеть американских стервятников! После долгих и бурных споров мне разрешают с блокнотом в руках сесть у входа в убежище, но как только самолеты появятся над нашими головами, я должна немедленно спуститься вниз. Мест-

ный радиоузел сообщает, что вражеские самолеты приближаются.

...Истребители-бомбардировщики появились неожиданно: две девятки. Пикируя с большой высоты, они не только сбросили бомбы, но и открыли огонь из всех бортовых крупнокалиберных пулеметов. Пришлось спускаться вниз...

Наступил вечер. Жизнь в Донгхое оживилась. В механических мастерских то и дело вспыхивают бело-фиолетовые огни сварки. На рынке и в открытых до поздней ночи магазинах — толпы покупателей. Ле Конг Кхай показывает мне строительную площадку городского театра. В городе есть хорошая больница, восемь школ (в том числе одна полная средняя), кинотеатр, две библиотеки. Все это открыто даже в тяжелых условиях воздушной войны.

Какая огромная забота проявляется о людях, как много труда вкладывается в защиту страны! И сколько в душах людей тревоги и гнева... В глазах сопровождающих меня товарищей я читаю немой вопрос: «Почему, по какому праву они хотят разрушить мирную жизнь, растоптать наши достижения, уничтожить нас?»

Заходим в небольшой книжный магазин. На полках — «Илиада» и «Одиссея» Гомера, книги Роллана, Гюго, Барбюса, Марка Твена, Шекспира... И это та «коммунистическая угроза», о которой вопят в США?

Затем отправляемся в библиотеку, в которой я бывала три года назад. Кто тогда мог предположить, что будет война?

— По сравнению с 1956 годом, когда мы начали работу, книжный фонд увеличился в несколько раз, — говорит заведующий библиотекой Ву Тхи Лонг. — Теперь у нас две тысячи постоянных читателей, преимущественно молодежь. Но эта цифра не полная — в семье только один человек считается абонентом, а читают книгу все его братья и сестры... Да, конечно, в связи с воздушными налетами нам пришлось изменить время работы библиотеки: она открыта с шести до девяти часов вечера, когда по городу можно передвигаться, не опасаясь бомбежки. Кроме того, мы организовали передвижной обменный фонд и развозим книги по районам в радиусе пятидесяти километров, заглядываем в самые глухие уголки провинции Куангбинь. Можно сказать, что окрестные села и посты самообороны получают необходимую им литературу не реже чем раз в две недели. Тран-

спортивные средства? — улыбается Ву Тхи Лонг, услышав мой вопрос. — Ну, разумеется, велосипед и... собственные ноги!

Чем же новым располагает теперь эта библиотека? Заглядываю в каталог. Кроме произведений вьетнамских авторов вижу несколько странно звучащие для европейского уха, транскрибированные по-вьетнамски знакомые и любимые имена: *Пу Си Кин, Лек Ман Топ, Тхо Ге Ниен, Го Го Лье, Май А Кон Си*. Рядом стоят «Анна Каренина», «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь», книги Бальзака и Андерсена, Игоря Неверли и Пабло Неруды, Максима Горького и Адама Мицкевича...

В окнах низеньких домов Донгхоя светятся огоньки. С широкой реки поднимается легкий туман. В чистом весеннем воздухе голоса людей разносятся далеко-далеко. Все вокруг дышит покоем, и на минуту — но только на минуту! — возникает иллюзорное впечатление, что в этом тихом, прекрасном и мирном уголке нет и не может быть никакой войны. Сейчас, в этом обаянии вьетнамской ночи, война воспринимается как чудовищный абсурд...

Но стоит на шаг отойти в сторону, как о ней сразу же напоминают *хам чуан* — убежища, *няо тхонг хао* — противовоздушные рвы и *хо ка ньян* — круглые ямы, в которых легко может укрыться человек, внезапно застигнутый воздушной тревогой и налетом бандитов из «ЮС Арми».

Все эти новые для меня понятия я тщательно записываю в карманный словарь — теперь мне придется сталкиваться с ними каждый день и каждый час. Угроза порабощения нависла над Вьетнамом, и пришло время иных слов — слов войны. Теперь они — неотъемлемая часть любой беседы.

Жители Донгхоя по праву самозащиты, признаваемому всеми цивилизованными народами и государствами, поднялись на священную войну против американских империалистов. Они защищают свою жизнь, на которую посягнула реакционная, пораженная политической слепотой военщина США. Донгхой обороняет свои дома, рыбацьи хижины и школы, библиотеки и больницы. Донгхойцы, как и вся страна, поднялись на защиту единственно правильного и добровольно избранного ими пути, ведущего к победе, — пути социалистического развития.

И путь этот вьетнамский народ защитит. Враг не пройдет!

В тот момент, когда я заканчиваю эти строки, пришло сообщение: американские бандиты вновь бомбили Донгхой. Не унимаются! А пора бы...

Остров Батьлонгви

С городом Хайфоном я познакомилась три года назад — еще в мирное время. Теперь здесь на каждом шагу чувствуется военная обстановка: она сказывается на любой беседе, на каждой встрече с хайфонцами. И снова, как, впрочем, повсюду в ДРВ, поражает спокойствие и сосредоточенность населения. Местные жители продолжают работать четко и слаженно, хотя именно в этом морском порту острее воспринимаешь близость опасного врага — кораблей 7-го флота США. К тому же на один из ближайших прибрежных островов уже не раз совершали налет пресловутые *май бай ми*.

Конко и Батьлонгви. Названия этих двух вьетнамских островов теперь чуть ли не ежедневно появляются в сообщениях о варварских налетах американских ВВС. Стартуют они не только с авианосцев 7-го флота, но также с базы в Дананге, Плейку и Хоабинь в Южном Вьетнаме. Ежедневно рано утром я беру принесенный мне бюллетень ВИА (вьетнамский ТАСС) и невольно ищу глазами названия островов. По-вьетнамски Конко означает «Остров Тигра». Расположен он неподалеку от Виньлинь, а рядом с ним — Батьлонгви, или «Хвост Белого Дракона». И я невольно думаю о стойких, отважных и самоотверженных их защитниках, день и ночь живущих под зверскими бомбежками и обстрелом врага.

— Я только что вернулся с острова Батьлонгви, — начинает свой рассказ Хоанг Хау, репортер местной радиостанции.

Он ярко и образно рисует обстановку на островке. В прошлом веке Батьлонгви считался обиталищем морских пиратов: даже французские колонизаторы тогда не очень-то спешили заселять гористый остров. Среди его жителей преобладают хиемы — этническая группа китайского происхождения. Некоторые из них выращивают кукурузу, батат, маниоку. Но земледелие, а равно и животноводство, все же играют в жизни островитян небольшую роль: они занимаются рыболовством, причем —

как их деды и отцы — исключительно при помощи острог. Кроме того, мужчины добывают с морского дна особых съедобных моллюсков *бао нгу* и раковины.

В последние годы на Батьлонгви многое изменилось к лучшему: расширился и стал благоустроенным Фухаути — единственный населенный пункт на острове. Все рыбаки объединились в кооператив под названием *Хань Фук* и ныне уже артелью выезжают на лов морской рыбы. Рабочие из Хайфона помогают возводить кирпичные дома: их насчитывается уже несколько десятков. Построена хорошая школа.

Первый раз Батьлонгви подвергся воздушной атаке американцев 26 марта, но гидропланы 7-го флота вели тут разведывательные полеты гораздо раньше. Близость подводных лодок и миноносцев — жители видели их невооруженным глазом — тоже не сулила ничего хорошего. Однако население, среди которого Партия трудящихся Вьетнама провела большую разъяснительную работу, сохраняло полное спокойствие и выдержку: рыбаки продолжали выходить в море, крестьяне трудились на полях. Теперь неразлучными спутниками рыбаков и крестьян — так же как и рабочих Хайфона — стали винтовки. Их проходило держать под рукой, «на всякий случай». Он наступил скоро...

26 марта в восемь часов утра на острове прозвучал сигнал противовоздушной тревоги. Но появились только разведывательные самолеты врага. Налет произошел позже — через несколько часов...

Воздушным пиратам дали отпор. Первым же залпом ручного оружия один самолет был подожжен. Пилот выбросился на парашюте и упал в море, неподалеку от берега. Две другие машины, задымив, немедленно отвалили в сторону и ушли. Но жители острова хорошо понимали, что на этом дело не кончится: раз уж американцы взялись за пиратское дело, они не успокоятся...

На следующий день около двух часов снова прозвучала сирена. Вслед за нею раздался зловеющий свист и вой пикирующих самолетов. Их было втрое больше, чем накануне. Они сбросили несчетное количество бомб — уже более крупных. Воздушная атака продолжалась около полутора часов. Конечно, бомбежка сопровождалась и стрельбой по мирным жителям. Но группа местной самообороны и в этот день сбила три самолета!

Много бед причинили острову проклятые *май бай ми*.

Девушки-партизанки стойко переносят все тяготы войны

Они подожгли школу, новый продовольственный магазин, метеорологическую станцию и жилые дома. Погибло несколько десятков жителей, в том числе маленькие дети... В чем их вина? Кружившие над островом бандиты не могли не видеть, в кого они стреляют. И кровь безвинных — это преступление и позор Соединенных Штатов!

...Население Батьлонгви, как и других городов и селений Демократической Республики Вьетнам, атакованное американскими варварами, проявило поразительное мужество, отвагу и подлинный героизм. Фам Ба Де, руководитель одной из местных групп самообороны, тяжело болел и находился в клинике на постельном режиме. Услышав сигнал воздушной тревоги, он буквально вырвался из рук санитаров и убежал на свой пост.

Боец сельской группы территориальной обороны Нам Сан Фонг, проявив большую отвагу, схватил за стабилизатор упавшую рядом термитную бомбу и в какую-то долю секунды, не дав ей взорваться, успел отбросить ее в море. Он спас не только себя и товарищей, но и пулеметное гнездо со всем оборудованием. Мгновение спустя бомба взорвалась, подняв огромный столб воды, но не причинив никому вреда.

Руководителя другой группы, Хоа Дунга, трижды засыпало прибрежным песком, камнями и осколками кирпича, отбрасывало воздушной волной. Оглушенный и контуженный, он каждый раз упрямо и стойко возвращался на свой пост и руководил огнем зенитного пулемета. Молодого вьетнамца постигло горе: среди убитых в тот день оказалась его невеста Ван Кхань, также участница местной самообороны. Сейчас Хоа Дунг уже в Народной Армии и ведет личный счет уничтоженным им врагам.

Естественно, пока не было внезапного воздушного нападения на Батълонгви, никто детей оттуда эвакуировать не собирался. И в первый же налет их погибло немало, а вместе с ними был убит учитель.

Перед праздником 1 Мая на остров приехали представители администрации провинции, партийных и профсоюзных органов Хайфона. По поручению Хо Ши Мина они вручили защитникам острова награды, в том числе самую почетную — «Знамя обороны».

*

На каждом предприятии Хайфона винтовки и автоматы стоят рядом с токарными и фрезерными станками. Идут непрерывные занятия групп самообороны, работают школьные курсы...

Мне вспоминается оригинал любопытного документа, который три года назад я видела в Ханойском музее. Это было требование рабочих, занятых на местных текстильных фабриках, переданное дирекции в 1929 году. Рабочие добивались тогда снижения обязательных взносов и налогов, человеческого обращения с ними, уважения их достоинства, а равно уменьшения на один час рабочего дня: с тринадцати до двенадцати часов!

Вспоминая то далекое прошлое, еще лучше понимаешь боевой дух вьетнамского народа. Люди, с винтовкой в руках стоящие на страже завоеваний августовской революции, непобедимы! Никакой агрессор — американский или любой другой — не в состоянии уничтожить этих завоеваний. Тут не помогут ни доллары, текущие в карманы сайгонских марионеток, ни пиратские налеты американских бандитов на мирные города и села Вьетнама!

Победа будет на стороне вьетнамского народа. Враг не пройдет!

Незаконченный разговор с рекой Бенхай...

Мы приехали в Виньлинх глубокой ночью: днем приходится скрываться в джунглях и пережидать бесконечные налеты вражеских самолетов. Уже на пути к городу быстро наступающие сумерки стерли все контуры пейзажа — пролысины выгоревших белых песков, низкие кустики, бурую ленту дороги, резные веера пальм... Включенный на мгновение свет фар вырывает из темноты то силуэт одинокого велосипедиста, то фигурки возвращающихся из школы детишек, бегущих по обочине с книжками в руках, то девушек с перекинутыми через плечо автоматами...

К полуночи впереди тускло блеснули редкие огоньки Виньлинха. Нас останавливают: проверка документов. Машина виляет по узким улочкам и переулкам и наконец тормозит перед невысоким зданием. Нам уже приготовили постели с противомоскитными сетками и горячий чай в термосах. Наскоро пьем его и спешим ознакомиться с обстановкой в городе.

Здесь, как в Хатине и Донгхое, мы все обязаны подчиняться распоряжениям местных властей и штаба территориальной обороны. Мой сопровождающий, Фан, объясняет мне эти правила, подчеркивает их важность и многозначительно поглядывает на меня. Я делаю покорное лицо, так как знаю, что он имеет в виду. Честно признаться, я довольно часто не выполняю строгого приказа немедленно спускаться в убежище при каждом налете. А такой приказ обязателен для всех, безотносительно к их рангам и положению. Но если я после трехлетнего перерыва решила приехать сюда под пули и бомбы, если решила сама, своими глазами, увидеть трудную вьетнамскую весну 1965 года, так ведь не затем, чтобы прятаться, а чтобы смотреть и видеть! Мой долг — рассказать миру правду о новой «грязной войне», на сей раз американской...

— Все ли ваши граждане выполняют такие распоряжения? — недавно спросила я одного партийного руководителя в Донгхое.

— Да! За небольшим, конечно, исключением. К ним относятся — как бы это сказать? — некоторые субъекты,

нарушители дисциплины, которые норовят не выполнять приказов!.. — строго ответил товарищ. — Но постепенно и они начинают понимать свои ошибки!

С того дня вьетнамские товарищи прозвали меня «нарушителем дисциплины» — дружески, конечно. Известно — упрямый и непослушный «нарушитель» не соблюдает времени полуденного приема пищи, а строчит свои заметки, сопротивляется, когда его тащат в укрытие, и норовит посмотреть на американских стервятников... Вьетнамские товарищи недовольны, но по выражению их лиц я вижу, что постепенно они начинают понимать, почему я так поступаю.

Утром следующего дня появляется Нгуен Ти. Он занимается вопросами культуры в местном административном районе Виньлин. Хорошее, открытое лицо, крепкое рукопожатие, пронизательный взгляд. По его действиям и поведению сразу чувствуется, что этот человек испытал многое, что он постоянно живет в трудных условиях, рядом со смертью. С искренней и легкой улыбкой, словно о чем-то обыденном, рассказывает Нгуен Ти о стычках с южновьетнамскими и американскими войсками, о провокациях американских воздушных пиратов, об обстрелах ими рыбацких сампанов, выезжающих на лов рыбы, о массированных бомбежках селений в дни самого большого праздника Тет.

Я вручаю Нгуен Ти несколько экземпляров «Трибуна люду» с материалами о нападении американских ВВС на Северный Вьетнам. Статьи «Люди с 17-й параллели» написаны моим товарищем Даниелем Люлинским в форме репортажа, но носят характер сводок с линии фронта.

Нгуен Ти соглашается помочь мне: я увижу в Виньлине и окрестностях все, что меня интересует, он разрешит мне, но с соблюдением величайшей осторожности, снова, после трех лет разлуки, взглянуть на мост Хиенлуонг и реку Бенхай. А сейчас мы осмотрим то, что осталось от трех школ, которые недавно были разрушены американскими бомбами.

...Туманные испарения раннего утра. Далеко, на краю изрытой воронками и какой-то вымершей обширной площади, видны жалкие остатки деревьев и зелени. Потрясающее, мрачное зрелище! Вдребезги разрушенный одноэтажный дом. Вокруг него осколки стекла, битый кирпич, обломки досок... Среди кучи щебня — раздавленный школьный глобус, изодранные, полуобгорелые книги, остатки искореженных приборов. Это все.

что осталось от богатой школьной физической лаборатории. Она была даром славных немецких ребят, даром братской Германской Демократической Республики народу ДРВ. Ветерок скорбно шелестит листками порванных и разбросанных учебников. Невольно склоняюсь и подбираю эти свидетельства варварства оголтелых пиратов-янки. В руках у меня страницы учебников алгебры, природоведения, литературной хрестоматии... Рядом валяется измятая ударом конусообразная детская шляпка из рисовой соломы... С малых лет атеистка, я хочу сейчас во все горло закричать не своим голосом: «Боже, за что?! Чем и как провинились эти маленькие граждане мирного народа?!»...

Я помню, как три года назад именно на этом месте заканчивалось строительство сразу трех школ — первой ступени, начальной второй ступени и средней полной, третьей ступени. На обширной площади, среди живописных холмов, где одновременно выросли три красивых здания, весь день звенел смех, раздавались шутки, выкрики играющих в волейбол ребят, мелодичные песни... Сейчас здесь мертво, пусто, мрачно. Руины разбитых школ гневно обвиняют правителей США: это дело ваших рук!

...Двадцатидвухлетняя учительница Чан Тхи Лян Хыу рассказывает. Голос ее дрожит, она то и дело прижимает руку к горлу, словно ей не хватает дыхания:

— День тогда стоял погожий, по-настоящему весенний. Был полдень, когда я шла по тропинке, ведущей к школе... Я работаю тут уже четыре года и занимаюсь с первоклассниками. Могла ли я тогда предвидеть, что в тот солнечный полдень свершится черное дело?.. Американские самолеты появились неожиданно и так быстро, что их рев я услышала одновременно с сигналом воздушной тревоги... А на дороге было много, много детей!.. Из моего и других классов... Самых маленьких!..

С трудом сдерживая рыдания, Чан Тхи говорит о том, что произошло. Дети были насмерть перепуганы. Особенно после первых грохочущих пулеметных очередей «скайрейдеров». Инстинктивным движением ребят было ударить как можно дальше...

Вблизи дороги оказалось несколько противоздушных щелей. Молодая учительница стремглав бросилась навстречу мчавшимся, обезумевшим от ужаса малышам, хватала за руки, прижимала к себе, стараясь телом своим прикрыть их от свистящих вокруг пуль и летящих

во все стороны осколков бомб. Надрывая голос, пытаясь одолеть царящий вокруг грохот, трескотню пулеметов и взрывы бомб, она небывало строго кричала разбежавшимся во все стороны школьникам:

— Назад! Назад! Прячьтесь здесь! Слышите, что вам говорят! Укройтесь за деревьями! Сейчас же!

Чан Тхи была в положении, дома у нее остался пятилетний сын. Но в этот критический момент она не думала о себе, о своем сыне, о будущем ребенке: перед ней были десятки других, и каждый в любую секунду мог погибнуть. Видя, как некоторые из них беспомощно ползают по краю противовоздушной щели, не умея спуститься в нее, она хватала одного, другого, третьего и поспешно опускала вниз. Маленькие ручонки, ища спасения, цеплялись за ее блузу, за ноги, за подол... Слипшиеся от пота волосы падали на лицо, темнело в глазах, сердце молотом бухало в груди. Последним усилием воли Чан Тхи заставила себя говорить спокойнее:

— Не бойтесь, дети, я с вами! Не бойтесь! Скорее снимайте блузки... Скорее! Снимайте все, все!

Чан Тхи занималась на курсах противовоздушной обороны и знала, как опасно быть в одежде, если поблизости упадет напалмовая бомба. Человек тогда мгновенно превращается в горящий факел и спасти его нельзя. А стервятники уже сбросили три таких «дара американской цивилизации»...

Прошло два долгих часа, пока самолеты улетели, пока несколько затихло вокруг, пока к школе прибежали испуганные родители. Кто с тревогой, кто с плачем, бросались они к малышам, со вздохом облегчения прижимая их к груди.

Уцелели многие школьники, которых успела спасти Чан Тхи Лян Хыу. Но далеко не все вернулись домой: сорок семь остались лежать на этой страшной площади...

Вблизи соседнего здания — участок вспаханной земли. Это школьный огород, на нем — опытные грядки растений. Через него протянулись противовоздушные щели. Теперь они стали братской могилой учеников школы третьей ступени. Вместе с ними погиб их тридцатидвухлетний учитель Ле Зуй Минь. Учащиеся любили его уроки по литературе. В первую «грязную войну» французских колонизаторов он был в рядах Движения Сопrotивления Вьетнама. За образцовую работу он получил личную благодарность от Хо Ши Мина. Теперь его маленькая дочурка осиротела...

Присаживаемся возле другого разрушенного здания

школы, на полусломанной парте. Двадцатипятилетний учитель Нгуен Ван Минь рассказывает:

— Был разгар дня, точнее, около двух часов. Мы, учителя средней школы второй ступени, которая находится по соседству, собрались на заседание педагогического совета. В школах первой и третьей ступени шли обычные занятия. Сигнал тревоги прозвучал почти одновременно с появлением самолетов врага. Они прилетели с юга, из-за реки... Большинство младших учеников разбежались во все стороны, некоторые попрыгали в противоздушные рвы. Старшеклассники вместе с учителями заняли назначенные посты самообороны. И мы ответили налетчикам сильным огнем... Бомбы рвались с такой силой, что глыбы земли взлетали над крышей школы. Одного из школьников воздушная волна отбросила на несколько десятков метров... Разумеется, он был убит на месте. Вы спрашиваете, сколько они сбросили тогда бомб? Примерно триста семьдесят. Это не считая напалмовых, не считая зажигательных ракет. Несколько бомб было с механизмом замедленного действия. Они уходили глубоко в землю и взрывались через несколько дней. После пяти часов, когда прозвучал отбой, к школе прибежали встревоженные родители. Увы — многие дети домой не вернулись...

Скоро восемь часов утра. Обычно в это время во всех трех школьных зданиях в Виньлине звенели голоса юных граждан ДРВ. Теперь эхо наших шагов по одному из полуразрушенных зданий звучит глухо и странно. На оставшемся куске стены висят геометрические таблицы и выдержки из грамматики русского языка, выписанные четкими большими буквами. В соседнем классе кое-где еще сохранились таблицы с французскими словами.

Я на минуту останавливаюсь возле школы, чтобы прочесть объявление. Оно гласит, что учеба временно прекращена, о дне и месте возобновления занятий будет сообщено дополнительно. На углу фасада кто-то детским, но выразительным почерком вывел мелом: «Отостим за павших товарищей и за учителя трудом и усилиями в учебе — все как один!».

В этих простых словах заключен огромный смысл, значение которого я познаю в тот же вечер. Американские воздушные пираты разрушили школы. Младшие школьники по распоряжению властей эвакуированы в дальние селения. Но в уцелевших помещениях третьей школы поздним вечером полно людей. Ученики VIII,

IX и X классов, как и учителя, остались на месте. Учеба продолжается. Занятия сокращены только на один час: уроки начинаются в половине седьмого вечера и заканчиваются в десять. Посещаемость образцовая, хотя многие ученики живут довольно далеко от школы.

Спокойный голос учителя. Шелест открываемых учебников. Урок идет за уроком, хотя порой слышен рокот американских самолетов. Математика, физика, литература, вьетнамский язык, русский... Нет, проклятый враг не смог истребить школу! Во мраке ночи, среди противоздушных рвов, пересекающих двор, где удобно размещено оружие (чтобы его было легко взять в случае тревоги), — школа действует, борется и живет.

В перерыве, прямо во дворе, в темноте, проводится гимнастическая «пятиминутка». Учителя настойчиво просят меня:

— Пожалуйста, выступите перед ними!

Трудно отказать в такой просьбе, хотя и нелегко найти нужные фразы. Впрочем, подобные затруднения я испытала недавно, непосредственно после бомбардировки города Хатинь — на встрече с группой местной самообороны и на митинге горожан. Самые простые понятия, казалось бы давно уже привычные и знакомые, здесь обретают новый смысл, цену и звучание. Очень весомыми становятся давно знакомые нам слова: война, решительное сопротивление, безграничная вера в победу.

*

Поселок Винькуанг находится далеко от города. Мы — на живописном пляже Куатунг. С высокого обрыва, нависающего над самой водой, открывается чудесный вид на море, на устье реки Бенхай и ее южный берег. Он так близко, что мне хорошо видны здания поста южновьетнамской пограничной охраны, редкий лесок и люди. Казалось бы, рукой подать — переплыви реку и ты там, на Юге.

На водной глади реки Бенхай освещенные солнцем неподвижно стоят небольшие рыбацьи лодки, издали напоминающие морены или скальные обломки. Большие сампаны, возвращающиеся после лова, по-прежнему подвергаются осмотру, как это было и в 1962 году.

Поднятый на мачте синий флаг без каких-либо знаков означает, что сегодня контроль проводится на южном берегу. Через неделю придет черед северного.

Три года назад я видела на этой стороне полицейско

го из числа подручных Нго Динь Дьема; чиновник при-
был сюда для участия в контроле. На сей раз я вижу
там — напротив — две фигуры; одна из них — наш ми-
лицонер в выгоревшем хлопчатобумажном обмунди-
ровании, вторая — сайгонский полицейский в американо-
южновьетнамской форме. Дьемовский режим кончился
после убийства скомпрометированного диктатора оста-
лись только воспоминания и изображения его на мелких
монетах, пока еще обращающихся в Южном Вьетнаме.
Но борьба, вспыхнувшая во время его зверского режи-
ма, разгорелась ярким пламенем и поднялась над го-
рами, как неистребимый огонь *раи*.

...Рыбачьи сампаны спускают паруса и один за дру-
гим подплывают к южному берегу. На каждом сампане —
по пять человек. Один из них, едва борт коснулся
причала, вскакивает, чтобы предъявить документы. Я
смотрю и думаю: та же, что и три года назад, дикая
бессмыслица барьера, разделяющего не только страну
и природу, но, самое главное, людей.

Песчаный ровный мыс напротив полого спуска-
ется прямо в зеленоватое мелководье. Такие же, как и
три года назад, пошлые антикоммунистические призы-
вы, огромными буквами написанные на таких же огром-
ных щитах, стоят на самом краю «того» берега.

Самолет с американскими опознавательными знака-
ми вдруг развернулся и неожиданно снизился, пролетев
над самыми нашими головами. Под пальмами — проти-
вовоздушный ров. Спешим туда. Но самолет взмыл в не-
бо: видимо, просто высматривает легкую добычу...

Издаেকে, с южного берега, отделенного от нас по-
лосой моря и устьем реки Бенхай, докатывается эхо,
напоминающее глухой, но громкий хлопок. Один, дру-
гой, третий... Какие цели ищет и бомбит кружащий над
нами самолет? Может быть, там, вдали, дают знать о
себе партизаны, силу которых этой своей бессильной зло-
бой подтверждает враг?

*

Молодая телефонистка Нгуен Тхи Минь Синь гово-
рит:

— Я тогда дежурила утром, до одиннадцати часов.
Потом ушла домой, то есть в интернат, где живу. Как
долго я работаю по этой специальности? Почти три го-
да. Сама я из деревни этой же провинции. Отец мой
участвовал в Движении Сопrotивления в ту войну, а я
была еще маленькая...

Снова возвращаемся к памяtnому дню страшного налета на Виньлинь. На этот раз я смотрю на события глазами этой сидящей напротив меня девушки — совсем простой и обыкновенной. Волна длинных черных волос спадает на ее плечи, на ней зеленая гимнастерка и резиновые сандалии. Я вижу ее с наушниками на голове, внимательную и сосредоточенную, на дежурстве по телефонному узлу, куда, словно нервы организма, сбегаются нити связи. Мысленно ловлю ее спокойное «Алло! Алло» вперемежку со словами: «Тои нге дай...» («Слушаю вас!»). С безошибочной интуицией и спокойствием девушка выбирает голоса самых нужных абонентов, которых во время боя надо соединять вне всякой очереди. А ведь это не пустяк; работа под вой и разрывы бомб, под трескотню пулеметов и гул самолетов врага... Десятки их кружат над городом, налет продолжается — и все-таки надо работать! Временами в наушниках ничего не слышно — такой грохот и шум стоят вокруг...

— Всем в убежище! — кричит кто-то.

Минь Синь не обращает внимания на эти слова. Впившись глазами в щит коммутатора, она делает свое дело среди пыли и дыма, наполняющих аппаратный зал. Да, совсем недавно, после варварских налетов на Донгхой, рабочие и служащие Виньлиня на специально созванном общегородском собрании поклялись, что, когда придет их черед, каждый останется на своем посту, где он нужнее всего. Но кто тогда мог предвидеть, что день испытания их хладнокровия, отваги и мужества придет так скоро?

Смелая телефонистка работала за троих, не обращая внимания на то, что происходило вокруг. Только внезапный громкий крик радости, когда на линии кто-нибудь докладывал, что сбит еще один стервятник!

*

Нгуен Дык Чи — крестьянин из ближайшего селения, примерно сорока лет, выправка и движения военного человека. Та Нгок Куинь — лет двадцати с чем-то, рабочий с плантации маниоки. Во Вань Минь — восемнадцатилетний парень, худощавый, болезненный. Все трое не задумываясь бросились тушить загоревшийся поблизости дом. Девятнадцатилетняя Нгуен Тхи Мот, худенькая, маленькая, несмелая. На год старше ее, но такая же робкая Нгуен Тхи У. Обе работают на плантациях маниоки. Семиклассник Нгуен Ван Винь и его сверстник

Нгуен Тхо. Мальчики оказали помощь защитникам го рода: перевязывали раненых, гасили «зажигалки»* и бегом таскали ящики с патронами.

Эта группа людей, которым трудно говорить о себе, — участники территориальной самообороны города Винь-линь. Я пристально гляжу на них, прислушиваясь к интонациям их голосов. Простые, добродушные люди — народ! Но в их ответах я нахожу новое значение привычных слов: родина, борьба, победа. Тысячи вот таких же вьетнамцев — крестьяне, мгновенно бросающие работу на полях по первому сигналу тревоги; молодые девушки из санитарных отрядов; подростки, хватающиеся за оружие при первом, еще далеко от рокоте самолетов — встали на защиту священной и древней вьетнамской земли.

На следующее утро мы снова едем на берег реки Бенхай. Я опять гляжу на мост Хиенлуонг. Это единственный в мире мост, который не соединяет, а разобщает страну и народ... Ничто тут не изменилось за три года: два разных флага по-прежнему развеваются на противоположных берегах. словно в кадрах фильма возникают передо мной патриоты Юга, с которыми я познакомилась тогда. Я вспоминаю сводки с фронтов этой борьбы и то, как все эти годы, затаив дыхание, искала на страницах газет новые сообщения с Юга, а порой впивалась в экран телевизора, жадно следя за скупыми кадрами документальных фильмов, отражающих перипетии битвы южан против сайгонских марионеток и их американских хозяев. Эта история борьбы стала неотделимой от моей жизни и всей моей работы. Хотя Вьетнам находится далеко от Польши и отделен морями, он все-таки очень близок мне!

...Рисовые поля сейчас еще более ярко-зеленые, чем три года назад: я приехала на месяц раньше. Дорога ведет прямо к мосту, поднявшемуся над рекой Бенхай. Я долго гляжу на этот внешне ничем не примечательный мост. В то время поездка сюда была для меня самым волнующим эпизодом из всего, что я видела во Вьетнаме.

Теперь я замечаю детали, которые тогда выпали из поля моего зрения: прошлый раз меня интересовал только знаменательный мост... Справа от него река разделяется на два рукава. На южном берегу возведено новое здание пограничного поста. Пагода, которая видна слева от него, превращена в огромный дот: об этом крас-

* Небольшие термические бомбы, вызывающие пожар.

норечиво свидетельствуют пулеметные и орудийные бойницы в его бетонных стенах. Антисоциалистические призывы-транспаранты стали иными по тексту, но остались такими же оскорбительными и наглыми по содержанию — в них явно сквозит бессильная злоба.

С южного берега доносится мелодия известной песенки «Мост на реке Квай». Я вспоминаю свою прошлую поездку сюда. Помню, тогда меня поразила тождественность двух названий — повести француза Пьера Буля (а также созданного по ней фильма) и книги, которая была подсказана мне собственным представлением о жизни Вьетнама и трагедии разделенного народа. Какой надуманной оказалась военная история, описанная в повести Пьера Буля! Воплощенная им в кинокартине, она — по сравнению с подлинной трагедией всей страны и с драмой тысяч людей, разделенных мостом на реке Бенхай — стала фарсом.

...Тем временем на «том» берегу мы вдруг заметили оживление — поднялась какая-то суматоха, беготня. Из здания пограничного поста выбежало несколько офицеров, они лихорадочно стали осматривать наш берег в бинокли. Видимо, их внимание привлекла к себе моя скремная особа.

Я стою под пальмой на берегу реки и с любопытством смотрю на эту беготню. С радостью думаю я о том, что вторая «грязная война» осуждена всем прогрессивным миром... А это значит, что американским империалистам придется уйти отсюда. Мой провожатый тихонько напевает популярную в ДРВ песенку:

На мосту Хиенлуонг я тоскую по тебе.
Слишком уж долго тянется время разлуки...
Кто заставил нас жить вдали друг от друга?
Кто навязал нам тоску и печаль?
Ведь у нас обоих есть лодки и общий путь впереди!
Разве любовь не позволит нам перейти этот мост?..

Парень вдруг обрывает песню и хватает меня за плечо: напротив что-то готовится. Молча покидаем мы берег реки Бенхай и возвращаемся в Виньлин. Там ждет меня короткая остановка в предместье и еще одна встреча. Встреча, в предвидении которой я внутренне подтягиваюсь.

...Мы сидим друг против друга. Длится ничем не нарушаемая глубокая тишина. У этой немолодой женщины с суровым и усталым, сильно загоревшим лицом погасшие глаза и тяжелый взгляд. Натруженные руки вя-

Эти женщины лишь недавно стали грамотными
Но слова «лед», «снег» — им неведомы

ло опущены. Ее имя — До Ку. Вопросы замирают у меня на устах. Боль сжала сердце: как тут вести беседу? Все же, набравшись духу, спрашиваю мою собеседницу о ее дочери — семнадцатилетней До Тхи Минь Хьонг, ученице полной средней школы в Виньлине. Минь Хьонг погибла недавно во время бомбежки.

До Ку с трудом поднимается, медленно выходит в другую комнату, возвращается с фотографией и молча протягивает ее мне. Это единственное изображение дочери, которое осталось у пожилой, убитой горем, женщины. Такие маленькие снимки обычно вклеивают в школьные удостоверения... Полудетское лицо, узкие восточные глаза, косички, открытая улыбка. Одна из многих девушек, стремящихся познать мир, выходящих навстречу жизни, как и другие ее ровесницы в иных странах земного шара. Она чем-то похожа на мою старшую дочь; им ровно по семнадцати...

До Ку начинает говорить. Голос ее звучит глухо, устало. Слова падают тяжело, как непосильный груз. И каждое из них кажется мне вытесанным из большой глыбы.

— У меня было пятеро детей. Теперь их осталось четверо. Минь Хьонг родилась второй. Была здоровой: Вы-

росла большая, сильная, добрая к людям. Отлично училась. Легко заканчивала среднюю школу. Для себя у нее вечно не хватало времени: дома она всегда помогала мне, присматривала за тремя младшими. Очень любила читать...

Женщина смолкает. Пауза затягивается.

— Нет, этого никто не мог бы предположить. Она вышла из дома в самый полдень, после обеда. Высокая, сильная, цветущая... Такая, как здесь! — глаза в бесильной печали впиваются в фотографию. — Вышла и уже больше не вернулась. Нашли мы ее мертвой...

Голос женщины дрожит, прерывается. Пауза. Потом еще несколько слов, как бы насильно исторгнутых из горла, схваченного спазмой нечеловеческого горя, подымающегося из глубины сердца:

— Вот работаю, чтобы не думать об этом... А не могу забыть ее ни на секунду. Разве мать может забыть свое дитя, рожденное в муках и выпестованное вот этими руками?.. Стоит закрыть глаза, как вижу ее снова — живую, красивую, никому не причинившую зла...

Младшая девочка приносит те немногие вещи, которые остались после Минь Хыонг: книжки, тетради, альбом для рисования. В тетради, где записаны домашние задания по вьетнамскому языку, мое внимание привлекло заглавие: «*Нои Тьюен вои Фонг Хиенлуонг*». Минь Хыонг начала писать сочинение на заданную в школе тему: «Беседа с рекой у моста Хиенлуонг».

До Тхи Минь Хыонг не вернулась в тот самый день, который принес траур во многие дома Виньлина. Ее сочинение оборвалось на полуслове, а беседа с рекой Бенхай осталась неоконченной. Продолжение этого диалога можно прочесть на щитах, установленных на северном берегу реки. Аньдам, Бьенхоа, Биньжиа, Плейку — вот названия местностей, где недавно шли горячие бои патриотов Юга с американскими интервентами. Разгром вражеских гарнизонов в этих местах говорит сам за себя. Продолжение диалога, начатого юной Минь Хыонг, — это ежедневные сводки с фронта освободительной борьбы южновьетнамского населения против захватчиков-янки. Это также свет, горящий поздним вечером в полуразрушенных классах частично уцелевшей школы в Виньлине — этом форпосте свободы на 17-й параллели.

Беседа с рекой Бенхай еще не закончена. По обе стороны границы — которой она стала — все сильнее и ярче разгорается пламя справедливой, освободительной борьбы!

Песня сопровождает бойцов

На темном фоне вечернего неба, словно тонкие серые кружева, вырисовываются искусные зубчики и зубцы, венчающие крышу Ванмиеу — Храма литературы. Перед алтарем стоят изящные бронзовые журавли. В металлических держателях зажаты наполовину сожженные прутки благовонных тростинок. С правой стороны, на спинах каменных черепах лежат плиты с надписями, прославляющими мудрость и талант мыслителей и поэтов. Именно в этом храме много веков назад они соревновались на известных некогда литературных турнирах.

Однако Храм литературы — не только памятник, древняя достопримечательность, привлекающая множество туристов. Храм литературы продолжает жить полнокровной жизнью. Тихий и просторный его двор, где дремлют тени прошлого, по вечерам заполнен людьми. Множество зрителей всех возрастов приходит сюда, чтобы посмотреть и послушать концерт коллектива художественной самодеятельности. Когда-то в древности мастера литературы вели в Храме ученые диспуты. Сегодня на фоне красивых декораций звучит лирическая песня, музыка, ставятся остроумные скетчи. Песня, сатира, поэмы — все посвящено борьбе, стойкости, единству народа, его воле к победе...

Я вслушиваюсь в песню, которую исполняют молодые рабочие и студенты. В ней говорится о народном герое Нгуен Ван Чое, осенью прошлого года расстрелянном в Сайгоне. Потом юная студентка певучим голосом читает поэму одного из виднейших мастеров современной вьетнамской литературы То Хыу. В этой поэме речь идет о молодой девушке Чан Тхи Ли, «сестре Ли», подвергшейся зверским пыткам в застенках сайгонских бандитов и их американских «советников». Она чудом уцелела и бежала на Север. Мне вспоминается вчерашняя беседа с героиней этого произведения. Она долго лечилась в Советском Союзе, лежала в одной из московских клиник. Теперь «сестра Ли» снова обрела способность улыбаться, может читать книги, ходить на небольшие прогулки.

Героизм отражается народом чаще всего в песне, в стихах. Я вижу, как чутко реагирует аудитория Храма:

люди слушают в напряженном молчании и живо откликаются на каждое меткое слово, каждый лирический акцент и остроумную шутку, звучащую со сцены. Осматриваюсь вокруг, внимательно гляжу на лица зрителей: что это за люди? Нароботавшиеся за день, уставшие, живущие в нелегких военных условиях, под постоянной угрозой воздушного нападения врага — откуда черпают они свои силы?.. Взгляды, улыбки, жесты — все свидетельствует о том, как нужен им такой вечер. Трудная, неимоверно трудная, фронтовая и прифронтовая жизнь не смогла подавить в них, истребить огромной тяги к культуре.

Борьба, которой сейчас живет весь вьетнамский народ, ведется не только оружием. Это также удесятеренная страстность усилий и самоотверженный труд людей, на любом участке следующих призыву: «Каждый работает за двоих!». Борьба — это еще и песня, поэзия, плакат, газета, карикатура, лозунг и книга.

В феврале этого года, вскоре после первых бомбежек провинций Куангбинь и Виньлинь, в эти места выехали добровольные группы деятелей культуры. Писатели и художники, музыканты и актеры поспешили туда, где людям было особенно тяжело. Тан Нян, молодая певица из Государственного ансамбля песни и танца, маленькая и хрупкая, как миниатюрная статуэтка, рассказывает:

— Небольшими группами в два-три человека мы каждый день выступали по четыре-пять раз. Разумеется, такие концерты не могли быть длительными: тридцать-сорок минут танца, песни и художественного чтения, а затем — дальше! Передвигаться приходилось ночью или перед самым рассветом: вы же знаете, как теперь опасно ездить по нашим дорогам — в любую минуту могут появиться эти ненавистные *май бай ми*... Незабываемы встречи с бойцами, с населением, с людьми, которые по вечерам слушали наши песни, а утром метким огнем отбивали атаки вражеских самолетов! «Песня о реке Бенхай», которая уже давно входит в мой репертуар, обрела теперь какой-то иной смысл, иное звучание, иную силу. Особенно тогда, когда с северного берега этой реки я гляжу на южный, в сторону моего родного селения Куавьет, которое находится вон там, за тем холмом, совсем близко — казалось бы, достаточно протянуть руку... Мне кажется, что снова наступают времена Движения Сопrotивления, словно и не было мирных лет.

В те годы Нян вместе с ансамблем немало поездила по свету. Выступала в Индонезии и Камбодже, в Индии

и Китае, на фестивалях молодежи в Вене и Хельсинки, особенно же успешно — в Москве, Берлине и Варшаве. Но сейчас все впечатления и воспоминания, планы и проекты заслонило великое дело, которым живет ее народ — борьба против интервентов.

— Сразу же после двух первых воздушных налетов мы выехали в подвергнувшаяся бомбежке провинция, — рассказывает Куанг Тхо, большой мастер в области живописи лаком, участник первого Движения Сопrotивления. — Проведя всю ночь в беседах с бойцами народной милиции, я утром стал очевидцем еще одной атаки с воздуха...

Быстрым движением пера и кисти Куанг Тхо запечатлел на листе ватмана схватку группы самообороны с американскими стервятниками и момент падения сбитого самолета типа «фантом».

— О, этого не забудешь! Самолет упал за ближайшим холмом. Сильный взрыв, огромное облако дыма, напоминающее атомный гриб, высоко взметнувшееся пламя, мгновенно охватившее машину... Пилот успел выброситься на парашюте и приземлился неподалеку от места гибели своей машины. Все бегом кинулись туда, чтобы захватить летчика (то был американский офицер Шумахер), а я — чтобы «по горячим следам» успеть запечатлеть этот незабываемый эпизод...

Куанг Тхо унаследовал свое мастерство от отца — он тоже был художником. Второй мой собеседник, Нгуен Тху, который кроме графики увлекается еще и традиционной вьетнамской живописью на шелку, по происхождению крестьянин. В его рисунках и набросках, привезенных из местностей, где прошли наиболее ожесточенные бомбежки американских интервентов, обращает на себя внимание особенно волнующий художника мотив — дети. Вот кисть его запечатлела группу мальчиков: они идут в школу, одежда их прикрыта защитным камуфляжем из густых зеленых веток. Я смотрю на этот набросок и невольно вспоминаю детей в Виньлине, атакованных воздушными пиратами по дороге в школу...

Оба художника внимательно рассматривают репродукции рисунков профессора Варшавской академии художеств Александра Кобздея*, сделанных им в 1954 году на фронтах сражающегося Вьетнама, и подтверждают

* Часть их была тогда же опубликована в журнале «Огонек», а позже — в книге В. Жукровского «Дом без стен», вышедшей в Воениздате.

ют, что в этих рисунках запечатлена святая и волнующая правда тех дней. «История повторяется, — говорят они, — хотя место действия несколько изменилось. Тогда объектом паломничества художников были горные тропы в джунглях северных провинций, а теперь — равнины Дельты и морское побережье».

Наступит ли время, когда сделанные «по горячим следам» наброски можно будет спокойно и не торопясь превратить в зрелое и законченное произведение искусства? Конечно! Но пока нужен даже набросок, запись, художественный штрих, документация. Дважды организованные в Ханое выставки работ вьетнамских художников — результат их поездок по местам бомбежек авиации США — пользовались огромным успехом.

Писатели Вьетнама не отстают от художников: большая группа их также выезжала на территорию провинций Куангбинь и Виньлин. Свои впечатления и наблюдения они отразили в многочисленных репортажах, статьях и стихах, напечатанных в журналах и газетах.

Конец недели. В субботу я еду в городской театр. Некоторое время назад, когда здесь состоялось торжественное заседание по случаю годовщины рождения Владимира Ильича Ленина, зал не вместил и сотой доли желающих. На стенде новинок Центральной государственной библиотеки выставлены недавно вышедшие книги о В. И. Ленине. В читальных залах десятки вьетнамцев склонились над страницами учебников и справочников.

Сегодня Вьетнам, подвергшийся новым военным испытаниям, все силы бросил на оборону. И тем не менее не утратили своей значимости для народа ни книга, ни театр, ни фильм. Писатели, художники и артисты в любую минуту готовы к новым выездам: они хорошо знают — слово, песня, музыка, картина необходимы народу не меньше, чем рис!

Погибшие остаются юными...

За окнами — ночь, через стекла в комнату заглядывают ребятишки и с любопытством разглядывают пришельца из далекой страны. С берега доносится громкое кваканье лягушек и трескучая переключка цикад. На тростниковом потолке замерла и приготовилась к прыжку маленькая ящерица: она охотится на мух. В ярком

свете электрической лампы мне хорошо видны серьезные, сосредоточенные лица людей, прилежно склонившихся над тетрадами. Скрип мела по доске, шелест перелистываемых страниц, спокойный и размеренный голос учителя. Идет урок арифметики.

В группе учеников — все взрослые люди, преимущественно женщины. Одна из них в раздумье морщит лоб и, выписывая под диктовку цифры, плотнее прижимает к себе спящего ребенка. Ей не с кем оставить его, а пропускать занятия не хочется. К доске вызывают другую женщину. Она подходит медленным, усталым шагом, берет мел. На ней старая, потрепанная коричневая блуза, на ногах деревянные сандалии. Под диктовку учителя она пишет:

«Группа территориальной самообороны в первый день сбила три американских самолета, во второй — два и в третий — шесть. Сколько вражеских машин сбила за три дня эта группа самообороны?». И еще задача: «Из отряда народной милиции, насчитывающего двадцать семь человек, одна треть была послана копать противовоздушные щели, а еще два человека — искать выбросившегося на парашюте американского летчика. Сколько человек осталось на постах самообороны?».

Минутное молчание, раздумье. Не так-то легко осваивать арифметику, грамматику и историю, когда уже прошла первая молодость, когда ты (как и эта стоящая у доски сорокалетняя Нгуен Тхи Лю) целый день работала на животноводческой ферме, а дома — пятеро детей...

Мы находимся в предместье Ханоя, именуемом Чайкан, что означает «рыбный квартал». Большинство жителей здесь занимаются рыболовством и огородничеством. Каждый понедельник и четверг (по вечерам) все они учатся.

Такие вечерние занятия я неоднократно видела еще в 1962 году. А вот хватит ли у людей сил теперь, когда война стучится в каждую дверь, когда приходится удваивать и утраивать усилия, когда дома прибавилось хозяйственных забот и любой новый день не обходится без тревог? Да, хватит. Вечерние занятия продолжают, лишь немного сокращены уроки. Народ хорошо понимает, что учеба — это одна из важных форм идеологической работы в борьбе с ненавистным врагом. Впрочем, так было и во время войны против французских колонизаторов 1946—1954 годов.

В бараке, разделенном лишь «плетенкой» из бамбу-

ка, размещены два класса начальной школы. На стене яркая надпись: «Уважай учителя!».

— Как обстоит дело с кадрами? — спрашиваю я у Ле Динь Хиена, который в отделе просвещения Ханоя руководит сектором школ для взрослых. — Раньше, насколько я помню, среди преподавателей курсов для взрослых преобладали студенты средних педагогических училищ.

— Военные условия внесли поправку! — отвечает Ле Динь Хиен. — Правда, острой нехватки учителей нет. По мере возможности они в свободное время ведут курсы для взрослых. Но больше всего мы используем добровольных помощников. Обычно это люди других профессий, которые хотят и умеют учить других. Например, До Динь Хуонг, монтер мастерской по ремонту радиоприемников, еще с 1962 года ведет два первых класса вечерних курсов и в то же время сам заканчивает десятый класс полной средней школы. В соседней комнате сейчас дает урок Нгуен Нгок Хунг — рабочий авторемонтного завода. Учительствует он уже три года.

Как известно, в 1945 году Хо Ши Мин сказал: «Пусть те, кто умеет читать и писать, научат тех, которые не умеют». Теперь это стало традицией. Народ жадно тянется к книге. Учителя — большинство из них добровольцы — работают на общественных началах, без какого-либо вознаграждения. Не надо забывать и того, что борьба за образование идет в стране, ведущей оборонительные бои против вооруженного нападения Соединенных Штатов. И когда вспоминаешь все это, — начинаешь по-настоящему представлять себе, что кроется за лозунгом: «Каждый работает за двоих!», столь распространенным сегодня во Вьетнаме.

В заданиях по литературе, истории, математике и даже в диктантах вольно или невольно отражены нынешний военный быт и его специфика. Так, наиболее частым мотивом в рисунках малышей в детских садах и в первых классах школ стали вьетнамские солдаты и американские самолеты. В сочинениях, которые пишут старшеклассники, словно рефрен, повторяются слова о войне, американской агрессии, обороне страны. В учебниках для взрослых красной нитью проходит мысль о единстве с Южным Вьетнамом и поддержке той справедливой освободительной борьбы, которая разгорается там.

...Входим в здание одной из школ. Она расположена поблизости от центра. Посещают ее преимущественно рабочие в возрасте до тридцати лет. Учебный план — в

объеме средней школы. Побывав на занятиях по математике и физике, мы несколько дольше задерживаемся на уроке литературы. Учитель Нго Фи, молодой человек с живым и выразительным лицом, читает ученикам фрагмент повести Николая Островского «Как закалялась сталь». Она была переведена на вьетнамский язык несколько лет назад, но сейчас стала особенно популярной среди молодежи: идет война.

Просматриваю учебник по литературе. Знакомые имена. То Хыу — современный революционный поэт, Тхань Хай — поэт сражающегося Юга. Три года назад он был в Москве и в Варшаве с делегацией молодежи — одной из первых, которую отправил в Европу Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама. Далее идет Во Ху Там, писатель-горняк, один из наиболее талантливых и интересных представителей современной вьетнамской прозы. Я беседовала с ним несколько дней назад... Наконец, в том же учебнике вижу упомянутый выше фрагмент из книги Николая Островского, где описывается встреча Павки с Тоней. Очень популярна тут и «Молодая гвардия» Александра Фадеева.

— Многие из учеников этой школы стали теперь студентами политехнического института и даже университета, — не без гордости за своих земляков говорит Ле Динь Хиен.

Возвращаясь ночью в гостиницу, я думала: «А ведь мы видели лишь сотую долю того, за что борется народ!». Борьба эта идет и в Северном Вьетнаме, вставшем на защиту родной земли против агрессии США, и в джунглях Юга, где Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама делает в области просвещения не меньше, чем в организации отпора сайгонским марионеткам и американским интервентам.

Народ, который однажды прозрел, становится боеспособным и закаленным в тяжелой борьбе, он сильнее ненавидит врага, крепче и горячее любит свою родину. Эта истина, столь характерная для охваченного всеобщим подъемом Вьетнама, подтверждается каждым новым днем труда. Недаром же полюбившийся вьетнамским читателям Павка Корчагин сопутствует им в повседневной жизни.

*

Каждый день я прохожу мимо самого большого в Ханое книжного магазина. Я люблю заглядывать сюда, чтобы не только полистать новые книги, но и понаблю-

дать за покупателями. Изменились ли интересы вьетнамских читателей в эти трудные для них дни? Какой вид литературы и какие темы привлекают теперь людей?

— Разумеется, изменились, — отвечает на мой вопрос женщина — директор магазина. — Прежде всего в отношении книг и брошюр с Юга — расхватывают в мгновение ока! Очень интересуются произведениями о войне, охотно покупают книги не только вьетнамских авторов, но и переводные. Вот, пожалуйста, — Анри Барбюс...

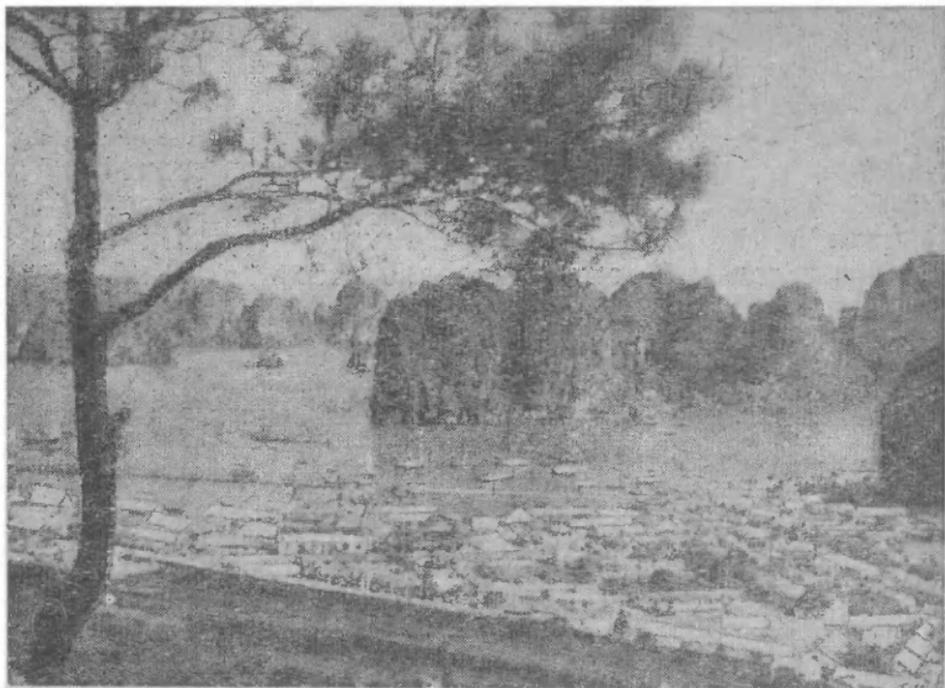
— «Огонь»? — сразу догадываюсь я.

— Да!.. Усилился спрос на повести и романы советских писателей: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Товарищи по оружию» К. Симонова, «Как закалялась сталь» Н. Островского.

О популярности этой книги среди вьетнамцев я уже рассказывала. Теперь, покидая книжный магазин, я знаю и причину популярности Островского и Фадеева. Ведь их произведения — это не просто история; тут правда жизни, тут призыв к борьбе, тут уверенность в успехе правого дела. А это помогает вьетнамцам обретать новые силы и бодрость духа.

✱

Осенью 1964 года на страницах газет всего мира появилось никому прежде не известное имя молодого вьетнамца: Нгуен Ван Чой. Сайгонские марионетки приговорили его к смертной казни за попытку осуществить покушение на министра обороны США, генерала Макнамару. Двадцатичетырехлетний сайгонский электрик предстал перед военным судом. Приговор был predetermined заранее. В последние минуты перед казнью патриот потребовал созвать пресс-конференцию. Ожидая сенсационных разоблачений «коммунистического заговора», сайгонские власти дали разрешение на нее. Стоя напротив взвода карателей, лицом к лицу со смертью, мужественный юноша бросил в лицо палачам бичующие слова обвинения, немедленно переданные в свои редакции представителями западной прессы, жадной толпой сбившимися у места казни. Нгуен Ван Чой сначала выразил глубокое сожаление, что бомба не попала в цель, затем подчеркнул, что готов в случае помилования повторить свою попытку. «Долой американских империалистов! Долой подлую клику Кханя! Да здравствует Хо Ши Мин! Да здравствует Вьетнам!» — в заключение крикнул герой. Бросить обвинение в лицо палачам, стоя

Особенно красив залив Халонг в солнечные дни

на краю могилы, — удел отважных. Тут надо всем сердцем, всей душой верить в правое дело, за которое отдаешь жизнь!

Французская журналистка Мадлен Риффо, посетившая освобожденные районы Южного Вьетнама зимой 1964/65 года, в репортаже, опубликованном на страницах «Юманите», писала о молодежной группе, работающей на печатной машине, укрытой в непроходимых джунглях. «Ударной работой мы должны заслужить право именоваться молодежным коллективом имени Нгуен Ван Чоя» — такое решение приняла группа, о которой рассказала Мадлен Риффо.

Соревнование за право носить имя Ван Чоя с каждым днем обретает все больший размах. Мне была предоставлена возможность побывать на предприятии, которое занимает первое место в благородной борьбе за честь носить имя вьетнамского патриота.

— Завод наш, — рассказывает представитель дирекции До Хунг Ои, — возник на базе небольших мастерских, основанных еще в 1945 году на территории тюрьмы, где французские колонизаторы держали вьетнамских патриотов. Он был первым национализированным

предприятием молодой республики. Но едва успели мы приступить к организации работ, как вспыхнула «грязная война». В 1947 году пришлось оставить Ханой. Мы ушли в глубь джунглей и унесли на собственных плечах ценнейшие, разобранные и тщательно упакованные машины, оборудование и инструменты. А монтировали и пускали в ход свой завод на труднодоступных участках джунглей, в гористой северной части страны. О том, как в неимоверно тяжелых условиях работали мы для нужд армии и сельского хозяйства освобожденных районов, можно рассказывать целые сутки... На рубеже 1953—1954 годов нас очень ободрила весть, что своей работой мы непосредственно участвуем в подготовке великой битвы под крепостью Дьенбьенфу... Вернулись мы в Ханой лишь к концу 1954 года. Перед нами стали новые задачи: начался период восстановления. «Нужны транспортные средства, сельскохозяйственные машины и прочее», — сказала нам партия.

— К тому же, — вмешивается в разговор директор Нго Жиа Лок, — из числа кадровых рабочих вернулись немногие. Часть погибла, а более опытные — так уж сложились обстоятельства — оказались на других промышленных предприятиях. На смену им пришла молодежь. В 1960 году мы начали осуществлять свой пятилетний план... Как он выполняется? Хвастаться нам не пристало, но...

Мой переводчик Доан Фан показывает мне грамоты, дипломы и награды, бережно хранящиеся в кабинете директора.

— Вы, пожалуйста, запишите одну цифру: с 1960 до 1964 года валовая стоимость нашей продукции возросла в восемь раз! Ну, разумеется, помогла современная техника — ее присылали из Советского Союза и других братских социалистических стран. Но прежде всего дело решали люди. Наши замечательные люди!

Август 1964 года. Мирные дела, работа предприятий и... первые грозные сигналы непосредственной угрозы со стороны Соединенных Штатов — известная провокация в Тонкинском заливе. Вокруг завода рабочие копают противовоздушные щели и убежища. Все, кто добровольно вступил в группы самообороны, получают винтовки. Выяснилось также, что некоторые старые доты, оставшиеся еще от французов, вполне пригодны для обороны.

Осень 1964 года. Митинг заводского коллектива. На трибуне двадцатитрехлетний токарь Хоанг Дык Минь,

сын бедного крестьянина. Он призывает своих товарищей начать соревнование в память героя Нгуен Ван Чоя, зверски убитого американскими палачами. Дык Минь говорит:

— Наши братья на Юге не щадят своей жизни во имя свободы. Это доказал Нгуен Ван Чой. Так неужели же мы отстанем?! Каждый час и каждая минута работы, каждая сбереженная копейка и каждое рационализаторское предложение — все на службу родине!

Первыми на этот призыв откликнулись рабочие монтажного цеха. Их примеру последовали другие. Результат сказался довольно скоро: значительно возросла производительность труда, уменьшился простой машин, повысилось качество продукции. В этом была значительная доля труда молодых рабочих, объединившихся в бригады имени Нгуен Ван Чоя.

Мы идем по цехам завода. Записываю короткие биографии:

Чан Ван Нуй. Несмотря на то что ему недавно исполнилось тридцать лет, он «старый боец». Учеником-подростком Ван Нуй ушел в джунгли Вьетбака и уже тогда, в период «грязной войны» 1946—1954 годов, работал в одной из маленьких лесных мастерских, разбросанных по глухим джунглям Севера. Начал Ван Нуй с кузнечного молотка, а потом встал за фрезерный станок. Сейчас он — начальник цеха. Веселый, подвижной, в глазах светится юмор. Охотно рассказывает, как нелегко приходилось в тылу (душой он был на фронте, в армии).

— Не сразу понял, что фронт — всюду. Не думалось о том, что кто-то должен трудиться здесь, чтобы другой мог сражаться на фронте, имея в руках оружие... — говорит он.

Робкая, тихая девятнадцатилетняя девушка Фам Тхи Тхи. Токарь. Родителей потеряла давно. Передовик производства, отличный стрелок, занимается парашютным спортом.

Маленькая, прелестная, как куколка, Чыонг Тхи Хоа. Провела на берегах Сены двенадцать лет, училась в «École Polytechnique Feminine». Недавно вместе с мужем-инженером вернулась на родину, чтобы отдать ей полученные во Франции знания.

Глядя на этих людей, понимаешь и веришь, что слова о замене павших, о работе за двоих — это не просто громкая фраза: за ней большие дела. А ведь этот завод только один из многих в промышленности ДРВ, где при-

зыв Хоанг Дык Миня нашел горячий отклик. Результат движения — сотни тонн угля, добываемого в шахтах Хонгая и Камфа; тысячи метров тканей, выпускаемых ханойской фабрикой «8 марта», десятки тысяч ампул разных лекарств, производимых на фармацевтическом заводе, который я осмотрела вчера... Тысячи юношей и девушек неустанно трудятся во имя того, чтобы у народа было все необходимое для жизни и борьбы против интервентов.

Нгуен Ван Чой погиб на глазах у журналистов, сраженный пулями палачей. Но до сих пор неизвестна судьба молодого профессора-поэта Ле Куанг Виня и студента Ле Хонг Ту. Оба давно были приговорены к смертной казни ныне свергнутыми сайгонскими марионетками. Может быть, их убили тайно, чтобы избежать бурных демонстраций населения? Или держат в тюрьме, опасаясь гневной реакции мирового общественного мнения?

Еще не успело смолкнуть эхо залпа, оборвавшего жизнь Нгуен Ван Чоя, как бойцы Армии Освобождения Юга внезапно атаковали американскую авиабазу в Бьен-хоа.

30 марта 1965 года был организован взрыв у здания посольства США в Сайгоне. А ведь американцы охраняют его не хуже, чем англичане Гибралтар!

4 апреля 1965 года в данангский отель «Бать Данг» была подложена бомба. По каким-то причинам она не взорвалась. Подпольщик Ле Ван Дай, которому была поручена эта операция, попал в руки врага. Сайгонские палачи и американцы подвергли его чудовищным пыткам, чтобы вырвать показания. Марионеточная пресса кричала, что «злодей» скоро «заговорит», что американские власти «развяжут ему язык». Ле Ван Дай был публично казнен через шестнадцать дней. Вопреки расчетам палачей он не изменил родине и никого не выдал. Перед смертью юноша воскликнул: «Да здравствует Хо Ши Мин!».

17 апреля 1965 года в том же Дананге взлетел на воздух американский склад напалмовых бомб. Участники этой диверсии погибли на месте. Патриоты знали, что при любом исходе дела они заплатят своей жизнью, но без колебания пошли на верную смерть.

Каждое утро я с тревогой разворачиваю газету — ищу сообщения о судьбе двух молодых бойцов Движения Сопротивления Юга, схваченных сайгонской полицией во время нападения на посольство в Сайгоне. Нгуен Ван Тана, молодого рабочего-столяра, пытали во время

допроса так зверски, что на суд, в зал заседаний, его внесли на носилках. Приговор был predetermined заранее: расстрел. Его товарищ До Ван Хань получил пять лет строгого тюремного заключения. В условиях сайгонского режима это равнозначно медленной смерти. До Ван Ханю всего двадцать два года.

Огромны усилия вьетнамского народа в эти дни войны. И я понимаю теперь, почему сейчас так особенно близки здешним читателям и краснодонцы, и Павка Корчагин. Глядя на портрет Нгуен Ван Чоя, я часто вспоминаю известные строки великого Маяковского:

Смерть,
 косу положи!
Приговор лжив*.

Тысячи новых добровольных бойцов встают на место тех, что пали. А павшие остаются юными!

Поездка в Хонгай

Три года назад, когда я была здесь в последний раз, над заливом Халонг голубело спокойное небо. Ничто не омрачало нашей прогулки, и мы любовались разбросанными по заливу скалами.

Но между летом 1962 года и весной 1965 года — огромная разница: теперь на залив Халонг легла тень войны. Прошлогодние мелкие провокации американской военщины переросли уже в прямую агрессию США против Севера, и война докатилась до Хонгай. Я гляжу на этот великолепный, внешне не изменившийся пейзаж, и мне трудно поверить, что именно здесь 5 сентября прошлого года, то есть в самую жаркую пору тропического лета, разыгрался первый акт нынешней военной трагедии. Той самой трагедии, за ходом которой с гневом, болью и тревогой следит весь мир.

— Вы спрашиваете: ожидал ли кто-нибудь такого развития событий? — повторяет мой вопрос Ви Тхи Мен, одна из телефонисток, отважно, с необычайным присутствием духа в продолжение всего длительного воздушного налета американцев обслуживающая центральный телефонный узел, обеспечивая бесперебойную связь шта-

* В. Маяковский, *Комсомольская*, Собрание сочинений, т. 6, М., 1958, стр. 35.

ба обороны с постами. — Что вы! Конечно нет! Разве мы угрожали кому-нибудь, тем более Америке?!

Прошло уже полгода со дня первой тревоги в Хонгае, но воздушные налеты не прекращаются. Наоборот: американцы стали теперь бомбить и обстреливать не только Хонгай, но и многие другие города и селения Демократической Республики Вьетнам. И не только днем, но и ночью...

...С моря дует прохладный ветерок. Но улицы Хонгай, отгороженные от берега цепью холмов, пахнут углем и пылью. Жарко... На воде легко колышутся рыбацьи лодки с выгоревшими коричневыми, веерообразными парусами. Я сравниваю их с крылышками мотылька, а мои вьетнамские товарищи более прозаично — с... ушами летучих мышей.

Скрежет угольных комбайнов и скрип кранов резко контрастируют со спокойствием морского пейзажа. Мы находимся на открытых разработках Деонай и Камфа.

— Скоро мы закончим механизацию всех работ. Скажу прямо — очень помогли машины, доставленные из Советского Союза и других социалистических стран! — говорит сопровождающий меня представитель дирекции Нгуен Тыу Тху.

В огромном и глубоком, как пропасть, карьере отчетливо видны черные жилы угольных пластов. Внизу снуют юркие и маленькие транспортные вагонетки. По краям разработок, на самом верху, тянутся бесконечные сети кабелей и проводов силовой линии.

Казалось бы, все как прежде... Но стоит бросить взгляд на щит, мимо которого мы сейчас проходим, как сразу же видишь: плакаты на нем призывают не только к труду, но прежде всего к обороне, к защите от наглого врага. Достаточно посмотреть и на рабочего, когда он спешит на смену: в руках у него обушок, а за плечами — винтовка. Это значит — война близко, рядом. Несколько дней назад опять звучали сирены воздушной тревоги, опять были атаки с воздуха. Особенно яростно американские пираты бомбят маленький островок Батълонгви, расположенный неподалеку от Хайфона.

— Как в военных условиях работают горняки? — спрашиваю у Нгуен Тыу Тху.

— Стараемся увеличить добычу угля. Сделали все, что можно, для защиты людей и, конечно, машин, — отвечает Нгуен Тыу Тху. — Работаем на открытом пространстве, поэтому наши посты самообороны выдвинуты далеко в горы, чтобы успеть вовремя предупредить об

опасности и дать нам возможность подготовиться к отпору воздушным бандитам. Три раза в неделю все мы проходим военную подготовку. В прошлом году мы очень дружно провели трудовую вахту в честь десятилетия победы под Дьенбьенфу. Сейчас опять развернуто соревнование, но под другим лозунгом: «Для Юга». Первые результаты?.. Неплохие. В январе 1965 года мы дали сверх плана 4 тысячи тонн угля. В дни праздника Тет президент Хо Ши Мин поздравил нас с этой победой.

В течение последних десяти лет хонгайские угольщики в восемь раз увеличили добычу антрацита по сравнению с 1955 годом. Любопытно, что самые высокие показатели, когда тут хозяйничали французские колонизаторы (людей тогда заставляли работать десять-двенадцать часов в сутки, да еще по завышенным нормам), были в два раза ниже среднего уровня добычи в данный период.

Беседую с бригадиром Ба Лыу Шон. Невысокий, худощавый, лицо прямо-таки юношеское. Никак не скажешь, что ему двадцать семь лет. Передовик труда.

— Давно ли здесь? На карьер Деонай пришел в конце 1956 года. Хотя я родом из близкого селения, но горного дела совсем не знал — жил в крестьянской семье, а шахту видел только издалека... До того как начал работать в Камфа, был батраком, потом грузчиком, а когда пришел на карьер, — подсобным рабочим...

Как и многие другие, Ба Лыу Шон постепенно проникал в тайны горного производства, изучал машины. Не каждый горняк был тогда склонен делиться с новичком хотя бы частью собственного опыта. Но время шло, и люди постепенно привыкли к новому — изменения произошли не только в методах и стиле работы, но и в характере, в психологии людей. Социалистическое отношение к труду, коллективизм, дружба разрушили давние отношения. В коллективе все было по-иному, все благоприятно воздействовало на умы шахтеров. Прежний новичок стал теперь бригадиром, руководит группой из шести человек. И хотя Ба Лыу давно уже считается квалифицированным горняком, хотя учит других — продолжает учиться и сам.

— Впрочем, учатся многие рабочие и мастера нашего коллектива, — говорит секретарь шахтного комитета Чинь Бинь Тхань. — Мы отнюдь не собираемся свертывать занятия по повышению квалификации или культурно-просветительную работу. Стараемся также облегчить людям их повседневную жизнь: из города Камфа

до карьера Деонай мы подвозим их на машинах, а это избавляет их от тяжелого подъема в гору. Каждый участок имеет свою кухню и столовую, есть больница на двести коек. Неподалеку отсюда мы организовали дом отдыха шахтеров... Сколько еще можно было бы сделать полезного, если бы не эта проклятая война!

— Если бы не война... — как эхо повторяю я.

Небо заволочло тяжелыми дождевыми тучами. Здесь, на большой высоте, они кажутся совсем близкими — то и дело закрывают перевал. Взгляд мой вдруг останавливается на знакомых буквах и фабричной марке: это работают экскаваторы, присланные из Советского Союза. Невольно вспоминается утренняя встреча с советскими инженерами, которые уже много месяцев работают в Хонгайском угольном бассейне. Они передают вьетнамским горнякам богатый опыт и мастерство допбассцев.

Всюду рядом с инструментом или машиной стоят винтовки и лежат камуфлированные каски: хонгайцы не забывают о враге. И я теперь хорошо знаю: если американские самолеты, как и в прошлом году, снова появятся над Хонгаем, их ждет должная встреча. Люди угольного бассейна начеку!

ДРВ, 1965 год

Дорогому товарищу Нгуен Хыу Тхо —
с благодарностью за сердечность
и гостеприимство в джунглях Южного Вьетнама

Часть 3

На той
стороне

На Юг!..

Все это похоже на сон. Сон, который долго оставался несбыточным, но теперь становится явью...

Темная, безлунная ночь. От зарослей бамбука и с земли веет острым запахом сырой, нагретой за день зелени. Все вокруг кажется пустынным, безлюдным... Внезапно тихий оклик — словно тайный сигнал! И вот уже на фоне ночного неба силуэты людей в широких шлемах, покрытых листьями. Кто-то осторожно, но решительно хватая меня за руку, и мы быстро скользим вниз по реке... Сначала вода только по щиколотку, потом доходит до колен... еще выше... Ничего! Теперь я знаю — мы все равно пройдем!

Мы долго бежим сквозь чащобу, по лицу бьют высокие, колючие кусты и ветви деревьев... Скорее, скорее!

Затянувшийся бег наконец переходит в более спокойный марш. Учащенное дыхание постепенно выравнивается, сердце уже не бьет молотом в груди. Звучат приглушенные команды. Ночной светлячок прочертил золотистый зигзаг и пропал в темноте. Еще немного усилий — и вот за поворотом блеснул узкий луч ручного электрического фонарика, осветив сердечную улыбку на лице человека. Он навсегда останется в моей памяти — этот первый южновьетнамский брат. Он тихо произносит:

— Миен Нам!..*

И только тут я отдаю себе отчет: да ведь я уже на земле Южного Вьетнама!

Итак, начало моему «проникновению» на Юг положено. После короткого отдыха мы выступаем в многодневный поход. Калейдоскоп ярких впечатлений заставляет начисто забыть о календаре — некогда следить за ним! То и дело меняются пейзажи и обстановка... Трудно, просто невозможно запомнить не только названия, но даже сосчитать все эти реки, речушки и потоки, которые мы преодолеваем либо по шатким бамбуковым мостикам, либо вброд. Очертания невысоких холмов сменяются нагромождением горных вершин и скал. Тропическая жара уступает место высокогорному холоду и пронизывающему ветру. За зеркальными квадратами рисовых полей начинаются непроходимые джунгли.

День за днем продолжается наш марш. Каждая ночь — в ином месте. Крепко засыпая после дневных

* Юг, южная часть (вьетнам.).

переходов, я ощущаю лицом то шершавую поверхность циновки из рисовой соломы, то скользкие прутья бамбуковых нар, то гладкий нейлон гамака, сделанного из трофейного американского парашюта. Но и ночевки у нас тоже разные — то мы в горах, где дышится легко, то в лесу, под проливным дождем, который барабанит по «крыше» из растянутого надо мной прозрачного пластика...

Спокойные и доброжелательные лица вьетнамцев, которых мы встречаем на пути, протянутые для дружеского пожатия руки. Меня и тут, на Юге, называют по-вьетнамски — «старшая сестра». Да и сама я довольно часто добавляю: «*То Ба-лян той санг дэй*» («Я приехала из Польши»).

*

Страницы моей походной «книги джунглей» постепенно заполняются записями. Увы, еще не все имена ее героев можно открыть европейскому читателю — ведь эта книга пишется на юге сражающегося Вьетнама. К тому же я не искательница приключений и не поставщик сенсаций, а военный корреспондент из лагеря социализма. Каждый из нас должен помнить: враг здесь всюду. Но несколько фактов, записанных во время марша, я хотела бы теперь же сообщить всем честным людям мира, которые внимательно следят за сообщениями печати и радио, кино и телевидения — за событиями, начинающимися мужественным и трагическим словом: Вьетнам.

Один из сопровождающих меня в этом долгом походе молодой боец присел на камень возле костра. На левой руке у него только два пальца. Однако, несмотря на такое увечье, он отлично ведет велосипед по трудным тропинкам в джунглях и может справиться даже с мотоциклом и машиной. Рассказывая мне свою биографию, он все время подчеркивает, что в ней нет ничего исключительного. Вот уже шесть лет он участвует в боях Армии Освобождения Южного Вьетнама, был солдатом в прославленном батальоне «Плайя Хирон»*. Несколько раз ранен. Самое тяжелое ранение получил в 1961 году в бою против сайгонских парашютистов: пули врага изуродовали его лицо и повредили руку. Началась гангрена.

* Этот батальон был создан НФОЮВ в знак солидарности южновьетнамского народа с Кубой.

Пришлось ампутировать три пальца левой руки. Подлечившись, боец вернулся в строй.

— Я еще пригожусь! — твердо говорит он.

Молоденькая связистка, мужественно выдерживающая нелегкий многокилометровый путь, преодолевая робость, свойственную южновьетнамским девушкам, рассказывает:

— Мне было девять лет, когда родители отдали меня в услужение. Богатый купеческий дом в Сайгоне, семья из семи человек, большая вилла. Приходилось делать все, что прикажут. Ты спрашиваешь, дорогая старшая сестра, умела ли я в этом возрасте стирать, убирать, готовить?.. Нужно было уметь — ведь мой заработок был очень нужен родителям и всей нашей семье. Отец работал на плантации каучука простым кули... Жили мы в большой нужде. Нам дорог был каждый пиастр... Вставала я в четыре часа утра, а ложилась в одиннадцать вечера. Спать приходилось в кухне, на голых досках, вместе с хозяйским псом... Школа?! Да кто же мог думать о ней в моем положении! Школы существовали только для богатых...

Да, моя собеседница не могла посещать школу ни в Сайгоне, ни позже, когда после шести лет тяжелой каторжной работы у купца вернулась в деревню, чтобы вместе с отцом и матерью — двумя бедняками, едва существующими на мизерную плату, — работать на плантации каучука. Учиться она смогла лишь много позже, когда оказалась в освобожденной зоне...

В пути я не раз спрашивала у своих молодых спутников из охраны, не противились ли их родители тому, что они, такие еще юные, уходили в партизаны? Не боялись ли старики, что их дети подвергнутся страшной опасности и лишениям, участвуя в Сопротивлении? Но ответы были одинаковыми. Родители поддерживали решение своих детей, собирали их в дорогу и напутствовали: идите туда, где действует Национальный Фронт, где осуществляется его власть. Южновьетнамские патриоты стремятся не допустить, чтобы их сыновья служили в армии сайгонских марионеток, а дочери бродили по улицам больших южновьетнамских городов в поисках работы. Теперь каждый патриот Юга знает, что участие в Армии Освобождения — это не только винтовка или автомат, но и книга, не только бои, но и систематическая учеба, а также овладение профессиональными знаниями! Словом, Фронт Освобождения — это новая, лучшая жизнь.

...Река Бенхай, искусственно разделившая народ и страну, где-то в стороне, за сотни километров. Мы все дальше уходим в глубь джунглей. Здесь на каждом шагу — земля сражающегося Южного Вьетнама, земля патриотов и героев.

*

Вокруг — непроходимые леса. Деревья ничем не напоминают наши, всюду невероятная путаница зелени и кустарника. Густые кроны пальм, петли лиан, поваленные бурей стволы, толстые узлы корней на каждой тропке. Джунгли звенят тысячами голосов. Ни на минуту не стихая, днем и ночью разносится птичий щебет и трескотня цикад. Нет недостатка и в иных звуках — то и дело слышится рев и свист проноссящихся над нами вражеских самолетов. Хижина, в которой я живу, открыта всем ветрам, стены ее сплетены из молодых побегов бамбука, а крыша сложена из длинных, коричневого цвета листьев дерева *чунг гуан*. Эти листья, даже высушенные, имеют особое свойство: их не берет огонь.

Я уже знаю многочисленные уголки и закоулки этого лесного хозяйства: кухня и курятник, в котором на рассвете хлопают крыльями и как-то непривычно тонко поют местные петухи; столовая, где мы питаемся; зал для собраний. И все это — «дома без стен», прикрытые густой, плотной массой зелени.

Жизнь в джунглях, где идет война, очень проста и сурова. Она имеет свои законы, которые надо строго соблюдать. Вблизи наших хижин зигзагами тянутся незаметные сверху траншеи, куда надо стремглав прыгать, как только ненавистные американские самолеты начинают снижаться для обстрела или бомбежки. В этом случае я должна иметь под рукой самые необходимые мелочи, а среди них — блокнот, фонарик, сандалии из куска автопокрышки и транзисторный приемник, который обеспечивает мне связь с остальным миром.

Наступил период дождей: на нас часто обрушиваются неожиданные ливни, однако после них становится легче дышать. Но потом в душном и каком-то липком воздухе снова долго стоит невидимая и неподвижная пелена гнетущего зноя. Но у этой поры есть очень важное для нас качество: она благоприятствует боевой деятельности вооруженных сил Национального Фронта Освобождения. Каждый день я слушаю утренние и вечерние сводки, в которых то и дело повторяется название места одного из

Как и в 1946—1954 годах, партизаны опять идут в бой против чужеземных захватчиков

сражений, — Донгсюай. Оно наверняка войдет в историю этой войны. Знакомый сигнал южновьетнамской радиостанции «Освобождение» (а сигналом этим служит первая строка боевой песни НФОЮВ — «Вперед — за свободу Юга!») мы слышим девять раз в сутки.

Мне очень по душе все эти люди. Я познакомилась с ними совсем недавно, но они стали мне близкими с первых же минут пребывания на земле Южного Вьетнама. Мы ведем долгие беседы при тусклом свете маленькой «партизанской лампочки» или за чашкой терпкого ароматного чая, и я вижу: они сознательно, добровольно выбрали себе этот тяжкий путь неравной борьбы с агрессором. Борьбы, которая все расширяется и усиливается...

Я только что вернулась с собрания большой группы политработников. Там были пожилые и совсем юные партийцы. «Пожилые» — это начиная с сорокалетних. Многие из них участвовали еще в первом Движении Сопротивления. Тут я хотела бы напомнить читателям, что сейчас на Юге существует второе Движение Сопротивления. Первое Движение Сопротивления возникло во всем Вьетнаме — на Севере и на Юге, — когда

страна еще была едина и когда французские колонизаторы в декабре 1946 года предательски напали на признанную ими же Демократическую Республику Вьетнам. Это Движение Сопротивления длилось восемь лет (1946—1954) и закончилось подписанием Женевских соглашений. Второе Движение Сопротивления организовалось в 1956 году, когда в результате предательства сайгонских марионеток и натиска американских империалистов надежды на новую, мирную жизнь в воссоединенной отчизне окончательно развеялись и Женевские соглашения были растоптаны Соединенными Штатами. Борьба сейчас протекает в еще более трудных условиях, чем это было прежде, одиннадцать лет назад. Но она крепнет с каждым днем, с каждым часом, обретая размах и реальную силу.

Много интересных людей встретила я в этой поездке. О каждом хочется написать, но... действуют условия фронта и конспирации. Все же об одном я расскажу.

Вот инженер Т. Высшее образование получил в Париже. С делегацией вьетнамских деятелей культуры приезжал в Польшу, на Всемирный конгресс защиты мира в 1950 году. Не раз был арестован, подвергался пыткам. Это представитель среднего поколения деятелей Сопротивления. Закаленные и мужественные люди, они не раз смотрели смерти в глаза и привыкли к постоянным опасностям. На всех тут одинаковая одежда, черные брюки и черные блузы. Так одеваются южновьетнамские крестьяне (и мне пришлось надеть такой же костюм). А рядом с этими патриотами уже растет новое поколение, готовое вступить в борьбу.

Завтра мы отправляемся дальше. Нам снова предстоит долгие пешие переходы по лесной глуши, прорезанной ленточками и петлями тайных партизанских троп. Тихонько потрескивает маленькая керосиновая лампочка, о которую бьются длинокрылые термиты. Внезапный свет электрического фонарика вспугивает огромных пауков, они разбегаются по твердому глинобитному полу, торопясь забиться в угол. Я опять возвращаюсь к тому, о чем подумала в первый же день пребывания на земле Южного Вьетнама: какое счастье для писателя оказаться на священной и легендарной земле, какая великая честь делить с этими людьми тяготы их жизни и борьбы!

Ничто им не поможет!

Сердечная улыбка, крепкое рукопожатие, быстрый и пронзительный взгляд темных глаз, посеребренные временем виски... Я знаколюсь с председателем ЦК Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама Нгуен Хыу Тхо. Он спрашивает, как я добралась, все ли в порядке, как здоровье, как подвигается работа?

Я внимательно слежу за его речью (он безупречно владеет французским языком) и думаю... о его жизни.

Видный юрист, он после учебы во Франции вернулся в родной Сайгон. Во время первой «грязной войны» его арестовали и долго держали в тюрьме за участие в патриотической демонстрации против непрошеного «визита» американских военных кораблей, прибывших на помощь французам (сайгонские марионетки бросили Тхо за решетку вскоре после заключения Женевских соглашений). Прошли долгие годы, прежде чем выступления и борьба мирового общественного мнения и силы нового Движения Сопrotивления вырвали из мрачных застенков многих политических узников. Среди них был и Нгуен Хыу Тхо. Когда же в 1960 году был создан Национальный Фронт Освобождения Южного Вьетнама, Нгуен Хыу Тхо был единогласно избран его руководителем.

Разумеется, в беседе с председателем мы касаемся нынешней обстановки в Южном Вьетнаме и наиболее важных проблем, связанных с борьбой южновьетнамского народа против американских агрессоров — борьбой не только военной, но и политической. Меня интересует, каковы, по мнению Нгуен Хыу Тхо, характерные особенности данной обстановки, что изменилось по сравнению с прошлым годом?

— Американцы окончательно сбросили маску, — отвечает Нгуен Хыу Тхо. — Теперь они уже больше не говорят о каких-то «советниках» США. Пресловутая эскалация проявляется в усилении варварских налетов на Север нашей страны и в резком увеличении поставок Сайгону американского оружия и снаряжения, а также в посылке войск. Враг не брезгует никакими средствами в этой «грязной войне», он использует весь арсенал современного оружия — кроме разве атомной бомбы. Американские империалисты, стремясь «интернационализировать» свои вооруженные силы, перебрасывают на нашу землю новозеландские, австралийские и даже южно-

корейские воинские части. Враг тратит четыре миллиона долларов ежедневно на ведение этой «грязной войны». США пытались стабилизировать каждое очередное марионеточное правительство в Сайгоне, но все эти попытки окончились крахом. И вот теперь они вернулись к военной диктатуре...

— Значит, война затягивается?

— Мы отнюдь не сторонники войны! — решительно заявляет Нгуен Хыу Тхо. — Мы хотим мира. Прочного, длительного мира, основанного на независимости, демократии, нейтральности. Мы многократно подчеркивали это. И за такой мир будем сражаться до полной и окончательной победы. Войска Соединенных Штатов должны уйти из нашей страны! Они пришли на нашу землю как агрессоры и грабители... И не помогут им самые современные виды оружия, в том числе и «летающие крепости» типа Б-52. Не помогут им и наемники других национальностей — вкуче с бывшими эсэсовцами и гестаповцами, которых марионеточный «маршал» Ки, сторонник и последователь Гитлера, вместе со своими американскими хозяевами стягивает ныне в Сайгон. Южный Вьетнам сражается. Сражается весь народ. И силы Армии Освобождения непрерывно возрастают...

— Каковы эти силы, их особенность?

— Они растут количественно и качественно, — говорит Нгуен Хыу Тхо. — В 1964 году нами разгромлено восемь батальонов противника, а лишь за первую половину 1965 года уничтожено двадцать два батальона врага (в том числе четыре резервных) и несколько специальных, отборных частей — таких, как парашютисты, морская пехота и т. д. Некоторые из вражеских батальонов были побеждены силами всего нескольких рот Армии Освобождения. Разбиты также превосходящие силы противника, находящиеся в укрепленных фортах или на защищенных фортификациями позициях и поддержанные артиллерией. С каждым днем растет сила и боевое мастерство частей Армии Освобождения, множатся успехи партизан и местных групп самообороны в селах...

В справедливости слов Нгуен Хыу Тхо я убедилась во время поездки по южновьетнамским селам, где все — от мала до велика — готовы к борьбе. Не только регулярные части НФОЮВ, но и местные группы самообороны располагают теперь хорошим арсеналом средств. Против врага используется различное оружие — начиная с самого простейшего и кончая наиболее современным, трофейным. Армии и народу благоприятствует здесь

все: климат, джунгли, болота, заросли, рисовые поля. Солдаты и партизаны у себя дома, они знают тут каждую тропинку.

— Дезертирство из армии противника, и прежде довольно частое, сейчас стало массовым, — продолжает Нгуен Хыу Тхо. — За первые три месяца этого года из нее бежало около 20 тысяч солдат. Несмотря на постоянные облавы в городах — на улицах, в кино, в домах, — несмотря на драконовские меры, к которым прибегают сайгонские марионетки, с каждым днем резко уменьшаются их людские резервы. А тем временем наши вооруженные силы перерезают коммуникации врага, его железнодорожные линии и стратегические шоссе, парализуя передвижение частей врага...

Время «грязной войны» особенно болезненно сказалось на южновьетнамских городах. Безработица, нищета, дороговизна — вот что принес с собой сайгонский режим городскому населению. Цены на такие продукты, как рис и соль, резко возросли по сравнению с прошлым годом: рис подорожал вдвойне, а соль — в пять раз! И все это происходит на Юге, который всегда был одним из главных экспортеров риса!

— Мы делаем все, что в наших силах, — продолжает Нгуен Хыу Тхо, — чтобы жизнь крестьян на территории освобожденных районов, даже в тяжелейших военных условиях, становилась лучше. В руки крестьян уже передано свыше двух с половиной миллионов гектаров земли! Даже в занятых американцами городах все сильнее нарастает Движение Сопrotивления. Все чаще звучат голоса протеста против «грязной войны», за уход американцев из нашей страны. Эхо таких выступлений прокатывается по всему Южному Вьетнаму. Инициатива тут нередко принадлежит различным кругам интеллигенции — даже той, которая до недавнего времени стояла в стороне от основной борьбы.

*

Я передаю Нгуен Хыу Тхо эмблему Народной Польши — серебряного орла, а также несколько экземпляров «Трибуна люду» с сообщениями об успехах освободительных сил НФОЮВ и три польские книги, пронесенные мною через джунгли.

А затем состоялась совсем уже неофициальная и сердечная беседа о Польше, о традициях освободительной борьбы. Председателя ЦК НФОЮВ окружила группа

молодежи. Я гляжу на вывешанные поблизости флаги и с волнением думаю о том, что летом 1965 года мне посчастливилось побывать в освобожденных зонах Южного Вьетнама..

Хождение детей по мукам

Позади — долгие часы трудного пути через джунгли. Под ногами — едва различимая тропинка. Когда спереди, от головы колонны донесется предостережение: «Кхом!» — надо наклониться, а то ветки хлестнут по глазам.

Небольшой ручей, полный бурой воды, широко разлился после дождей, на нем пузырится грязная пена. Осторожно ступаем по мостику из двух узеньких, словно смазанных салом бревнышек. Головы у всех тщательно обвязаны платками, брюки закатаны до колен: под листьями притаились пиявки конят. Их легче заметить и сбросить, если ноги обнажены. Тогда можно не дать им впиться в кожу. Кто-то из идущих сзади останавливает меня предупредительным возгласом.

— Конят!

Действительно: одна уже сидит на икре, вторая еще крутится на ремешке сандалии. Укус такой пиявки не так болезнен, как, скажем, укус скорпиона, но кровь из ранки сочится долго, и остановить ее не так-то легко...

*

Постепенно лес редет. Издалека все явственнее доносится шум голосов. Нас встречают две молодые женщины, одетые в такие же, как на мне, черные широкие брюки и свободные блузы.

Затем тропинка становится шире. Поворот — и перед нами открывается широкая поляна с построенными на ней шалашами. Нас сразу же окружает толпа детей. Возгласы, смеющиеся личики, доверчиво протянутые ручки. Мальчики и девочки восьми, десяти и двенадцати лет... Приветственный шум и крики, среди которых я сразу различаю два слова: «Ба-лян» и «Ма»...

Я вдруг перестаю быть писательницей из далекой страны: просто я снова мать двух девочек. Сейчас они готовят школьные уроки, как и тысячи их ровесниц в Польше, Советском Союзе и других странах Европы...

М. Варненска (в центре) среди дикторов радиостанции «Освобождение» в зоне «Д»

— Ма! Ма!..

Июнь в большинстве европейских стран — это месяц окончания учебного года. А тут в одной из только что открытых школ я попала на торжество... начала занятий! Дело в том, что школы на Юге функционируют в специфических условиях, во многом отличающихся от наших. Волнение перехватило мне горло, когда я услышала хор детских голосов, поющих перед знаменем НФО песнь-гимн фронта — гимн, который всюду сопровождал меня во время поездки по Южному Вьетнаму:

Вперед за свободу Юга,
Мы вместе все решительно пойдём!

Уже вечер. Ливень хлещет тут же рядом, — хотелось бы сказать «за стеной», но мы находимся в «доме без стен», и только временами вместо них вешают пластиковое полотнище. Длиннокрылые термиты назойливой и бесцеремонной стаей набиваются внутрь шалаша, бьются о лампу. Перед собравшимися — а среди них дети, местные крестьяне, мои спутники и я — выступает молодая женщина. Глаза у нее блестят болезненно, лихора-

дочно, голова покрыта клетчатым платком, лицо измучено, черты его заострились. Это — руководительница школы Чанг. Участница первого Движения Сопротивления, она была в 1956 году арестована ищейками Нго Динь Дьема, заключена в сайгонскую тюрьму, а потом брошена в мрачный лагерь смерти на острове Пуло-Кондор. Через семь лет этого страшного «хождения по мукам» ее выпустили. У нее были отбиты легкие и вообще разрушено здоровье. Но Чанг снова вступила в борьбу. Сейчас она учит и воспитывает детей. От двух ее собственных — давным-давно нет никаких вестей...

Незадолго до нашего прихода у Чанг был приступ тропической малярии, но она поднялась, чтобы выступить с речью на открытии школы. Чанг отказалась поехать лечиться за границу: здесь ее родная земля, а на острове Пуло-Кондор находится ее муж, давно арестованный и приговоренный к расстрелу. Смертный приговор заменен ему пожизненным заключением. На этой земле нужен и ее труд — идет борьба с врагом. Завтра Чанг отвезут в одну из лесных больниц, но сегодня она должна говорить со своими учениками...

Сидя на школьной скамейке, совсем близко от Чанг, я с болью гляжу на ее запекшиеся от лихорадки губы и мысленно спрашиваю себя: когда же эта исстрадавшаяся женщина услышит слово «ма», произнесенное ее собственными детьми?

В шалашах без стен размещаются школьные классы, учительская комната и кабинет директора. (Больную Чанг заменит влюбленный в свое дело педагог Минь: он уже десять лет участвует в Сопротивлении. С того самого дня, когда Минь ушел в джунгли, он ничего не знает о судьбе своей жены и единственного ребенка). В таких же шалашах и «жилые помещения»: здесь стоит простейшая мебель из бамбука, сделанная руками старших учеников и учителей. В «зале собраний» висит портрет «отца Хо». Легче всего было оборудовать «гимнастический зал» — его заменили лестнички, трапеции и кольца, развешанные на деревьях. Ребят не приходится уговаривать: они готовы показать гостю из мира социализма все свое мастерство и ловкость.

Всюду образцовая чистота и порядок — как в школьных, так и в хозяйственных помещениях. Особенно приятно смотреть на кухню, куда меня привело обычное женское любопытство.

Рассматриваю тетради, карандаши и отпечатанные на гектографе учебники. Среди самых дорогих для ребят

вещей — фотографии и письма родителей. Многие из этих детей давно не видели отцов и матерей, нет известий и от других близких, участвующих в борьбе против американских агрессоров. В трудной и без того работе учителей бывают такие трагические моменты, когда приходится вызывать ученика или ученицу и говорить им правду о гибели родителей, павших на поле битвы или замученных в тюремных застенках сайгонскими и американскими палачами...

На следующий вечер около шалаша вспыхивает костер. Мечущиеся отблески пламени освещают не по годам серьезные и сосредоточенные лица детей, которые расселись вокруг меня. В эту пору пылают десятки и сотни костров в пионерских лагерях на Балтике и в Татрах, в Крыму и на Кавказе. Но тут, в этот поздний час, сидя у «костра» джунглей, я торопливо записываю еще не остывшие воспоминания детей, вырванных из сайгонского ада. Тонкие детские голоса повествуют о таких фактах, о таких зверствах, каждое из которых невольно хватается за сердце клещами ужаса и гнева...

Я слушаю ребят и невольно думаю о минувшей войне. О детях из Варшавы и Лодзи, из Сталинграда и Ленинграда, из Орадура и Лидице... Нет, мы не забыли тогдашних трагедий детей, которых отнимали у родителей и убивали у них на глазах или сжигали в лагерных печах! Мы поклялись тогда, что это никогда не повторится, что мы сделаем все, чтобы не допустить новых мук и страданий!..

Наивные! Мы думали, что гитлеровская Германия достигла вершины варварства и в морально-этическом отношении пала так низко, что ниже нельзя. Оказывается, мы ошиблись: американские варвары показали себя весьма и весьма «понятливыми» и «способными» учениками фашистов: не исключено, что в зверствах они вскоре превзойдут своих духовных учителей...

На мгновение перед глазами встает прошлое. Слова, знакомые мне по годам фашистской оккупации, — облава, арест, казнь, — обретают новое звучание. На этот раз в устах вьетнамских детей...

*

Мальчик, имя которого, Хоа Бинь, по-вьетнамски означает «мир», родился в провинции Бенче. Название этой «бунтарской» провинции, с которой не могли справиться даже нгодиндьемовские каратели, а затем и их

многочисленные преемники, — мне хорошо известно. Отличная провинция!

Просто не верится, что Хоа Биню уже тринадцать лет: такой он маленький и худой. Ему нельзя дать больше девяти. В его глазах застыла тень недетской печали. Выслушав страшное повествование Хоа Биня, я больше уже не удивляюсь его виду.

— Мы жили в деревне... — тихо рассказывает Хоа Бинь. — Сначала сайгонские палачи искали отца, потом арестовали маму, а с нею и меня... О, тогда очень много людей взяли в нашей деревне! В тот день в тюрьму бросили еще пять соседок. Восемь месяцев нас держали в одной камере. На допрос вызывали обоих...

— Сколько тебе лет было тогда? — спрашиваю я.

— Семь...

Спрашиваю: помнит ли он подробности ареста и долголетнего заключения? Разумеется! Такие события оставляют в душе ребенка незаживающий след...

— Били, сильно били! — вздрагивая и торопясь, говорит Хоа Бинь. — Но еще хуже был электрический ток... Сперва ее избивали одну, потом взяли и за меня, били у нее на глазах... Было очень больно... Я кричал, плакал, но так и не сказал, что в нашем доме происходили собрания, и мама тоже ничего не сказала... Допрашивали днем и ночью... Как-то маму при мне подвергли особенно жестокой пытке... Я не выдержал и закричал: «Оставьте ее, не бейте, это моя мама!». Тогда американский офицер пинком вышвырнул меня на двор... Но мама и в тот раз ничего не сказала!

Мальчик умолк. Я гляжу на его внезапно постаревшее лицо и уже не смею больше спрашивать... От своих спутников узнаю, что этого мальчика-старика выпустили из тюрьмы несколько раньше, чем мать. О нем сначала заботилась бабушка, потом он попал в освобожденную зону и теперь ходит в школу. Мать его приехала сюда значительно позже, сейчас она работает здесь, хотя очень больна после жестоких пыток.

...Четырнадцатилетняя худенькая Нгок, с робким взглядом и мягкими, красивыми чертами лица, приехала из провинции Тайнинь. Отца не помнит. По рассказам родных, знает, что отец вынужден был скрыться, но однажды сайгонские жандармы выследили его, окружили, и в завязавшейся перестрелке он был убит.

Маленькая, хрупкая, с тяжелой копной черных волос, мягкой волной спадающих на спину, девочка говорит тихим певучим голосом, словно декламирует меланхолическую балладу, а не рассказывает о собственной тяжелой жизни. Отблески пламени костра, в который кто-то только что бросил охапку сухих ветвей, вырвали из темноты суровое и сосредоточенное лицо моего переводчика, тщательно и бережно переводящего с вьетнамского на французский каждое ее слово. Я внимательно слушаю и стараюсь не упустить ни одной детали.

— Бабушка потом говорила мне, что мама словно что-то предчувствовала. В нашем доме был тайник, куда она — за день или за два до смерти — спрятала деньги и важные бумаги. А в нашем доме часто бывали собрания, сюда приходили люди, которые совещались по каким-то важным делам. Мы — я и моя младшая сестричка — крепко помнили, что об этом никому-никому говорить нельзя! Теперь-то я знаю, что в нашем доме собирались политические работники...

В организацию проник провокатор. Местный житель, хорошо знавший в деревне всех, он указал сайгонским жандармам хижину крестьянки, у которой собирался актив.

— Пришли они днем. Я как раз была в школе... Потом бабушка подробно рассказала мне все... Маму за волосы выволокли из дома. Кричали на нее: «Ты принадлежишь к Вьетконгу! Таких надо убивать, как собак!»... И убили...

Смолкли высокие, пронзительные трели цикад-гигантов. Монотонно стрекочут сверчки. Иногда где-то в ветвях сонным щебетом отзывается дремлющая птичка. Дождь прекратился. Весело потрескивает огонь костра. Слова детей, рассказывающих об этом своем «хождении по мукам», как тяжелые камни падают в тишине тропического вечера...

*

Теперь мы слушаем историю тринадцатилетнего Тана из провинции Чавинь. Он потерял сначала отца, а вскоре и мать. Твердо помнит дату смерти отца — накануне в Южном Вьетнаме был объявлен так называемый закон гильотины, то есть навязанный стране декрет Нго Динь Дьема за № 10-59, согласно которому в Южном Вьетнаме вводились полевые суды.

— К нам пришли ночью, — тихо говорит Тан. Спокой-

Эта девушка бежит от сайгонских карателей, унося на плечах больную мать...

ствие и суровость этого ребенка действуют на нас сильнее, чем если бы он плакал и стонал. — Глубокой ночью... — повторяет он. — В нашей деревне тогда шли повальные аресты. Мало кто из жителей вернулся назад...

Со многими арестованными палачи расправились на месте. В их числе оказался и отец мальчика.

— Они вытащили его за ноги и убили возле порога. Потом отрубили ему голову, разрезали живот, вынули печень и съели ее...

Короткая пауза. Перехватило дыхание. Не могу, не смею поднять глаз, язык не поворачивается задать вопрос — передо мной сидит маленький, юный очевидец одного из самых варварских обычаев. Обычая, которому

потворствуют американцы и в существование которого долго не хотела верить «цивилизованная» Европа: убийцы вскрывают брюшную полость расстрелянных патриотов, извлекают оттуда печень и поедают ее!..

— ...Маму бросили в тюрьму вместе с маленьким братиком, которого она держала на руках... Меня увел с собой старший брат; ему тогда было тринадцать лет... Еще когда жив был отец, жандармы часто навевались в наш дом, искали его и грозили маме, что посадят ее. После ареста ее страшно мучили. Потом она ненадолго вернулась домой...

Над родным селом американские самолеты распылили отравляющий порошок, чтобы поразить людей и уничтожить посевы...

— Были такие дни, когда от этой отравы умирало по два-три человека, — вспоминает Тан. — Этот порошок вызывал мучительную кровавую рвоту... Но тяжелее всего досталось нам, детям. Я помню маленького соседского мальчонку — здоровенький такой, веселенький был. А как распылили этот дьявольский порошок, через два дня малыш скончался — кровью его рвало, посинел весь...

Снова невыносимо тяжкая пауза.

— А у вас в селе была школа? — как можно спокойнее спрашиваю я, хотя из горла у меня рвется крик боли

— Да, — отвечает Тан, — целый год была... Но американские самолеты сожгли школьный дом. А потом, когда наших отравили, уже никто и говорить не хотел об учебе...

— А что же случилось с твоей мамой?

— Из тюрьмы она вышла живая, только очень слабая и больная после пыток. А когда надышалась порошка, то умерла — у нее легкие еще в тюрьме были отбиты...

Благодаря помощи старшего брата Тан добрался до освобожденной зоны и теперь учится, а самый маленький, третий, брат определен в «лесные ясли».

*

Одиннадцатилетний Кунг из провинции Тайнинь попал в эту «лесную школу» всего полгода назад. Нет, он не забыл жестокостей сайгонских палачей, творивших расправу, в селе, где Нинь жил раньше, — в уезде Лонгкхань. Он помнит все детали карательной экспедиции: она нагрянула зимой 1964/65 года. Экспедицией этой командовали американцы.

Забегая вперед, хочу сказать, что мне потом довелось беседовать с бывшими нгодиньдьемовскими офицерами, давно уже ставшими активными деятелями Национального Фронта Освобождения. Многие варварские дела сайгонских карателей явились для них неожиданностью и глубоко потрясли их. Это открыло им глаза и заставило коренным образом пересмотреть и изменить свои позиции. Они стали искать выхода и нашли свой путь — путь к социальной справедливости.

Но сейчас, вот в этот момент, я вижу только детей. Детей, жизнь которых искалечил американский фашизм.

— ...Вечером жандармы и американцы шли напрямик, через рисовые поля, — заканчивает свой рассказ Кунг. — Возвращались с очередной операции по «прочесыванию» деревни. На пиках из бамбука они несли отрубленные головы патриотов. А чтобы надругаться над ними — воткнули им в рот дымящие сигареты...

Страшно! Сигареты во рту у отрубленных голов?! На поругание?.. Не может быть!

Увы — так было! Головы патриотов выставлялись на рыночной площади села — на всеобщее обозрение, для устрашения людей. А тела убитых просто бросали в реку. Людям же, которые плакали при виде этого чудовищного зрелища, грозили:

— Молчать! Мы вам покажем, как сочувствовать Вьетконгу!

*

Меня точит и точит одна мысль: найдется ли сила, могущая вернуть детство всем этим мальчикам и девочкам, с которыми я беседую здесь? Конечно, частично детство возвращается к ним благодаря самоотверженному труду учителей, благодаря «лесной школе» и жизни в коллективе. Когда слушаешь правдивые, бесхитростные, но, боже мой, какие же леденящие кровь рассказы этих ребят, прошедших неслыханный путь страданий, сердце сжимается от боли и гнева, руки готовы схватиться за оружие...

Я собрала много фотодокументов и официально подтвержденной информации о преступлениях, совершаемых американскими бандитами над вьетнамскими детьми. И когда я беру в руки эти блокноты с записями или документы, мне кажется, что я поднимаю непосильный груз. Какую же судьбу нашим детям и нам самим го-

товит американский империализм и такие ярые заокеанские последователи Гитлера, как Голдуотер и другие?

...Сквозь туманную завесу джунглей вслед за мной летит детское доверчивое, хватающее за душу слово «Ма»! Через пограничные барьеры и пространства в тысячи и тысячи километров я увезу с собой и донесу до людей правду о той зловещей роли, какую Соединенные Штаты сегодня играют в судьбе Вьетнама.

С полным правом — матери и гражданина — я хочу во всеуслышание задать американским женщинам гневный вопрос: «Почему вы молчите? Знаете ли вы, что творят ваши мужья, братья и сыновья на земле далекой азиатской страны, которую от США отделяют многие и многие тысячи километров и которая ничем не провинилась перед вами? Знаете ли вы, каким позором покрыли себя ныне весь ваш народ и вы сами?!».

Пылающий Юг

С первых же минут нашего длительного, многодневного перехода меня сопровождали солдаты Армии Освобождения. Я думала, что нам будет трудно — я знала по-вьетнамски лишь несколько фраз. Но все вышло хорошо: там, где не хватало слов, их заменяли дружеский жест и улыбка. На второй день мне выделили переводчика, бывшего сайгонского учителя Тханя. Он сопровождал меня на всем пути по Южному Вьетнаму, и я очень благодарна ему за помощь.

Большинство солдат нашей группы — молодежь двадцати-двадцати двух лет. В период первой вьетнамской «грязной войны» французских колонизаторов они еще были мальчишками. Теперь же эти смелые парни сражаются с очередным агрессором — на сей раз заокеанским, — нападшим на их Родину. Получив оружие, они идут в бой так же упорно и самоотверженно, как это делали их отцы и братья много лет назад...

У одного бойца из охраны, Дьепа, на левой руке только два пальца. Однако он может водить автомобиль. Шоферскому мастерству Дьеп научился в Сайгоне, когда работал кули на одном из автопредприятий.

— Я еще пригожусь, даже с искалеченной рукой! — твердо и спокойно говорит он без обычной для него мягкой улыбки, глядя на дрожащее пламя костра. — В ар-

мию я пошел позже других — три старших брата служат давно, а средняя сестра осталась при родителях и активно работает в местном отделении Союза женщин.

Двух младших сестреноч Дьеп считает самыми счастливыми — обе они ходят в школу.

Мой молодой собеседник пришел в армию, когда ему было двадцать три года, тогда он был неграмотен. Теперь Дьеп уже заканчивает курс IV класса начальной школы для взрослых. Учиться он начал сразу, как только попал в часть. Не могли помешать учебе ни постоянные бои, ни военные походы...

Беседую с другими бойцами. Они неохотно рассказывают о себе. Все же мне удастся записать фрагменты их биографий, каждая из которых могла бы стать темой для захватывающей повести. Вот несколько коротких заметок:

Инженер-радиомеханик Ле Ван Тха. Подвижное, нервическое лицо, типичный интеллигент. Высшее и специальное образование получил в Париже и Бордо. В Сопротивлении — двадцать лет, из них пять он пробыл в пресловутом лагере смерти на острове Пуло Кондор.

Мой переводчик Тхань. Был студентом Сайгонского университета, потом стал учителем. Отец пятерых детей, трое из них учатся в «лесных школах» освобожденных зон. Жена его — медсестра; тоже служит в армии. Короткие их встречи (раз в несколько месяцев) Тхань считает большим счастьем. Многие его товарищи годами не видят своих семей и зачастую даже не имеют от них никаких вестей...

Врач Н. — долгие годы трудится в партизанском отряде. Спас от смерти немало раненых. Лечит население партизанской зоны.

Бывший шофер сайгонского такси В. Мать его на смерть замучали нгодиндьемовские бандиты... Сейчас он — боец Армии Освобождения, не раз отличался в битвах с врагом.

Рядом с этим поколением выросло уже новое, молодое. Оно показывает десятки примеров героизма, мужества, беспредельной любви к Родине. Нет, эти парни и девушки не дадут заковать себя в цепи рабства, как того хотели империалисты Соединенных Штатов! Вьетнамская молодежь беззаветно сражается за светлое будущее. И не только с оружием в руках!

Когда я пишу эти слова — передо мной ряды тусклых огоньков, горящих неподалеку от места, где мы сидим.

И вижу темноволосые головы молодых солдат, прилежно склонившихся над книгами. Сегодня они проходят геометрию в объеме шестого класса начальной школы. Чуть дальше — другая группа; здесь идут занятия четвертого класса. В период короткого отдыха между боями солдаты учатся. Они отставляют в сторону автоматы и берутся за другое оружие — книгу.

Я спрашиваю себя: так где же, собственно говоря, джунгли?! Не справедливее ли было бы назвать «джунглями» такие города, как Сайгон, где зверствует вьетнамский неогитлеровец, страстный поклонник и последователь фюрера, самозванный «маршал» Ки? Пользуясь поддержкой американских неофашистов, Ки не брезгует и нахлынувшими теперь в Сайгон бывшими эсэсовцами из ФРГ, устраивая настоящую охоту на неповинных людей...

В глуши тропических лесов, постоянно общаясь с бойцами Армии Освобождения, я каждодневно сталкиваюсь с проявлениями прекрасных человеческих качеств — патриотизма и мужества, самоотверженности и отваги, взаимовыручки и настоящей дружбы. Перед людьми, которые обладают этими достоинствами и которые долгие годы стойко борются за свободу, твердо решив сражаться за нее до победного конца, трудно не склонить головы, отдавая им дань глубокого, я бы даже сказала восхищенного, уважения!

*

Сон в гамаке под противомоскитной сеткой и пластиковым покрытием, растянутым на четырех высоких колышках, недолог, но зато крепок и полезен. Ночью по этой прозрачной «крыше» барабанил дождь. Ранним утром меня будят мерно повторяемые слова команд:

— ...Мот!.. Хай!.. Ба!.. Бон! *

Идет зарядка. Со вчерашнего дня я нахожусь в одной из прославленных частей Армии Освобождения Южного Вьетнама.

После краткого отдыха меня ведут осматривать недавно добытые трофеи: автоматы, легкие ручные пулеметы, тяжелые станковые пулеметы крупного калибра, «базуки». На каждом предмете клеймо: «Сделано в США!»... И вдруг я невольно вздрагиваю — словно в на-

* Раз! Два! Три! Четыре!

смешку или в надругательство рядом с клеймом красуется придуманная в Пентагоне эмблема: слившиеся в крепком рукопожатии две руки!

Эта «эмблема» красуется даже на бомбах, которые американцы сбрасывают на мирное, беззащитное население, на деревни, школы и больницы в Северном и Южном Вьетнаме!

Трудно представить себе бóльшую иронию и вместе с тем большее надругательство над гуманизмом, чем этот знак, символизирующий дружбу и солидарность, знак, нанесенный американцами на смертоносный груз! Когда я осматриваю металлические корпуса бомб с этой эмблемой, мне невольно вспоминается надпись «Готт мит унс!» («С нами бог!»). Она красовалась двадцать лет назад на пряжках ремней гитлеровских «завоевателей»...

— Сейчас у нас нет недостатка в оружии и боеприпасах, — говорят мне товарищи из штаба армии. — В джунглях мы организовали мастерские, которые изготовляют взрывчатку, мины и гранаты. Несколько лет назад, когда у нас не было достаточного количества винтовок и автоматов, мы обходились ножами! Но теперь у Армии Освобождения очень солидный поставщик военного снаряжения: Соединенные Штаты! — Мой собеседник улыбнулся. — Да, это парадокс, но факт! — Мы добываем в боях большое количество различного оружия и техники...

Улучшалось снабжение регулярной армии оружием, легче становилось и положение местных партизанских групп, устаревшее, но вполне пригодное оружие армия передавала сельским партизанам.

Давно миновало то время, когда первые группы южновьетнамского Движения Сопротивления хватались за самое простое и примитивное оружие. Но «грязная война», развязанная США, требует особых средств и способов борьбы. Наряду с современным оружием южновьетнамские патриоты с большим успехом (особенно в деревнях) применяют различные ловушки и западни. Один из эффективных способов борьбы против сайгонских карательных отрядов заключается в использовании... диких пчел! Впервые их «ввели в бой» в провинции Бенче, находящейся в дельте реки Меконг. Эта провинция славится своей высокоплодородной землей, а также давними традициями революционной борьбы.

— Дикие пчелы? — отвечает на мой вопрос один из молодых офицеров. — Что ж тут удивительного? Они сослужили нам хорошую службу в борьбе против врага.

Вьетнамские пионеры помогают старшим в борьбе с ненавистными американскими пиратами — подносят патроны, доставляют медикаменты, передают боевые донесения

Каким образом? Сейчас объясню... Мы находим в джунглях гнезда диких пчел. Как правило, они очень злые. Обращаться с ними надо осторожно, чтобы самому не попасть в беду. Мед этих пчел совершенно несъедобен, а укусы — опасны. Десять-двадцать таких укусов вызывают тяжелое заболевание и длительную опухоль, а большее число — смерть...

— Гнезда диких пчел, — вмешивается другой офицер, — мы осторожно переносим в село и размещаем среди ветвей не очень высоко над землей. До появления карательной экспедиции лётки гнезд закрывают кусочком картона или толстой бумаги. Когда посты самообороны подают сигнал тревоги, мы, подпустив врага на близкое расстояние, в определенный момент при помощи шнура или палочки открываем лётки. Ну, а тут уж надо что есть духу удирать, иначе и самому не поздоровится! После долгого заключения дикие пчелы взбешены и разъярены до предела. Они набрасываются на все живое, что встречается на пути, особенно на человека. Естественно, что американские или сайгонские вояки не могут одолеть этого почти невидимого противника и вынуждены позорно бежать с поля боя: против диких пчел бессильны любые автоматы, бомбы и «базуки»...

Темные, коротко остриженные волосы, высокий рост, плотно забинтованные и положенные в лубки руки... Английский язык, искалеченный гнусавым американским «сленгом». Первые вопросы и ответы обычны и внешне сухи, как рубрики анкеты: имя и фамилия, дата и место рождения.

Роберт Норлан Доджтрей, тридцати двух лет. Родился в Игл-Пассе, штат Техас. Женат. Имеет троих детей в возрасте от двух до пяти лет. Капитан авиации США. Пилотировал самолет Ф-105-Д. В бомбардировочный полет против ДРВ стартовал с базы США в Корате (Таиланд). Сбит 2 августа 1965 года в Тханьхоа.

Разговор этот происходит в Ханое уже после моего возвращения с Юга, но сердцем я все еще там... Мы сидим друг против друга — люди из разных миров, с разных сторон баррикады...

— У вас есть дети и у меня тоже, — говорю я американцу. — Думали ли вы когда-нибудь о вьетнамских детях, на которых падают ваши бомбы?

— Я бомбил только военные объекты..

— Например?

— Например, мост в Тханьхоа.

— Могу вас заверить, — со злой иронией говорю я, — что мост этот цел и невредим. Я шла по нему всего три дня назад!

Тень горькой усмешки скользит по лицу летчика.

— Я же говорил нашим, что этот мост имеет солидную конструкцию...

— Да, не только солидную конструкцию, но и солидную зенитную оборону!.. Но коль скоро речь зашла об «объектах», то подумали ли вы о том, что, может быть, именно ваши бомбы недавно убили двенадцать пожилых людей из местного дома для престарелых?

В ответ я слышу избыточную технической терминологией речь специалиста о том, что при большой скорости самолета увеличивается рассеивание бомб и потому трудно определить точно, куда они попадут.

— А вы никогда не задумывались над тем, что испытывают люди, которые, подобно жителям города Винь-линь, потеряли своих детей? А ведь этих малышей убили ваши коллеги-летчики, обстрелявшие школы! Вы никогда не задумывались над тем, что почувствовали бы вы сами, если бы бомбы свалились на головы ваших детей?

Американец молчит, слегка вздрагивает.

— Да, это было бы ужасно... — нерешительно говорит он. — Но никто из нас об этом не думает. Я лично никогда не занимался политикой...

— А что вы ощущаете, о чем думаете вы и ваши друзья, когда бросаете бомбы на ДРВ?

— Собственно, ничего... Ведь цели обезличены...

«Цели обезличены»! Меня до глубины души потрясает холодная и циничная жестокость, скрывающаяся за этим определением.

— И вас никогда не интересовало, что творится там, внизу, после того, как сброшены бомбы?

— Нет! Как и все другие летчики, я только выполняю приказ... Я ни в чем не виновен.

— Вам так только кажется. Но когда ваши самолеты снижаются, чтобы обстреливать из бортовых пулеметов маленьких и беззащитных детишек, спешащих в школу, как было в Виньлине, — это тоже приказ? Когда вы атакуете одинокого велосипедиста или машину, показавшуюся на дороге, или обстреливаете и бомбите лепрозорий или больницы и госпитали, на которых ясно виден знак Красного Креста, — это тоже приказ? Нажать кнопку, чтобы сбросить смертоносный груз бомб, очень легко. Если, конечно, не думать о ваших «обезличенных целях»... Но я хочу напомнить вам: и раньше были такие летчики, которые подобным же образом охотились за мирным населением двадцать лет назад. Помните? То были ненавистные всему человечеству гитлеровцы, фашисты!

Снова короткая, полная напряжения пауза. Кажется, что в тихой и уютной комнате возникли непередаваемо страшные призраки прошлого, вызванные словом «фашизм». Воцаряется тяжелое молчание...

Летчик опустил голову.

— Сколько вы зарабатывали до поступления на службу в военную авиацию? — спрашиваю я. — Где вы работали до поездки во Вьетнам?

— Я фермер. У моего отца большое ранчо в Техасе. Мой доход — 350 долларов ежемесячно. Но в авиации я получаю свыше 900 долларов в месяц!

— Значит, вас привлек заработок?

Пилот молча кивает головой.

— А на что вы и ваша семья истратили эту прибавку?

— Мы приобрели более дорогую машину, радио, холодильник, сменили квартиру...

Мне так и хочется крикнуть этому пирату: да ведь

это же бизнес на крови!.. Однако сдерживаюсь. В эту минуту я мысленно «там», среди моих дорогих друзей из Южного Вьетнама, вижу их спокойные, суровые и уверенные лица. Я думаю о них — о людях Движения Сопротивления. О мужественных деятелях Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама — профессорах, врачах, артистах, писателях, художниках, которые без сожаления и без колебания сменили комфортабельные квартиры и обеспеченную жизнь в городах на суровый, полный лишений быт в примитивных и тяжелых условиях диких джунглей...

— Минул год с начала вашего предательского воздушного нападения на ДРВ. И что же? Вы так и не смогли ни запугать, ни одолеть страну! Север защищается...

— ...и защищается здорово! — с невольным уважением в голосе добавляет американец.

— А задумались ли вы когда-нибудь, во имя чего совершаете свои воздушные атаки? Что вы знали о Вьетнаме до этого?

— Почти ничего... Нам говорили, что необходимо вмешаться и дать отпор коммунистам... Еще уверяли, что мы, американцы, очень нужны Южному Вьетнаму, — помощи США просило сайгонское правительство...

— «Правительство»? Любопытно — которое? Диктатора Нго Динь Дьема, который обратился с этой просьбой к США, свергли, вы, американцы, разумеется, когда он перестал быть вам нужен! А с того времени, как вы сами знаете, в Сайгоне было столько переворотов и правительств, что легко и со счета сбиться... Так что ваше присутствие на здешней земле — это нашествие захватчиков, агрессоров! Не задумывались ли вы когда-либо над этим? Неужели вы не знаете того, что вас, американцев, повсюду не любят, а во многих местах просто ненавидят? Разве вы никогда не замечали этого?

— Да, замечал иногда... С недавнего времени... — неуверенно говорит пленный.

— Скажите: вам известны такие имена, как Линкольн и Вашингтон? — Пилот делает утвердительный кивок головой. — Так вот для поколения моих родителей США были страной Линкольна и Вашингтона, «обетованной землей» свободы и демократии. Для моего поколения и поколения моих детей ваша страна стала теперь символом преступлений и насилия, бомбардировок и смерти. Вы нагло вмешиваетесь в дела многих народов, которые ни о чем вас не просили, ни в чем не виновны перед ва-

ми и ничем вам не угрожают... Вы подло нападаете на беззащитных людей...

Наш разговор подходит к концу. Человек «с той стороны баррикады» медленно встает. Он желает мне счастливого возвращения на родину, к семье. А я не могу пожелать ему того же: не поворачивается язык. Правда, человек этот ранен, но на руках его кровь невинных людей. Кровь детей, которые погибли от его бомб в Тхань-хоа, откуда я только что вернулась. И я говорю:

— А я желаю, чтобы вы и ваши коллеги задумались над тем, почему вы здесь и что вам нужно в далеком бт США Вьетнаме? Чтобы вы наконец поняли: за свои действия и поступки вам придется нести ответственность, хотя вы и стараетесь прикрыться необходимостью выполнения приказа. Если вы начнете понимать это, то у вас появится шанс снова увидеться с вашими семьями, с вашими детьми...

Школа В джунглях

С обеих сторон тропинки поднимают свои пышные кроны высокие пальмы. Мы идем в узком и сумрачном зеленом коридоре. Неподалеку, среди густой зелени, мелькают тяжелые, желтоватые глыбы термитников. Куанг вдруг прижал палец к губам и кивком головы указал мне на что-то невидимое, чего надо остерегаться. Я слежу за его взглядом, но ничего не замечаю. Американских самолетов пока не слышно. Змея? Но ядовитую змею бойцы сразу обнаружили бы и мгновенно расправились бы с ней. Коль скоро речь зашла о ядовитых змеях, то должна сказать, что здесь их полным-полно. Убивать их надо мгновенно, если не хочешь расстаться с жизнью...

В чем же все-таки дело? Как назло, мой переводчик Тхань идет в хвосте колонны. Куанг велит мне закрыть лицо клетчатым платком, берет меня за руку и по-вьетнамски говорит, что надо торопиться. Быстро шагаю по скользкой тропинке и ломаю голову: к чему бы такие предосторожности? Через несколько минут с облегчением снимаю платок и замечаю возвратившегося переводчика.

— Зачем весь этот маскарад? — говорю ему. — Я понимаю, когда мы проходим через деревню не следует привлекать излишнего внимания. Но зачем это делать здесь, на тропинке? Ведь тут никого нет!

— Мы проходили мимо гнезда диких пчел! — спокойно и не спеша объясняет Тхань.

— Пчел? Тех самых, которых вы используете против американцев?

— Да.

Теперь я все поняла. Тем временем Тхань сообщает мне, что примерно через час мы доберемся до одной из лесных школ. Он спрашивает:

— Хочешь посмотреть ее?

— Конечно! С удовольствием.

— Я тоже рад, что мы побываем там... — дрогнувшим голосом тихо говорит Тхань. — В этой школе учатся трое моих сынков...

— И давно ты не видел их?

— Больше пяти месяцев...

...Вскоре трое ребят в возрасте семи-двенадцати лет бегут навстречу отцу. Самый младший, уцепившись за руку отца, не сводя с него глаз, спрашивает:

— А мама тоже пришла с тобой? Где она?

— Нет, мама сегодня не может прийти. Она сейчас работает очень далеко, в лесном госпитале. Теперь она — медсестра...

Я смотрю на ребят Тханя, которые не могут оторваться от отца, и вспоминаю, что у него еще есть две дочурки. Они живут в городе, у родных. Эти девочки слишком малы, чтобы жить с братьями в лесу... А сколько таких вот семей жестоко разделила эта проклятая «грязная война»!

*

Школа в джунглях — действительно «дом без стен». В шалаше, где она размещена, нет перегородок и потолков. Правда, над головой — навес из пальмовых листьев, который поддерживают бамбуковые «стропила». Под навесом на бамбуковых же подпорках лежат неотесанные узкие доски. Это — скамейки. Рядом с большим шалашом-школой находятся другие, поменьше. В них спят ученики. Вся меблировка «спален» состоит из бамбуковых топчанов и грубо сколоченных столов. Под столами и скамейками бродят куры: во всех школах — так же как и повсюду в джунглях — разводят кур и поросят для нужд общественного питания.

У входа в «класс» — стенная газета. В ней я вижу стихи. Десятилетний ученик написал стихотворение о Хо Ши Мине. Я прошу ребят отдать мне эти стихи, написан-

ные детской неумелой рукой: через несколько месяцев, снова оказавшись на Севере, я вручу их президенту. Рассматриваю школьные работы: в рисунках преобладают слишком знакомые здешним детям горькие мотивы — американские самолеты и убитые буйволы, танки и сожженные дома. Любуюсь маленькими книжечками, на обложке которых изображены идущие в школу дети... Букварь, изданный в джунглях!

Это не первая школа на моем многосоткилометровом пути по территории сражающегося Южного Вьетнама. В селениях Дельты мне показывали здания, а точнее, бамбуковые бараки, по несколько раз подвергавшиеся налетам американских воздушных бандитов. Со слепой яростью, с тупым звериным упрямством враг жег эти школы, но народ вновь и вновь восстанавливал их!

Я опять беру в руки букварь, потом просматриваю первые книги для чтения. Просто невероятно, что все это подготовлено и отпечатано в джунглях! Невольно возникает вопрос: каким же все-таки образом удалось выпустить не только буквари, но даже и сложные учебники для «лесных» и сельских школ в освобожденных зонах? Тхань снисходительно улыбается:

— Терпение, терпение! Скоро все узнаешь. У нас запланирован поход в Комиссию просвещения.

В провинциях Южного Вьетнама, где всю власть осуществляет Национальный Фронт Освобождения, пока еще нет правительства в буквальном значении этого слова, а следовательно, нет и министерств. Их роль выполняют различные комиссии при Центральном Комитете Фронта. В Комиссии просвещения я не обнаружила ни приемных, ни секретарей, ни телефонов — неотъемлемых атрибутов крупного учреждения. Просто стоят скромные шалаши из бамбука, а в одном из них — примитивная типография. Но зато всюду — труд. Труд неслыханно тяжкий, но вместе с тем захватывающий, вдохновенный и очень благодарный. Я не перестаю удивляться учителям и воспитателям: они делают все, что только в их силах, дабы вернуть детство малышам, безвинно пострадавшим от войны. Теперь же я познакомилась еще и с теми, кто возглавляет и направляет их работу. Влияние Комиссии все сильнее сказывается даже за пределами освобожденных зон, проникая в новые районы.

Какое наследие оставил Вьетнаму французский колониализм — известно. Достаточно вспомнить лишь одну красноречивую цифру: к моменту провозглашения Демократической Республики Вьетнам в стране насчитывалось

90 процентов неграмотных! Начатая по призыву Хо Ши Мина кампания по борьбе с неграмотностью, эффективно проводимая на Севере, была сорвана на Юге Нго Динь Дьемом и американскими захватчиками. Не возобновилась она и после ликвидации гнусного диктатора: его многочисленные преемники, в том числе и самозванный «маршал» Ки, отнюдь не заботились о школах. Режим сайгонских марионеток всегда стремился только к одному: получить от США как можно больше долларов, подавить силы оппозиции при помощи карательных экспедиций и осуществить бредовую, преступную «идею» создания неофашистских застенков — так называемых стратегических деревень. О просвещении свора сайгонских марионеток даже не задумывалась. Американский неокOLONиализм тоже не способствовал борьбе с неграмотностью.

Больше того, позорный страницей истории Соединенных Штатов надо считать акты воздушного террора во Вьетнаме, в том числе против школ — специальные полеты бомбардировщиков и вертолетов, сбрасывающих фосфорные и напалмовые бомбы на школы. А сколько арестов и зверских казней учителей совершили войска США? Политика американцев и послушных им сайгонских марионеток как две капли воды похожа на гитлеровскую, фашистскую политику ликвидации школ и работников просвещения во всех оккупированных странах Европы, особенно в СССР и Польше!

Отнюдь не случайно, что в 1939—1945 годах учителя были первыми жертвами массовых репрессий фашистских захватчиков. И не случайно, что американские агрессоры во Вьетнаме преследуют ту же цель — ликвидацию школ. Им не дают спать лавры Гитлера. Почему? Школа в освобожденных зонах Южного Вьетнама не только ликвидирует темноту и отсталость — она открывает детям и взрослым глаза на происходящие вокруг события, учит правде о мире, углубляет и укрепляет патриотизм и любовь к Родине. Стало быть, школа опасна и для заокеанских грабителей, и для сайгонской клики.

Я рассматриваю свидетельства воздушного разбоя, — снимки совершенного год назад налета на школу в местности Линьфунг (провинция Бенче). Разбитое школьное здание, трупы детей, сожженных напалмовыми бомбами... Очевидцы рассказывают мне об одной из школ в провинции Киенгфонг, подожженной ракетами, выпущенными с американского бомбардировщика. Молодой сель-

Вьетнамский монтер восстанавливает прерванную бомбежкой связь

ский учитель, работавший в этой школе, спас тогда около восьмидесяти первоклассников, перенося раненых малышей и ведя за собой остальных в противоздушные убежища.

— Сожженная дотла в прошлом году, она сейчас заново восстановлена! — добавляет мой собеседник.

В условиях дикого террора и неслыханного преследования учителей проходит их трудная и опасная, но благородная работа. Сейчас ее возглавил Национальный Фронт Освобождения, начата же она в 1963 году. Важным этапом был 1964 год: тогда состоялся конгресс работников просвещения, который рассмотрел и утвердил многие важнейшие мероприятия и поддержал ряд ценных начинаний. Каковы же их результаты?

В 1963 году начальные школы посещало 20 процентов детей школьного возраста, находящихся в освобожденных зонах. В 1964 году, несмотря на большие трудности и всяческие препятствия, созданные «грязной войной», занималось уже 80 процентов детей, то есть около полмиллиона человек. Тиен, руководитель Комиссии просвещения, педагог по призванию и профессии, называет

мне четыре провинции, где в каждой учится от 20 до 50 тысяч детей.

— Вас, конечно, интересуют учебники? — при этих словах понимающая улыбка озаряет его лицо.

Еще бы! В тех лесных пунктах, где чувствуется запах типографской краски (а я уже посетила их несколько, и из каждого везу в Европу книжки, брошюры, экземпляры газет), я сразу иду к печатникам. Вот и сейчас мы отправляемся в типографию, принадлежащую Комиссии просвещения. С невольным удивлением гляжу на новенькие учебники, по которым вьетнамские дети будут заниматься в 1965/66 учебном году: «История Вьетнама» и «Всеобщая история», сборники избранных литературных произведений для уроков родного языка, «Сборник песен», брошюры о борьбе с американскими захватчиками, иллюстрированные книжечки для дошкольников, буквари. В одном из них я нахожу сведения о Советском Союзе и рисунок с серпом и молотом. Эта эмблема, которую видишь тут, в диких джунглях, за многие тысячи и тысячи километров от Москвы, говорит о многом...

В одном из шалашей я нашла несколько специальных книг по психологии. Тиен объясняет мне, что по ним составляются пособия для учителей.

— У нас есть несколько способов подготовки кадров, — говорит он, — Например, мы организовали курсы для учителей начальной школы. Отличники этих курсов помогают своим товарищам, уровень подготовки которых ниже. Распространена у нас передача опыта и знаний квалифицированными учителями новичкам. Обмен опытом проводится также между учителями разных провинций. Организованы семинары для классных руководителей (в объеме начальной школы).

Обо всем этом Тиен говорит так просто, будто речь идет об учителях, которых готовят к работе в нормальных условиях, а не в джунглях.

Мне показывают подземный склад, где хранятся книги и бумага. Как тут все продумано! Книги уложены в металлические коробки из оцинкованного железа, бумага надежно защищена от сырости и вредных насекомых.

— Какие тиражи этих учебников? — спрашиваю я, осматривая переплетный цех.

— Пока небольшие, книг еще не хватает... — говорит Тиен. — Но мы обычно отправляем комплекты учебников в разные провинции, там их перепечатывают и рассылают по местным школам. Среди учебников, которые мы вам дарим, есть несколько, изданных как раз в про-

винциях. Сейчас мы закончили подготовку пособий для первых четырех классов начальной школы. Только одних букварей нами отпечатано свыше 40 тысяч экземпляров.

Рассматривая школьные игры, сделанные тут два года назад, и сравнивая их с новыми, я убеждаюсь в том, что местная полиграфическая техника совершенствуется даже в условиях джунглей и войны!

Тиен спрашивает, видела ли я во время похода школы, уничтоженные врагом, но восстановленные местными жителями. Я отвечаю утвердительно.

— Если бы не помощь населения, мы не справились бы с задачей, — говорит Тиен. — Крестьяне строят школы, снабжают учителей продуктами, внимательно следят за тем, чтобы около школьных зданий были выкопаны противовоздушные щели и убежища на случай воздушного налета. Как правило, они заботятся о школах больше, чем о собственной крыше над головой. Почему? Народ хорошо понимает, что значит школа для всей деревни, для них самих и для их детей.

— Мы предполагаем, что в 1966 году работа по ликвидации неграмотности в Южном Вьетнаме в основном завершится. Мы хотим добиться, чтобы до конца года в каждой провинции была бы хоть одна деревня, где полностью ликвидирована неграмотность.

Я смотрю на сосредоточенные, спокойные лица моих собеседников и думаю: какая воля, какая вера в силу народа! Подробно записываю те сведения, которые они щедро предоставляют мне, — ведь это бесценные данные для будущих историков! Мысленно сопоставляю все услышанное здесь с тем, что мне довелось видеть своими глазами во время похода по стране. И твердо верю: эти мужественные люди добьются своего, несмотря на трудности и ущерб, причиняемые им американской агрессией!

— Хорошие примеры тоже «заразительны»! — говорит один из руководителей Комиссии просвещения. — В таких, например, провинциях, как Бенче и Кантхо, есть деревни, насчитывающие до двух тысяч жителей и более. Там организовано по несколько десятков групп, где обучаются грамоте взрослые крестьяне. И нередко получается, что родители садятся на одну скамью со своими сыновьями и дочерьми. А ведь среди этих школьников немало людей, которые давно забыли свою молодость — им уже перевалило за шестьдесят!.. Особенно тянутся к книге женщины...

— А каковы результаты работы учителей, обучающихся взрослых? — спрашиваю я Тиена.

— Ну, я думаю, результатов долго ждать не придется. Есть красноречивые примеры. Одна сорокалетняя крестьянка из провинции Виньлонг, не пропуская ни одного урока — хотя ей приходилось целый день работать на рисовых полях, — научилась писать и читать в течение... трех месяцев! В той же провинции, но уже другой человек, которому больше шестидесяти лет, отец четверых женатых детей, научился читать за один месяц!

Провозглашенные Национальным Фронтом Освобождения идеи и лозунги, его просветительная деятельность, его призывы к борьбе проникают даже в зоны, где все еще свирепствует враг. И я верю, глубоко верю — недалек тот день, когда и эти зоны будут свободными, когда весь вьетнамский народ объединится и увидит солнце свободы над рекой Бенхай!

Наши дети в странах социализма уже начали новый учебный год. Несмотря на воздушный террор американских агрессоров, пошли в школы и дети Южного Вьетнама. Невзирая на фосфорные и напалмовые бомбы, на химические средства и отравляющие газы, все больше детей и взрослых садятся за парты, чтобы узнать правду о мире и свободе, чтобы полюбить школу и все то светлое, что она открывает людям.

Пусть же свет придет на истрадавшуюся землю Южного Вьетнама!

Шумит в ночи бамбук...

Мы выступили в путь глубокой ночью. Темень — хоть глаз выколи. А тут еще лесные заросли. Звучат тихие слова команд. Чуть слышно поскрипывают тяжело нагруженные велосипеды. Вспыхивают и мгновенно гаснут лучи фонариков. У некоторых бойцов нашей группы к поясу прикреплены «партизанские лампочки», сделанные из флакона от ментолового спирта, у других — трофейные электрические фонарики. Внимание! Надо ступать осторожнее, обходя предательские пеньки, торчащие на узкой лесной тропе. Надо успеть вовремя наклонить голову, иначе свисающий с дерева конец твердой, как манильский канат, лианы может хлестнуть тебя по глазам. Звучит приглушенное слово проводника:

— Осторожно!

Сгорбившись, почти на четвереньках, ползу я вперед через густой кустарник. Медленно, словно канатоходец, продвигаюсь по узкому бревнышку «моста», а внизу неприветливо плещется вода. Временами лес редее. И тогда впереди вырисовываются очертания ограды. Сонно твоякает невзначай разбуженный пес. И снова воцаряется тишина... Но в лесное безмолвие то и дело врывается странный и резкий шум — словно рядом, задевая шуршащую листву, торопливо пересыпают крупный гравий. Это в тропической ночи шумит бамбук...

*

Быстро наступающий рассвет начисто вымел небо, и на востоке появилась яркая желтая полоса. Над кронами высоких, уходящих в самое небо деревьев, начинает светлеть. Вместе с приближением дня и мы выходим из джунглей на открывающуюся перед нами равнину. Наша группа идет колонной в строгом порядке, который с первой же минуты установил руководитель.

Кто-то тихонько затянул песенку о лесе — одну из самых популярных песен, какие поет сражающийся Вьетнам.

Нашим домом стал — лес глубокий!
Вышли мы из него и вернемся к нему...
А матерью — сталь карабина...

В руках солдат поблескивают автоматы. У меня тоже есть «оружие» — карандаш и блокнот (фотоаппарат пока спрятан в рюкзаке). Нас ждет долгий переход по открытой местности. Мы будем проходить по очень глухим местам, у жителей невольно возникнут подозрения: каким образом здесь оказалась европейка? Необходимо соблюдать предосторожность. Ну, кто распознает польскую писательницу в женщине, одетой в точности так, как и все южновьетнамские крестьянки, с замотанной клетчатым платком головой — в женщине, подобно другим несущей на себе рюкзак из трофейного американского мешка?

Не скрою: поначалу я склонна была считать все эти меры предосторожности чрезмерными и даже излишними. Однако товарищи из штаба очень скоро доказали мне, что достаточно кому-либо проболтаться, чтобы весть о появлении «красного» европейца так или иначе дошла до ушей сайгонской разведки. А тогда американцы не

поскупятся организовать высадку особого десанта на вертолетах, чтобы схватить и увезти непрошеного свидетеля их преступных действий.

Вот поэтому, когда на краю рощи или в конце дороги возникают деревенские постройки, а мимо нас все чаще проходят люди, я до глаз закутываю лицо платком и иду с опущенной головой. Куэт, мой «ангел-хранитель», идет впереди, а переводчик Данг — сбоку. Так они вдвоем прикрывают меня...

*

Последние дома деревни остались далеко позади. Над полями стелется утренний туман. Вверху, в кроне густой ярко-зеленой пальмы, раскричались птицы... По цепочке передают приказ: приготовить маскировку! Молодые солдаты быстро рубят ветви. Руководитель нашей группы в бинокль «прошупывает» небо — оно безбрежное, чистое, голубое и без единого облачка. Такое небо опасно. Не пройдет и получаса, как над нами раздастся протяжный, вибрирующий звук реактивных турбин. Это пролетят *май бай ми*. Всего три коротких, но таких зловещих слова!

Все притаились в густой траве на меже. На головах, на плечах, на спине и на рюкзаках у нас — зеленые ветви со свежими листьями. Кажется, что мы сами превратились в кусты. Джунгли остались далеко позади нас, а до ближайшей рощи тоже не близко. В нашем положении лучший способ обмануть врага — это слиться с общим зеленым фоном поля. Земля тоже защищает нас...

А вот и самолеты... Кружат! Пролетели, потом вернулись, будто высматривают что-то... Наконец отдаляются и исчезают с глаз — на сей раз совсем. Но минуту спустя до нас доносится знакомый, глухой звук — словно что-то тяжелое стукнулось о землю. Видимо, пираты обнаружили какую-то цель и сбросили бомбы.

Наиболее мучительная пора полуденного зноя застала нас в лесу. Полтора часа отдыха! Между деревьями повесили гамаки: они в рюкзаке у каждого из нас. На хлорвиниловой скатерти раскладываем «провиант» — все мои спутники носят прикрепленные к поясу пластмассовые мешочки с рисом. Кань — наш молоденький, но очень серьезный квартирмейстер — вскрывает банки с консервированным мясом.

Из-за кустов выходит связной. Я теперь знаю, что в маленьком конвертике, который он обычно вручает руко-

водителю нашей группы, содержатся важные сведения или срочное донесение. Неужели какое-нибудь осложнение?.. Нет! В точно назначенное время мы свертываем очередной бивак и продолжаем путь...

Тяжелый и душный зной висит в воздухе. Мы пробираемся напрямик через тропический лес. Наши блузы еще больше почернели от пота. Все меньше воды становится во флягах... Наконец выходим на опушку. Плюмажи банановых деревьев и стройные стволы молодого бамбука предвещают близость деревни. Но это еще не цель сегодняшнего марша. Мне снова велят закрыть лицо. Проходит около часа, пока я получаю разрешение открыть совершенно мокрое от пота лицо. С чувством облегчения вдыхаю свежий воздух, а затем и вообще снимаю платок с коротко стриженной, но все еще «компрометирующей» меня белокурой головы. Можно снять тяжелый клетчатый платок на обычную, легкую, конусообразную вьетнамскую шляпу из рисовой соломы.

*

Бамбуковые хижины, окруженные густой зеленью деревьев, незлобивый лай собак, дети на спинах меланхолических буйволов, перебегающие через дорогу черные, лениво похрюкивающие поросята... То тут, то там из домов выглядывают женщины. Приставив ладонь ребром к бровям, они с нескрываемым изумлением смотрят на меня. Потом уже мне сказали, что весть о прибытии польской писательницы дошла до деревни Л. за полчаса до нашего прихода.

— Мы бы иначе вас встретили, если бы своевременно узнали... — то и дело повторяет Ма Ту. — Первый гость из Европы, и так нежданно! — Привычно, как все женщины-хозяйки на свете, она хлопочет на кухне, чтобы как можно лучше принять нас.

Мгновение — и на столе появляется сладковатое коcosовое молоко, добытое из только что рассеченного ореха. Мы сидим так, как того требует местный обычай — боком к «алтарю предков», который занимает самое почетное место в доме. Хозяйка показывает на противоположное укрытие: оно сделано тут же, в хижине, под полом. Но только я собралась спросить: часто ли приходится пользоваться им, как вошло несколько жителей деревни. Пожилые женщины с глазами словно выцветшими за годы нелегкой жизни, а может быть, и от слез... Они состоят в Союзе солдатских матерей — чрезвычай-

но популярной в Южном Вьетнаме организации. По тем ласковым взглядам, какими они окидывают молоденьких солдат нашей группы, я угадываю их мысли: может быть, в этот самый момент иная мать солдата, в ином конце этой сражающейся страны дарит ее сыну самое дорогое: ласковую улыбку, сердечный жест, доброе слово или же угощает чашкой чая, связкой бананов...

Но вот появляются и представители местной власти. В хижину, которая по здешнему обычаю не имеет дверей, набивается все больше и больше крестьян, привлеченных вестью о прибытии женщины «оттуда».

*

— В нашей местности, — говорит Бань, мужчина средних лет, энергичный и подвижной, руководитель группы самообороны деревни, — всего несколько лет назад проживало свыше 3 тысяч жителей. Сейчас осталось около половины. Вы спрашиваете, где остальные?.. Ответ ясен — в нашем районе с 1960 года побывало более семидесяти карательных экспедиций. Последняя из них зверствовала здесь не так уж давно — в конце прошлого года.

Но и это не все. За три последних года деревня Л. почти тридцать раз подвергалась воздушным налетам американских пиратов! Мало того: враг дважды совершал сюда «усмирительные» рейды на вертолетах. Мои собеседники показывают места вблизи деревенской околицы, где приземлялись ХУ-1-А и ХУ-1-В — «машины, несущие мучительную смерть», как их называли крестьяне. Тридцать человек были смертельно обожжены и тяжело пострадали от напалмовых бомб!

Когда речь заходит о зверствах американцев и их сайгонских марионеток, стоящая рядом со мной молодая женщина показывает мне пятилетнего мальчика, уцепившегося за ее руку:

— Его нам удалось спасти, хотя он был тяжело обожжен. Но его восьмилетний брат, мой старший сыночек, сгорел заживо...

Женщина до крови закусил губу и отвернулась, скрывая горькие слезы. Я смотрю на темные глубокие шрамы, которые капли напалма оставили на лице, спине и голове малыша. и мне не хватает дыхания... О, как бы я хотела сейчас показать этого полуживого ребенка и его убитую горем мать всем американским матерям! Особенно тем, которые так беззаботно тратят дол-

лары, заработанные их мужьями — наемными убийцами — на крови беззащитных вьетнамских женщин и детей...

Во время проведения карательных экспедиций погибло несколько сотен жителей деревни Л. Желая устроить оставшихся в живых крестьян, жандармы-варвары отрубили головы четырем местным жителям, вскрыли им животы, извлекли и бросили собакам внутренности, а печень съели... За пять лет бандитами сожжено четыреста домов. Некоторые из них — заботливо восстанавливаемые всей общиной — горели трижды и четырежды...

— Изверги уничтожили около 40 тонн *пабди* *, — перечисляет Бань, — убили более трехсот волов и буйволов... Зачем?

— Они говорят, — вмешивается в разговор один из моих собеседников, — что «убить одного крестьянина — это значит убить десять вьетконговцев. Убить же одного буйвола равнозначно тому, что убить десять крестьян». Вот какие они, эти бандиты!

*

Американо-сайгонские каратели хорошо знают, какой мощной опорой Движению Сопротивления стало население деревень Южного Вьетнама. Поэтому враг не брезгует никакими гнусными средствами, чтобы терроризировать и мучать крестьян.

Любой ценой и любыми путями враг пытается «усмирить» непокорную деревню Л. Несколько раз ее атаковали М-113 — американские амфибии. Во всех этих разбойничьих экспедициях, включая десанты на вертолетах, участвовали американцы. Четырежды только в одном 1960 году сайгонский режим пытался загнать народ за колючую проволоку и создать в Л. одну из пресловутых «стратегических деревень». Тщетно!

Все больше и больше сельской молодежи уходило в партизанские отряды и в части Армии Освобождения. Группы территориальной самообороны возникли здесь в 1960 году. Сейчас деревня освобождена. Но все равно приходится ждать возможного нападения врага.

Поэтому партизаны все время начеку.

...Захожу в дома — просто невозможно отказаться от сердечных приглашений солдатских матерей. Одна из хозяек просит меня непременно попробовать тонкие, как

* Неочищенный рис.

облатки, почти прозрачные лепешки из соевой муки — блюдо, которое особенно любят в деревне. Поглощая аппетитные, хрустящие лепешки, я не забываю записывать рассказ хозяйки:

— Мое имя Тхи Ан. Мне уже семьдесят пять лет. Мой муж погиб еще в период первого Сопротивления — убили в бою. Родила я двенадцать детей, а воспитать мне удалось только семерых. Но не все они дожили до нынешнего дня: в 1957 году сайгонцы убили одного из моих сыновей... Молоденький еще был, всего двадцать лет. Меня тогда продержали в тюрьме несколько месяцев... Три сына и обе дочери сейчас далеко от меня — в лесу, борются против тех, что приплыли из-за моря. Из пяти-рых внуков трое стали связными в Сопротивлении.

— Тяжело жить одной?

— Что вы! Со мной невестка и остальные внуки. У меня два гектара земли — мне ее дала народная власть в 1947 году. Правда, потом враги отобрали ее, но вскоре пришел Фронт и снова вернул мне мой участок. Ну и люди тоже помогают...

В соседней хижине живет Динь Няч, «солдатский отец». Он вдовец: жена умерла несколько лет назад. Четыре его сына, одна из дочерей, зятя и двое внуков участвуют в Сопротивлении. У него есть участок земли в 2,5 гектара. Старик еще бодр, работает без усталости и не поддается никаким болезням.

— Вместе со мной в этом доме живет одна из моих дочерей, — рассказывает Няч. — Мы с нею, да при помощи соседей, отстроили дом, разрушенный вражеской артиллерией в 1960 году. Если понадобится, у меня хватит сил, чтобы построить его вторично...

В хижину набиваются женщины. Они приносят с собой уже не связки бананов, а прямо охапки. Многие тащат крупные кокосовые орехи. Весть о госте из-за рубежа молниеносно разнеслась по деревне.

Занятые беседой, мы совсем забываем о времени. Данг торопит: нам предстоит пройти еще через одну деревню. И вот мы уже прощаемся, крепко жмем руки гостеприимным хозяевам. Но... приходится вернуться! Оказывается, сельский «беспроволочный телеграф» действует безотказно: из соседней деревни, где узнали о нашем прибытии, пришли два пожилых крестьянина. Они настойчиво просят зайти к ним. К сожалению, приходится отказаться — не по пути. Тогда они просят хотя бы послушать, как идут у них дела...

Седой Чан Фыонг, с остренькой и длинной бородкой

на добродушном лице, тоже «солдатский отец»: в Движении Сопротивления сражается шестеро его сыновей. Первый из них ушел в джунгли еще во времена первого Сопротивления, в 1947 году. Младшие, а равно и два внука, пошли по его стопам.

— Отправил я их в путь, благословил и остался хозяйничать один с невестками, — говорит Фыонг. — Жалею, что сед, а то бы стал рядом с сыновьями...

Плечистый До Вам Хюэ — председатель отделения Союза крестьян в своей деревне. Я прошу его рассказать о жизни села. Хюэ надевает очки, достает из куртки блокнот и начинает перечислять:

— Враг дотла сжег в нашей деревне семьдесят домов. Мы сообщаем всем «миром», восстанавливаем сожженные постройки. Создан комитет по охране зерна. Используем опыт периода первого Сопротивления — как лучше прятать от врагов урожай и тайно распределять рис, если они придут надолго. Научились ставить западни и устраивать ловушки на тропках. Есть и своя группа самообороны. Словом — мы готовы в отпору, если враг нападет на нас!..

Как раз в тот момент, когда мы выступаем в путь, прибегает запыхавшаяся молодая женщина.

— Нет, нет! — торопится она заверить руководителя. — Я не задержу вас. Но позвольте мне хотя бы пожать руку сестре из светлого мира, где жил Ленин — сестре из мира социализма...

Я нежно обнимаю женщину. Звучит команда, и мы уходим. Минуем последнюю хижину.

— Оглянись назад! — тихо говорит Данг.

Оборачиваюсь. С изумлением вижу множество людей, сопровождающих нашу группу. Старики, молодежь, матери с малышами на руках, дети, подростки... Они не отстают от нас, пока мы осматриваем места бомбардировки.

Воронки от крупных бомб уже наполнились желтоватой водой. Верхушки деревьев срезаны осколками. Барак из бамбука, сожженный пиратами Уэстморленда, теперь восстановлен и отведен под школу.

Я прошу Данга, чтобы он дал мне возможность взглянуть на братскую могилу в ближайшей пальмовой роще, где погребены зверски убитые захватчиками жители деревни. Когда мы добираемся туда, перед нами открывается печальное зрелище: большой участок леса поражает какой-то мертвой пустотой, повсюду торчат остатки разбитых и обуглившихся деревьев. Все это — следы на-

палма. Но тропическая зелень уже пробивается сквозь пепелище и буйной жизнью прикрывает следы смерти. Нет, не удастся американцам — даже всеми подлейшими смертоносными средствами! — выжечь эту землю и покорить вьетнамский народ!

Местные руководители пытаются остановить жителей, уговорить их не сопровождать дальше нашу группу. Однако несколько наиболее энергичных женщин стоят на своем: они проводят меня.

...Я прощаюсь с этой деревней — обычной, одной из многих вьетнамских деревень. Впереди еще много точно таких же. И всюду я встречу ту же твердую волю к сопротивлению заокеанским агрессорам, волю к борьбе с заклятым врагом. Я еще не раз воочию увижу беззаветность, страстность и мужество, характерные для всех вьетнамцев, от малых детей до седовласых мудрецов.

Наступает вечер. Мы плывем на сампане по реке, которая в моих записях надолго должна остаться «безымянной». Наша поездка по ней тянется до рассвета. Давно уже погасли последние краски заката. Тревожные, внезапные зарницы вспышками раздирают темное небо. Гроза стихает только к полуночи.

На фоне темных берегов косой линией обозначился полет одинокого светлячка: после него на мгновение остается искристый след. Постепенно смолкают ведущиеся шепотом разговоры. Несколько бойцов нашей группы уже дремлют на дне сампана. За своей спиной я слышу ровное, спокойное дыхание связистки Ляу.

Парни из охраны зорко всматриваются в ночной мрак — им не до сна. По этой реке не так давно подбирались к деревне Л. американские амфибии. А французы верно говорят: «На войне как на войне». Мы в любую минуту можем ждать встречи с врагом...

Но под этими яркими звездами, рассыпанными по небосводу совсем иначе, чем у нас, под бездонным небом, нависшим над неназванной рекой, среди людей, которые бодрствуют рядом, — чувство большого покоя охватывает меня. Эти люди трудятся и воюют на своей земле, которая хранит их. А я — друг этих людей, я с ними до конца!

*Южный Вьетнам,
1965 год*

Содержание

Предисловие	3
Часть 1.	
Вьетнам в дни мира	7
«Тюк мынг нам мой!»	9
Город взлетающего дракона	19
Неграмотные обретают свет	27
По следам доктора Иерсена	33
Визит в «дом без стен»	36
Персики цветут в джунглях	64
По дорогам Дельты	82
«Золотой лотос» на бунтарской земле	101
Мост на реке Бенхай	113
Часть 2.	
Возвращение на Бенхай	123
Враг не пройдет!	125
Военный словарь	128
Тень смерти над Донгхоем	133
Остров Батьлонгви	139
Незаконченный разговор с рекой Бенхай	143
Песня сопровождает бойцов	155
Погибшие остаются юными	158
Поездка в Хонгай	167
Часть 3.	
На той стороне	171
На Юг!	173
Ничто им не поможет!	179
Хождение детей по мукам	182
Пылающий Юг	191
Школа в джунглях	199
Шумит в ночи бамбук	206

Весной 1965 года известная польская писательница Моника Варненска решила отправиться в Демократическую Республику Вьетнам, чтобы своими глазами увидеть, как вьетнамский народ борется против иноземных захватчиков — американских империалистов. Это была ее вторая поездка в ДРВ.

Объехав несколько провинций, подвергшихся нападению воздушных пиратов из «ЮС Арми», М. Варненска собрала большой обличительный материал о зверствах американской военщины. Однако даже обилие записей, документов и свидетельств очевидцев не могло удовлетворить писательницу. Будучи военным корреспондентом центральной партийной газеты ПНР «Трибуна люду», эта смелая женщина побывала на Юге, в джунглях за 17-й параллелью. Она считала своим долгом объективно рассказать о борьбе вьетнамского народа не только на Севере, но и на Юге — она помнила лозунг вьетнамцев: «Север и Юг — наш общий дом!»

То, о чем рассказывает Моника Варненска в этой книге, не может не волновать советских людей. Нам близки и понятны тревоги и заботы братьев-вьетнамцев, мы всегда были и будем рядом с ними в их справедливой борьбе за мир, независимость, суверенность. Враг, кто бы он ни был, получит сокрушительный отпор. Советский народ, все прогрессивное человечество требуют: «Руки прочь от Вьетнама!»